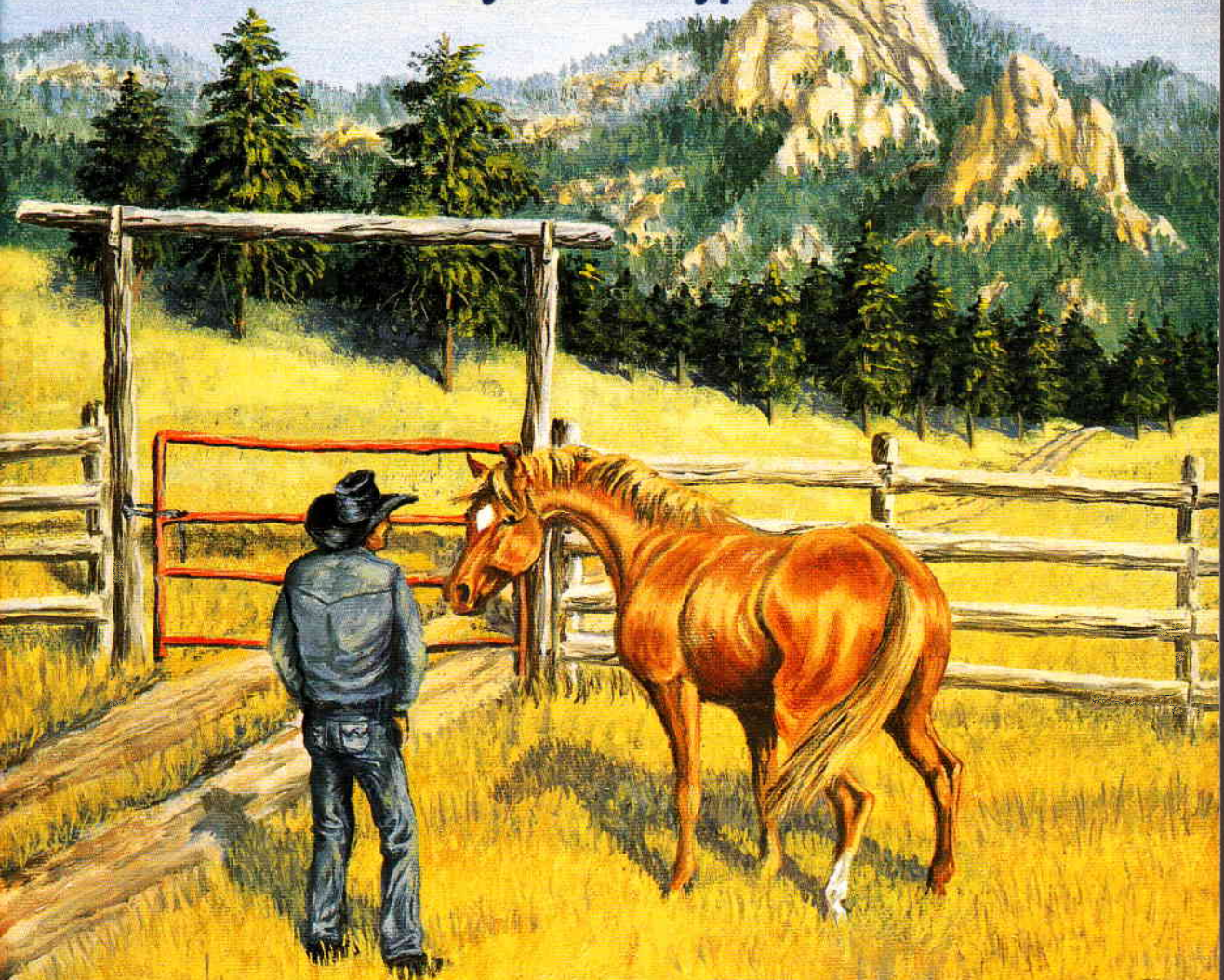

Марк Рашид

Размышления о лошади

Рассказы о решенных проблемах
и полученных уроках

Санкт-Петербург
Издательство ООО "ИКЦ"
2009

Национальный открытый институт России г. Санкт-Петербург

Марк Рашид

Размышления о лошади

Рассказы о решенных проблемах и полученных уроках

Перевод с английского Татьяны Ремизовой

Санкт-Петербург
Издательство ООО «ИКЦ»
2009

ББК 46.11

ISBN 978-5-98976-018-3

Considering the Horse
TALES OF PROBLEMS SOLVED
AND LESSONS LEARNED

Copyright © by Mark Rashid, 1993

Рашид, Марк.

Размышления о лошади: Рассказы о решенных проблемах и полученных уроках / Пер. с англ. – СПб.: НОИР; ООО «ИКЦ», 2009. – 174 с.

ББК 46.11

ISBN 978-5-98976-018-3

© Т.Б. Ремизова, перевод, 2008

© НОИР, 2009

© ООО «ИКЦ», 2009

© ООО «НИК», 2009

Содержание

Вступление	4
ЧАСТЬ 1. Чувство лошади	7
Глава 1	
Лошадиная точка зрения	9
Глава 2	
В чем причины проблем	22
Глава 3	
Необъяснимые проблемы	36
ЧАСТЬ 2. Проблемы на земле	49
Глава 4	
Как поймать лошадь, которая не дается	51
Глава 5	
Хорошие манеры	69
Глава 6	
Как взять ногу?	82
Глава 7	
«Звездочеты»	94
Глава 8	
Погрузка в коневоз	104
ЧАСТЬ 3. Проблемы под седлом	119
Глава 9	
Не дает садиться в седло!	121
Глава 10	
Лошадь артачится	132
Глава 11	
Как остановить лошадь, которая не останавливается?	141
Глава 12	
Лошадь трясет головой	151
ЧАСТЬ 4	160
Глава 13	
Найти учителя	162

Вступление

Цель написания этой книги заключена в том, чтобы рассказать вам из первых уст и без прикрас о разных ситуациях, с которыми я сталкивался, занимаясь с лошадьми. Лишь окончив книгу, я понял, что у читателей могут возникнуть некоторые вопросы.

Во-первых, вас может удивить мое решение написать книгу в виде рассказов, вместо того чтобы составить классическое методическое пособие. Ответ прост. Я хотел не только развлечь и заинтересовать вас, но и объяснить, как я пришел к тому или иному решению. Ведь готовые ответы на все вопросы не свалились мне на голову в один прекрасный день. Тому, что я знаю сейчас, я обучался в течение долгого времени, и не сразу находил правильные решения.

Правда заключается в следующем: если бы я не совершал в свое время определенных ошибок, у меня бы не появились знания, позволившие мне написать эту книгу. Ведь зачастую именно ошибки и просчеты преподносили мне самые ценные уроки. Я не имею права говорить вам, как решать проблему, не рассказав о том, как я нашел это решение. Если для этого нужно признать, что я совершал ошибки, так тому и быть.

Также мне хотелось, чтобы книга была приятна в чтении и понятна любому читателю — как коннику, так и тому, кто не имеет к лошадям никакого отношения. Надеюсь, вы сможете найти для себя полезное вне зависимости от того, ездите вы каждый день верхом или ваш опыт верховой езды ограничен катанием в детстве на деревянной лошади на карусели.

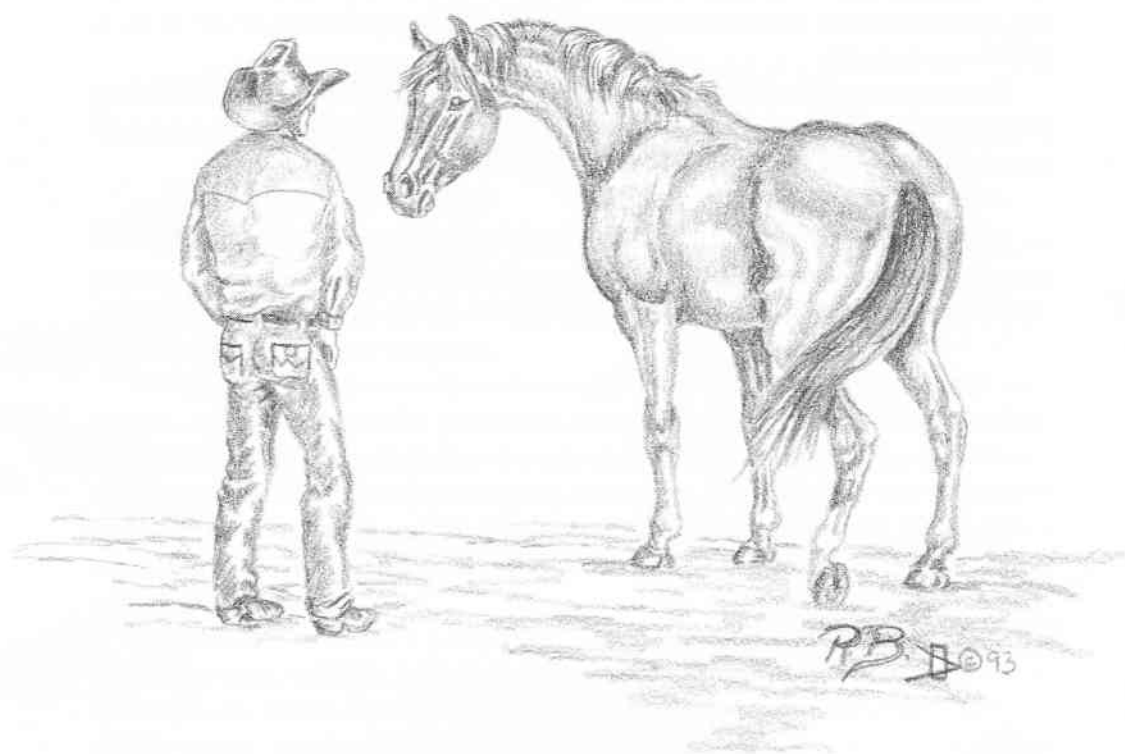
У вас может сложиться впечатление, что помимо решений, предлагаемых в книге, существуют гораздо больше способов устранить описанные мной проблемы. Вы правы. Я специально оставил некоторые варианты, чтобы вы могли самостоятельно устранить проблемы. Если, например, вы дочитали

главу, посвященную проблемам, возникающим при посадке на лошадь, и получили достаточно информации, чтобы у вас возникли собственные идеи относительно того, как урегулировать ситуацию, значит, мы оба чего-то достигли. Мне посчастливилось подсказать вам способ, как самостоятельно решить проблему, и вы взяли инициативу в свои руки. Я всегда напоминаю себе о том, что лучше дать вам столько информации, чтобы заставить думать, чем перегрузить избыточными сведениями.

Такие проблемы, как брыкание, свечки и отбивания, я умышленно опускаю, т.к. по собственному опыту знаю, насколько опасно подобное поведение лошади, и не хочу давать вам советов по его устранению из опасений, что, не имея опыта, вы можете покалечиться. Такие проблемы лучше решать опытному тренеру.

Некоторых проблем я не касаюсь по той простой причине, что у меня нет ответов на все вопросы. Откровенно говоря, я не уверен, что существует кто-то, у кого они есть.

Марк Рашид

ЧАСТЬ 1.
Чувство лошади

Глава 1

Лошадиная точка зрения

Семейство Пайков владело фермой с 1900 годов. Сменилось три поколения перед тем, как в 1941 году здесь, наконец, провели электричество. Это было целое предприятие. Все домочадцы собрались посмотреть, как электрическая компания будет бурить отверстия и устанавливать в земле один за другим большие деревянные столбы. Эти столбы должны были поддерживать провода, которые принесут в дом Пайков электричество. Проблема заключалась в том, что ферма стояла далеко от основной дороги, и потребовалось около 12 больших столбов, чтобы дотянуть провода до дома. В процессе установки электрики умудрились основательно повредить практически всю 10-акровую территорию, расположенную слева от подъездной дороги к ферме Пайков.

Начатое разрушение довершил торнадо, который пронесся над фермой два месяца спустя и повалил большую часть столбов. Смерч также разрушил амбар, сорвал с дома крышу и погубил заготовленное сено и большую часть скота. Семья попыталась восстановить ферму, но в итоге оказалась на мели, и 10 лет спустя хозяйство было продано Джиму Джонсону. Ему нужна была земля для разведения, тренировки и продажи лошадей.

Первое, что увидел Джонсон по прибытии, – единственный устоявший после торнадо электрический столб. Он был установлен рядом с сараем, где хранились инструменты, и не использовался по назначению после того, как над ранчо пронеслась буря. Столб был сделан из великолепной древесины и идеально подходил для бочки, которую Джонсон планировал построить.¹

¹ В центре бочки на старых ранчо устанавливали столб, вокруг которого оборачивали корду и использовали его как рычаг при заездке лошадей.

Вооружившись кирками и лопатами, Джим и его дядя попробовали выкорчевать столб. Это оказалось не так-то просто. Прошло 2 дня, а столб все еще крепко держался в земле, поэтому было решено, что проще построить бочку вокруг него, нежели вытаскивать его из земли и переносить на то место, где планировалось строительство. Так они и сделали.

Сарай был снесен, а на его месте построена бочка. Ограда бочки была высотой 1 метр 80 сантиметров, обычно на нее садились зрители, наблюдавшие за процессом заездки лошадей. На протяжении многих лет бочка активно эксплуатировалась, и грунт в ней превратился в смесь грязи и раскрошенного навоза. Во время дождей эта смесь делала бочку совершенно не пригодной для использования. Грунт становился настолько скользким, что было трудно ходить, не то что работать с лошадыю. В засушливый сезон дело обстояло не намного лучше. Во время работы с лошадыю поднималась такая пылица, что непосвященный человек, проходя мимо, мог принять это облако за дым от загоревшегося здания.

В один из таких сухих, пыльных дней летом 1968 года я сидел на ограде бочки на ферме Джонсона. Рядом со мной был Уолтер Прайт, мой босс. Он приехал со своего ранчо, расположенного в 4 милях, за сеном. Сено было уже погружено в грузовик, и мы остановились на пару минут, чтобы посмотреть на работу одного парня, который занимался с новой лошадыю.

Я впервые так близко наблюдал процесс заездки лошади. Увиденное настолько сильно взволновало меня, что я с трудом мог усидеть на месте. Я смотрел во все глаза сквозь клубы пыли. Один человек стоял, упираясь ногой в столб, стоящий посередине бочки. Он сделал это для того, чтобы получить рычаг, позволявший ему крепче удерживать в руках корду, которая была два или три раза обернута вокруг столба. Другой конец корды был пристегнут к крепкому кожаному недоузду, одетому на голову молодой лошади. Ее глаза были завязаны полотенцем.

Второй мужчина одну руку держал на полотенце, а другой вцепился в ухо лошади и тянул его со всей силы. При этом он щелкал зубами над самым ухом. Третий участник со всей мыслимой скоростью затягивал подпругу седла, которое только что закинул на спину лошади.

Все трое были покрыты потом, смешанным с пылью, их лица и руки были исполосованы липкой грязью, так же как и рубашки, об исходном цвете которых было невозможно догадаться. Я думал, что это и есть те внушающие трепет отношения человека и лошади. Было очевидно, что лошадь столкнулась с достойными противниками. Я сидел на ограде, наблюдал и думал, что когда-нибудь и сам буду заниматься объездкой лошадей.

Остальные работники на ранчо тоже столпились вокруг бочки и криками подбадривали троих мужчин. Когда один из них был готов сесть в седло, произошло нечто странное. Я услышал мягкий голос Деда, сидящего рядом со мной.

- Как ты думаешь, что чувствует сейчас лошадь? – произнес он, закури-
вая папиросу Camel.

- Что? – я не расслышал его сквозь шум толпы.

- Лошадь, – он сделал глубокую затяжку. – Что ощущает сейчас лошадь?

- Но это же просто лошадь, что она может чувствовать? – мне было 12 лет, и мой голос звучал на редкость противно.

Лошади были для меня просто могучими снарядами, которых запугивали и которыми помыкали. Мысль о том, что лошадь может что-то чувствовать, никогда не возникала в моем мозгу. Естественно, никто и не спрашивал у меня ничего подобного до того дня.

Я снова сосредоточился на происходящем в бочке. Теперь ковбой перекинул ногу через спину лошади и глубоко сел в седло. Тут я впервые заметил лошадь. Она была покрыта грязью и потом, поэтому определить ее масть было невозможно. Она стояла с задранным к столбу носом, на жаре, в пыли. Каждый мускул ее тела был напряжен, она дрожала от страха. Когда ковбой отвязал ее от столба и стащил повязку с ее глаз, в них безошибочно читался ужас.

Всадник, готовый к действиям, вонзил шпоры в бока молодой кобылке. В то же мгновение она превратилась в клубок, сплетенный из копыт, шерсти и пыли. Она брыкалась так сильно и с такой скоростью, что, когда ее задние ноги находились в высшей точке, раздавался громкий хлопок. Воздух с ужасным шумом выходил из ее легких при каждом прыжке. Я не слышал подобных звуков ни до этого случая, ни после.

Я слышал, как один из парней, сидевших рядом с нами на ограде, сказал, что Том, ковбой, сидящий на кобыле, «откусил больше, чем сможет проглотить». Очевидно, так оно и было. Всадник и лошадь неистовым галопом трижды промчались внутри бочки, перед тем как Том оказался в воздухе. Однажды на ярмарке я видел человека, которым выстрелили из пушки. Том совершил нечто похожее. Он мешком приземлился в 6 метрах от места старта. К ковбою подбежали люди, помогли ему подняться и стали ловить лошадь. Дед толкнул меня локтем.

- Пошли, – сказал он, перекидывая ногу через ограду бочки и спускаясь на землю, – нам нужно отвезти сено на ранчо.

С 10 лет я работал у Деда на побегушках. Взамен я мог бесплатно ездить верхом. За эти два года я раз шесть ездил со стариком за сеном. Я становился на стог и закидывал тюки сена в грузовик. Старик находился внутри и укладывал их рядами. Это был Форд пикап 49-го года выпуска, который выглядел так, будто его сбросили со скалы, и он каким-то чудом сумел приземлиться на колеса. Однако он еще был на ходу. Дед всегда настаивал на том, чтобы загрузить на 5 тюков больше, чем влезало в грузовик. Затем он отказывался привязать их, заявляя, что ехать нам недалеко и это лишняя потеря времени. Ровно посередине дороги домой несколько тюков неизбежно вы-

валивались из пикапа. Мы тратили еще минимум час на то, чтобы вернуть их обратно в грузовик.

Тот день не стал исключением. Как только мы завернули за угол ранчо Джонсона и вырулили на основную дорогу, я почувствовал, как грузовик качнуло, что красноречиво свидетельствовало о том, что несколько тюков уже лежат позади нас на дороге.

Все время, пока мы загружали сено обратно, меня преследовал вопрос, который был задан мне во время заездки. Что чувствует лошадь? Было такое впечатление, что Дед своим вопросом открыл мне глаза на тот аспект лошади, на который большинство людей, включая меня, никогда не обращает внимание. Мне хотелось показать ему, что я увидел то же, что и он – лошадь чувствовала страх.

Проблема была в одном. Вот мы стояли на дороге вдвоем и грузили сено, и я не мог подобрать слова, чтобы рассказать Деду свои мысли. Ничего подходящего на ум не приходило. Наконец, когда мы грузили предпоследний тюк, я решился открыть рот.

- Она была испугана, – сконфуженно произнес я.

Дед остановился и посмотрел на меня, как бы говоря: «Не понимаю, о чем это ты», хотя я знал, что он все прекрасно понял.

- Лошадь, – продолжил я, – она была испугана. Страх – вот что она чувствовала.

Дед кивнул головой и спокойно сказал: «Я рад, что ты заметил». Я ждал, что он скажет что-нибудь еще. Что-то вроде «хороший конник всегда видит подобные вещи», или «а ты, оказывается, наблюдательный парень», или даже «ты не так глуп, как я думал». Однако он больше ничего не произнес.

Спустя годы я понял, что ничего больше и не нужно было говорить. Суть была в том, что знание лошадей означает не просто умение ездить на них, это намного глубже. Дед постиг эту суть, теперь дело было за мной. Я мог попытаться понять или же просто забыть об этом эпизоде. С этого дня я решил сделать все возможное, чтобы узнать, как завоевать доверие лошадей.

Мне хотелось бы написать, что за остаток лета я обрел потрясающий опыт, который многому научил меня. Но это было бы неправдой. Хотя я и пытался теперь смотреть на лошадей с другой точки зрения, на деле мне приходилось все так же выполнять мелкие поручения по хозяйству, чинить ограды, убирать навоз из левад и т.д. Я редко имел возможность работать с лошадьми.

Лишь весной следующего года мне представился случай на практике продемонстрировать мою новую позицию. Как-то утром я, как обычно, чистил стойла. Во двор заехал пикап, к которому был прицеплен коневоз. Внутри находился гнедой мерин, который метался и старался вырваться наружу. Водитель сдал задом к одному из свободных загонов, Дед открыл ворота. Мерин тут же выскочил наружу и дунул в загон, размером 6 на 9 метров. Он быстро обнаружил, что дальше бежать некуда, и остановился в противопо-

ложном углу. Многочисленные царапины покрывали его голову, ноги и бедра, он так сильно дрожал от страха, что я опасался, как бы он не упал. Водитель трейлера заявил, что считает эту лошадь никудышной и, если нам удастся с ней справиться, мы можем забирать ее себе. После того как трейлер уехал, Дед подошел ко мне.

- Хочешь поработать с этой лошастью? – спросил он будничным тоном. Никогда раньше он даже не намекал на то, что, возможно, я буду заниматься с лошадьми, поэтому его вопрос был для меня полнейшим сюрпризом.

- Я не знаю, что с ней делать, – сказал я.

- Эта лошадь сама покажет тебе, что делать, – таков был его ответ. – Просто смотри на все, что ты делаешь, с точки зрения лошади. Тогда все получится само собой.

- Я даже не знаю, с чего начать, – возразил я.

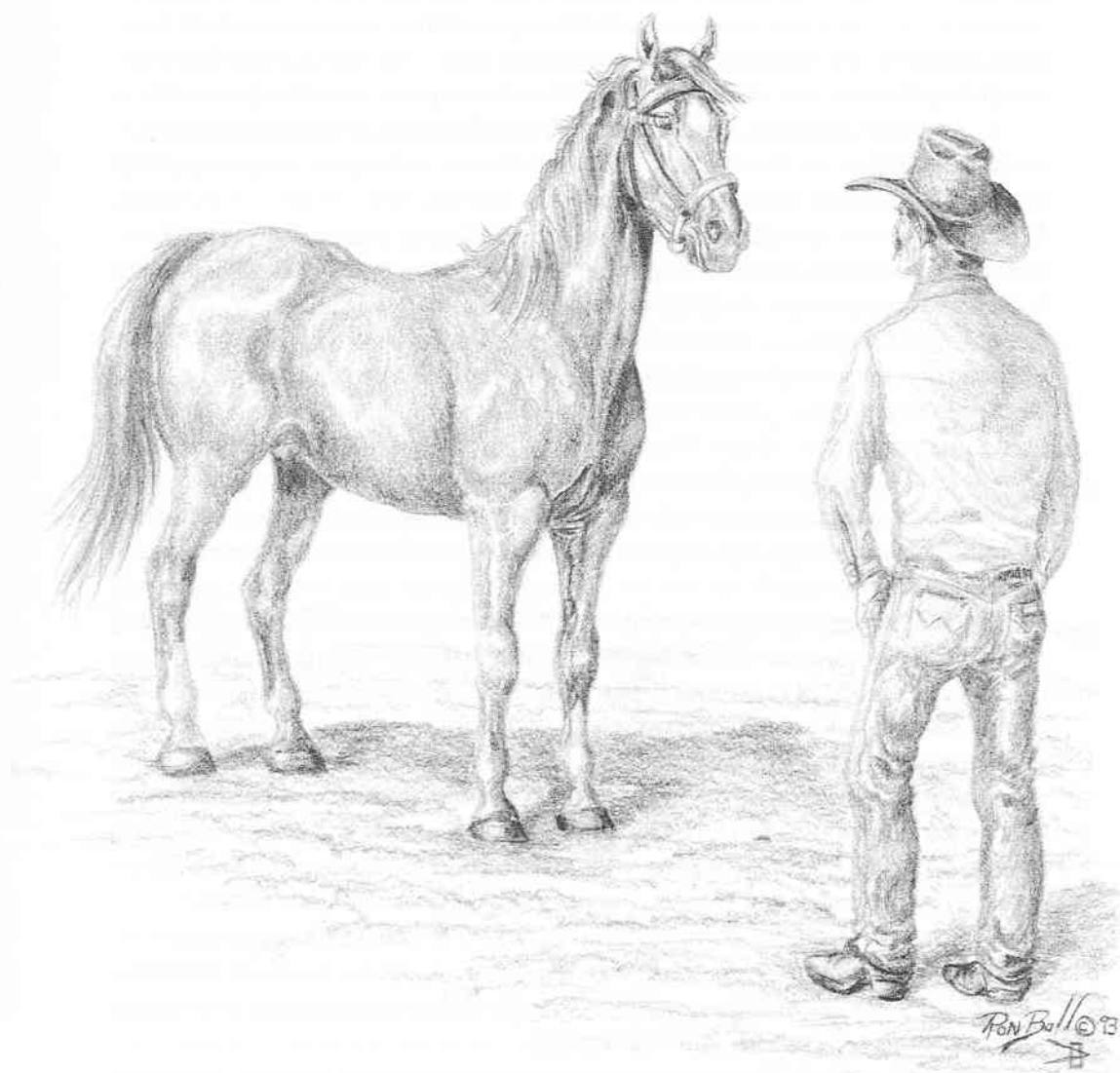
- Она испугана, – буркнул Дед. – С этого и начни.

Он ушел.

Я снова остался наедине со своими мыслями. Я мог либо взять быка за рога и попытаться работать с этой лошастью, либо вернуться к уборке конюшни. Взвесив все «за» и «против» и решив не принимать поспешных решений, я вернулся к своим стойлам. В течение двух последующих дней я, как обычно, выполнял свои обязанности по хозяйству. На третий день я услышал, как Дед окликнул меня из пикапа. Сквозь шум мотора он крикнул мне, что ему надо ехать в город, а в загоне нового мерина оставили недоуздок, его нужно забрать оттуда. Он спросил меня, смогу ли я сделать это. Я ответил, что смогу.

Знакомый звук тарахтящего мотора и металлического скрежета быстро удалялся. Я завернул за угол и оказался у небольшого загона с меринком. С ужасом я увидел, что единственный недоуздок в загоне застегнут на его морде. Утром Деду удалось каким-то образом не только подойти к мерину достаточно близко, но и надеть на него недоуздок! Он сделал это так, что я ничего не видел и не слышал. Я не мог в это поверить! «Что ж, – подумал я, – если он смог сделать это, сумею и я».

Решительно стиснув зубы, я вошел в загон. Это не произвело на мерина впечатления. Мерин просто развернулся и начал рысить вдоль дальнего периметра. Я бесстрашно последовал за ним. Прошло 15 минут. Ничего не изменилось. Он все еще рысил, я продолжал следовать за ним. Спустя 25 минут я решил изменить свою стратегию. Я перешел в центр загона и остановился, чтобы перевести дух. К моему удивлению, лошадь тоже остановилась. Мало того, она развернулась и посмотрела на меня. Так мы и стояли, глядя друг на друга и пытаясь представить, что же делать дальше, пока я не заметил летящего ко мне шершня. Он подлетел совсем близко и завис передо мной на уровне груди. Я решил, что благоразумнее будет отступить, и сделал пару шагов назад. Шершень облетел вокруг меня раза 3 или 4 и снова

завис на прежнем месте. Я опять отступил. Такое повторилось раза три, после чего он решил, что забава начинает надоедать, и улетел прочь. Все это время мое внимание было полностью приковано к насекомому. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что мерин переместился в центр бочки. Благодаря шершню я отошел от середины загона и находился теперь ближе к забору. Внезапно мне в голову пришла мысль: если я буду отступать, мерин последует за мной точно так же, как перед этим я следовал за ним. Чтобы проверить догадку, я сделал пару шагов назад. Мерин поколебался несколько мгновений, а затем сделал несколько шагов в моем направлении.

Это было откровение. Чем больше я думал об этом, тем больше видел смысла в своем открытии. Если я напуган, и кто-то пытается меня поймать, я буду спасаться бегством. Именно так поступала лошадь, потому что я напугал ее. Когда я перестал преследовать мерина, его страх постепенно исчез и он, почувствовав себя достаточно комфортно, остановился. Я не мог понять одного. Почему он последовал за мной? Несмотря на то что я был озадачен, я не стал заикливаться на этом. По крайней мере, мерин больше не убегает от меня. Он сделал усилие, чтобы приблизиться ко мне, и это было для меня наградой.

Я продолжал отступать, мерин следовал за мной. С каждым шагом он подходил все ближе. Через 10 минут он стоял так близко, что его голова находилась в футах от меня. Я медленно поднял руку и прикоснулся к его носу. Он немного занервничал, но не убежал. Я опустил руку, а затем снова предпринял попытку потрогать мерина. Он воспринял это уже спокойнее, но все же продолжал бояться.

Я продолжал свои попытки. Прикасался к нему и опускал руку. Прошло достаточно много времени, пока я смог погладить его лоб, нос и щеки. Я так боялся совершить какую-нибудь ошибку и напугать лошадь, что двигался очень медленно. Казалось, такие замедленные движения оказывают на него успокаивающее воздействие. Мне удалось встать рядом с ним и снять с него недоуздок. Затем я попытался, развернулся и направился к воротам. Я чувствовал, что лошадь охотно дала мне снять недоуздок, хотя и продолжала испытывать страх. Я попробовал поставить себя на ее место и поступать в этой ситуации так, как мне было бы комфортно. Это сработало.

Я с трудом дождался возвращения Деда, чтобы поведать ему о своем подвиге. Дед приехал, спокойно уселся на тюк сена, закурил сигарету и внимательно выслушал мой переполненный деталями сбивчивый рассказ о том, как мне удалось снять с мерина недоуздок.

- Похоже, ты действительно сделал что-то правильно, — сказал он, наконец, когда я дал ему вставить слово. — Ведь все оказалось не так трудно, как ты думал.

- Да! — согласился я. — Это было великолепно!

Дед медленно кивнул, затянулся своей сигаретой и сказал: «Что ж, возвращайся к своей работе, стойла еще не вычищены».

Стойла, подумал я... Как он может просить меня почистить стойла? После всего, чего я добился, после того, как я снял с мерина недоуздок! Очевидно, для него это событие не имело такой важности, как для меня. Но мне было все равно. Я сделал это, и никто не мог отнять у меня мою победу. Более того, для меня это было началом. Я много раз слышал, как Дед говорил о лошадиной точке зрения, но не понимал, о чем идет речь. Не скажу, что в тот момент я понял, но я увидел. Понимание пришло позже.

Через несколько лет я начал развивать практическое умение тренировать лошадей, рассматривая ситуацию с их точки зрения. Это все равно, что одноногий человек заявил бы, что умеет танцевать кадрили. Вероятно, он может танцевать, но это не та кадрили, какой она должна быть на самом деле.

Я начал осознавать, что, если я хочу научиться чему-то, я должен сделать 2 вещи. Первое – узнать как можно больше о лошадях как о животных. А второе – пропустить через свои руки как можно больше лошадей. Таким способом я узнаю о них больше и смогу испробовать на них мои методики. Проблема была в том, что большая часть информации, почерпнутая из книг или от других конников, не стоила и сотой доли того, что я узнал от Деда и от самих лошадей.

Например, многие люди считают, что лошади не особо умны и не способны воспринимать разумные аргументы. Имея дело с лошадьми ежедневно, я убедился в обратном. Я видел лошадей, которые умели открывать ворота. Лошадей, которые надувались, предвидя, что сейчас будет туго затянута подпруга, а когда всадник садился в седло, сдувались. Я встречал лошадей, которые не давали себя поймать или же, напротив, охотно подходили сами в зависимости от того, как с ними обращались.

Когда люди сталкиваются с подобным поведением, они думают, что лошади рождены для того, чтобы создавать трудности, только потому, что те делают нечто неправильное и нежелательное с человеческой точки зрения. Однако я точно понял одно – лошади не такие, как люди. Они думают и учатся иначе. Мы создаем проблему, когда пытаемся заставить их думать и чувствовать, как мы.

Люди часто забывают о том, что любая лошадь рождается лишь лошадью. Она не знает, что ее одомашнили и приручили. Она рождается диким животным, живущим исключительно за счет своих инстинктов, среди которых главным является инстинкт выживания. Он заставляет лошадь убегать от любого источника страха, и пока лошадь разберется, что к чему, ее пугает буквально все. Именно инстинкт выживания формирует характер лошади с момента ее рождения и до ее смерти. Это чаще всего вызывает у людей непонимание. Мы считаем лошадь глупой и тупой только потому, что она отвечает не так, как мы ожидаем. На самом деле, вероятно, она дает единственно возможный для нее ответ, который диктует ей инстинкт выживания.

Одна простая вещь стала мне до боли очевидна за год до смерти Деда. Он «спихнул» на меня лошадь, которая, как он говорил, «немного брыкается и малость имеет проблемы». Дед хотел посмотреть, получится ли у меня справиться с ней до такой степени, чтобы я смог на ней ездить.

К тому времени, когда я столкнулся с этой лошадью, я натренировал и скорректировал около дюжины лошадей. Благодаря своим успехам я стал довольно самоуверенным. С каждой из лошадей я работал приблизительно по одной и той же схеме. Пару дней отводилось знакомству в бочке, 2–3 дня – работе на корде и в руках, день или два лошадь привыкала к седлу, и, наконец, я садился верхом. У меня не было причины думать, что та лошадь, которую дал мне Дед, будет сильно отличаться от предыдущей.

Но, к своему удивлению, я увидел, что после первых трех дней занятий в бочке отношение лошади никак не изменилось. Работа на корде тоже не принесла результатов, если не сказать, что она ухудшила положение. Несмотря на все это, по прошествии 7 дней, отведенных мной на подготовку этой лошади, я смог ее поседлать и даже встать в стремени. На восьмой день, когда я перекинул ногу через спину лошади, она вздрогнула от страха. Я попытался успокоить ее, погладив по шее. Теперь, оглядываясь в прошлое, я могу сказать, что действовал так, как если бы вошел в горящий лес с водяным пистолетом. Тогда это было не важно, я же смог сесть верхом!

После того, как я посидел в седле несколько минут, я решил попросить лошадь пойти вперед, слегка стукнув ее три раза пятками. Единственной реакцией на удары было пугливое шараханье всем телом. Поскольку лошадь не отвечала так, как мне хотелось, я решил оказать на нее чуть более сильное давление. Для этого я дал ей один сильный пинок.

Меня до сих пор удивляет, как много энергии может собрать лошадь, если она действительно хочет избавиться от чего-то, находящегося у нее на спине. Особенно если это «что-то» является человеком, который целую неделю «доставал» ее и был для нее источником стресса.

Эта необычная лошадь высадила меня так быстро, что я оказался лицом в грязи прежде, чем успел понять, что у меня проблемы. Собрав себя по частям, я кое-как поднялся на ноги, встал перед лошадью и закричал что есть мочи: «Никудышная дура!»

Потом я заметил Деда, который прислонился к забору и смотрел, как я разоряюсь. Его взгляд ясно говорил о том, что во всем происшедшем виноват я. Вернее, мое ложное представление о том, как должна себя вести лошадь. Конечно, он был прав. Мое нетерпение не оставило лошади никаких альтернатив, она была вынуждена обороняться. Ее инстинкт выживания возобладал над всеми остальными чувствами и мыслями, в итоге я оказался лежащим в грязи. Справедливость восторжествовала.

Я рассказываю все это потому, что не верю в то, что лошади глупы. Я думаю, что они гораздо более разумны, чем мы можем себе представить. Это

мы воспринимаем их такими, так как, если что-то идет не так или лошадь сбита с толку, ее инстинкты берут верх. Когда такое происходит, она начинает совершать глупые или бессмысленные, с точки зрения человека, поступки. Для лошади же ее действия могут быть продиктованы вопросом жизни и смерти.

Я помню, как Дед говорил мне, что, если я хочу быть хорошим тренером, я должен перестать думать как человек и начать думать как лошадь. Я должен научиться видеть мир глазами лошади. Мне это было легче сказать, чем сделать, несмотря на то, что я буквально вырос с такой позицией.

Я открыл для себя, что помимо понимания, почему лошадь совершает те или иные действия и реагирует определенным образом, мне необходимо развить в себе безграничное терпение. Этому есть много объяснений, одно из главных – лошадь не знает времени. Я подразумеваю то, что лошади, в отличие от нас, не имеют временных ограничений. Им не нужно ходить в магазин, готовить еду, стирать белье и чинить машину, в природе у них даже нет «обеда».

Иными словами, они могут целый день постигать то, чему мы пытаемся их обучить. Им совершенно нет дела до того, что нам нужно, например, быть на встрече в 3 часа дня. Им-то этого не нужно. Их нельзя заставить понимать или делать что-то быстрее, потому что мы торопимся. В этом заключается одна из основных причин возникновения проблем. Вторая причина в том, что людям более свойственно стремление к доминированию и запугиванию, нежели готовность общаться с лошадью.

Я помню, как несколько лет назад в начале сентября был в Колорадо. Ранней осенью там стоит 35-градусная жара и на небе ни облачка. Я приехал на соревнования, это был 15-мильный маршрут. Они начинались в 8 утра и заканчивались около 2 часов дня.

На парковке было полно коневозов всех типов, марок и размеров. Слева стоял очень симпатичный темно-серый трейлер на две лошади. Задняя дверь коневоза состояла из двух половинок, верхней и нижней, которые можно было открывать по отдельности.

По окончании соревнований к коневозу подъехала женщина верхом на красивом гнедом квартере². Она спешила, привязала лошадь к трейлеру, расседлала и принялась ее тщательно чистить. К этому времени температура достигла 36 градусов.

Закончив чистку, женщина отвязала мерина, подвела его к задней части трейлера и открыла двери. Из раскаленного, как духовка, трейлера пахло жаром. Жар был настолько сильным, что женщина отступила назад и прикрыла лицо от горячего воздуха рукой. Она выждала полминуты, а затем

² Сокращенно от «квоттерхорс» – американская порода лошадей, дословно «четвертьмильная». Обладает высокой резвостью на дистанции в 1/4 мили.

попросила лошадь войти в внутрь. Мерин поставил на трап одну ногу и заглянул в трейлер, после чего немедленно попятился. Он посмотрел на женщину, как бы говоря: «Эй, да там действительно жарко! Как насчет того, чтобы подождать пару минут?»

Женщина проигнорировала знак, который подала ей лошадь. Она снова попыталась завести ее внутрь. Та уперлась и борьба началась. В последующие два часа шла отчаянная битва между человеком, который порой становился жестоким, и лошадиным инстинктом выживания. На одной стороне я насчитал около 17 бойцов, которые столпились вокруг коневоза и предлагали разнообразные советы. Ни один из них не принес желаемого результата. За эти 2 часа я неоднократно слышал из уст хозяйки упрямой лошади, что она должна быть в 5 часов дома, т.к. к ней на ужин приглашены гости. Теперь же из-за того, что «глупая» лошадь не хочет грузиться, она опаздывает. Меня заинтересовало то, что она, вместо того чтобы винить собственное нетерпение, перенесла вину на лошадь, которая, по ее мнению, никогда раньше не доставляла хлопот с погрузкой. Я не мог помочь ей понять, что вполне достаточно было выждать 10–15 минут и проветрить коневоз, чтобы избежать инцидента.

Вместо этого она совершила ту же ошибку, которая давным-давно привела к моему бесславному падению в грязь. Женщина попыталась заставить лошадь делать что-то быстрее, чем та была готова. Результат оказался также плачевным. Инстинкт выживания возобладал, и лошадь перешла в режим самообороны. Когда страсти накалились, стало ясно, что даже если женщина позовет на помощь хоть всех жителей Денвера, лошадь не зайдет в трейлер. Ее врожденные инстинкты будут сильнее того, чему она научена искусственно. Они говорят ей, что ее жизнь в опасности, хотя это и не так на самом деле.

Со временем я пришел к пониманию того, что корни почти всех проблем с лошадьми кроются в непонимании этого простого принципа. Когда к этому прибавляется спешка и нетерпение, тренировка или прогулка может закончиться плохо.

Некоторые люди обращаются со своими лошадьми подобно тому, как Дед грузил сено. Он не хотел тратить лишние 15 минут, чтобы привязать тюки к грузовику, и нам приходилось битый час собирать сено по дороге. То же самое и с лошадьми. Если в первый раз мы не потратим время для того, чтобы все сделать правильно, исправление допущенных ошибок займет гораздо больше времени и сил. Я видел очень много хороших лошадей, которые стали проблемными из-за отсутствия у человека понимания и готовности искать пути к сотрудничеству. Тогда как, проявив терпение и сделав некоторые усилия, проблемы можно было бы полностью избежать.

Я совсем не хочу сказать, что понимание лошадиной точки зрения делает тренировочный процесс простым и легким. Это не шаблон. Такой подход

является противоположным старым ковбойским методам заездки лошади, основанным на силе. Вместо большой дубины используется мягкая рука.

Я вспоминаю свой визит на старое ранчо Джонсона летом 1980 года всего за несколько дней до того, как бульдозер расчистил площадку для строительства нового жилья. Ранчо было покинуто с 1975 года, когда Джонсон умер.

Я пристально смотрел на бочку, заросшую люцерной и сорняками. Посередине все еще стоял электрический столб, вкопанный в землю. Он видел много битв с лошадьми. На его теле остались выемки от корды, к которой были привязаны эти лошади. Иногда я сравниваю отношение некоторых людей к лошадям с этим столбом, негибким и крепко вбитым в землю. Также я думаю обо всех тех лошадях, у которых не было ни единого шанса в борьбе со столбом.

Однако я осознаю, что многие владельцы лошадей просто не знают лучшего пути. Они обращаются со своими лошадьми так, как их учили, никто никогда не показывал им, что можно действовать иначе, или же они не утруждали себя поисками иных путей.

Старые отношения можно изменить. Иногда для этого потребуется меньше усилий и времени, чем мы ожидаем. Электрический столб, десятилетиями незыблемо стоявший посередине бочки, в конце концов упал. Для этого понадобился всего лишь 8-тонный бульдозер.

ГЛАВА 2

В чем причины проблем

- Я собираюсь поехать посмотреть новую лошадь, – сказал Дед, идущий позади меня. – Хочешь со мной?

- Конечно, – я приставил свои вилы к стене и потрусил вслед за ним к старому пикапу. Когда Дед говорил, что он едет посмотреть лошадь, это означало, что он присматривается к покупке. Для меня было очень полезно сопровождать его в таких поездках, Дед знал толк в лошадях.

Дед был экспертом по оценке текущей и потенциальной цены на лошадь. Причем свои выводы он мог сделать, просто поговорив с ее хозяином по телефону. У него были свои уловки, позволяющие убедить хозяина продать лошадь не торгуясь, за ту цену, которую Дед был готов уплатить.

Было очень интересно наблюдать за тем, как он ведет переговоры, поэтому я ловил любую возможность присоединиться к нему. Однако было одно препятствие, мешающее нам отправиться немедленно. Пассажирская дверца старого пикапа. Перед тем как сесть в грузовик, я должен был совершить «ритуал пассажирской двери». Через открытое окно нужно было со всей силы потянуть за ручку внутри салона, одновременно пинная нижнюю часть двери. Дверь внезапно распахивалась, ударяя меня по ноге. В ответ я плясал от боли, исполняя короткую, но эмоциональную джигу.

Сев в салон, нужно было 3 или 4 раза сильно хлопнуть дверью, чтобы она плотно закрылась. Естественно, во время этого хлопанья в салон налетала целая туча насекомых. Избавиться от этого роя можно было, лишь широко открыв окна и разогнав грузовик до 40 миль в час, что само по себе было подвигом. Затем я принимался широко размахивать руками. Через 5 или 6 миль насекомых просто выдувало из кабины.

Когда Дед вырулил на нужную дорогу, салон был уже освобожден от насекомых. Мы ехали по территории, принадлежащей конюшне. Дребезжание и рев грузовика резко контрастировали с чистенькими белыми оградами, стоявшими по периметру аккуратных ухоженных левад, в которых паслись такие же ухоженные дорогие лошади. На заднем плане стояли нарядно покрашенные бело-красные строения. Я чувствовал себя так, будто пришел на вечеринку, думая, что это будет маскарад, а попал на светский раут, где все одеты в смокинги.

Мы остановились у средней конюшни, заглушили мотор и вышли из машины. Мы стояли рядом с манежем, откуда доносился оживленный шум.

Дед подмигнул мне и усмехнулся.

- Здесь кое-кто с норовом, — колко пошутил он, когда мы вошли в боковой проход, где одна женщина чистила своего чистокровного мерина. Очевидно, шум в манеже сильно нервировал лошадь.

- Простите, мэм, — вежливо произнес Дед так, будто встревоженной лошади рядом с ним и вовсе не существовало. — Вы не подскажете, где нам найти мистера Джона Формса?

- Кого? — почти выкрикнула женщина, сильно шлепая лошадь по шее, видимо, в наказание за плохое поведение.

- Джона Формса, — спокойно повторил Дед.

- Он на плацу, — прошипела женщина.

- Спасибо, — Дед приподнял шляпу в благодарность, но женщина была слишком увлечена своей лошадыо, чтобы заметить его жест. Мы пошли дальше по проходу под грохот и звуки ее проклятий: лошадь сначала пнула ящик с щетками, а затем опрокинула ведро, полное овса. Дед, казалось, совсем не обращал внимания на происходящее позади. В отличие от меня, он даже ни разу не обернулся.

Мы вышли через заднюю дверь и оказались рядом с очень просторным, аккуратным плацем. На плацу было несколько лошадей под верхом. Большинство лошадей выглядело хорошо выезженными и вполне управляемыми, кроме одной, в центре. Это был красивый пегий мерин, который создавал такой беспорядок, что все остальные всадники всеми силами старались держаться от него подальше. Он пританцовывал, вставал на свечки, тряс головой, визжал, фыркал и крутился на месте. Причем, все это он делал одновременно.

Пока мы стояли и наблюдали за этим, у меня в голове пронеслось 2 мысли. Первая — о том, что всадник ненадолго задержится в седле, а вторая — что это не та лошадь, которую мы приехали смотреть. Если же это все-таки она, то Дед еще 10 раз подумает о целесообразности покупки, и мы вскоре отправимся домой, и, следовательно, я вернусь к своим стойлам.

- Которая из лошадей? — спросил я, в то время как Дед закуривал 25-ю за сегодняшнее утро сигарету.

- Пегая, — ответил он бесстрастно.

В это время лошадь резко наклонила плечо и взбрыкнула. Всадник оказался в воздухе. Приземлившись, он сразу вскочил на ноги и принялся яростно дергать поводья. Перед тем как попытаться снова сесть в седло, он осадил лошадь через весь манеж.

Лошадь начала крутиться, не давая всаднику вставить ногу в стремя. Человек снова передернул поводьями. Лошадь встала, и ему удалось сесть. Но как только он плюхнулся в седло, лошадь понеслась через манеж, разгоня всех на своем пути. Они носились так еще несколько минут.

С содроганием я сказал: «Похоже, у этой лошади проблемы».

Дед сделал последнюю затяжку и бросил сигарету на землю. «Да, и эта проблема – ее всадник».

Очевидно, Дед увидел что-то такое, что я проглядел, но, не желая выглядеть дураком, я кивнул в знак согласия.

- Возможно, нам удастся ее купить до того, как этот парень ее вконец доломает, – сказал Дед, подошел к всаднику с лошастью и переговоры о покупке начались. Всадник и был хозяином лошади, Джоном Формсом. Он хотел за мерина 750 долларов.

- Он не стоит столько, – резко сказал Дед, отрицательно мотая головой.

- Что вы имеете в виду? – возразил Формс. – Это хорошая лошадь, очень горячая.

- Мы наблюдали за вами 20 минут, – ответил Дед, – и не видели, чтобы лошадь хоть раз стояла на всех четырех ногах одновременно.

Это было правдой. Даже сейчас, когда два человека спокойно беседовали, лошадь продолжала пританцовывать.

- Он просто переполнен энергией, – Формс попытался выдавить из себя улыбку.

Дед посмотрел на него, как бы говоря: «Да ладно парень, мы оба знаем, в чем тут дело». Они некоторое время молча смотрели друг на друга, наконец Формс спросил, сколько Дед готов заплатить.

- 225 долларов, – был его ответ.

- Я не могу продать его за такую цену, – сказал Формс с раздражением.

- ОК, – безразлично ответил Дед, как будто сделка его совершенно не интересовала. – Спасибо, что потратили на нас время, – с этими словами он развернулся и пошел прочь.

Мы уже подошли к пикапу, и я собирался в очередной раз проделать ритуал с пассажирской дверью, когда к Деду подошел Формс.

- Как насчет 300 долларов? – выпалил он.

- 225, это все, чего он стоит, – ответил Дед.

- 250, и я сам привезу его.

Дед сел в кабину и сделал вид, что глубоко задумался. На самом деле думать было не о чем. 250 долларов была именно та цена, которую он планировал заплатить. Он сказал мне это по дороге.

Спустя несколько минут Дед нарушил молчание и произнес: «Хорошо, я думаю, что могу взять его за 250, если вы обеспечите доставку».

- Идет, – сказал Формс, – я привезу его после полудня.

- Договорились, – ответил Дед, с улыбкой протягивая руку. Рукопожатие скрепило сделку, и немногим позже в тот же день лошадь появилась на ранчо Деда.

Пару дней спустя, придя на работу, я увидел Деда верхом на новом пегаше в поле. Я не мог поверить своим глазам. Лошадь была спокойной и отзывчивой не только на шаг, но также на рыси и на галопе.

Дед увидел меня и подъехал поближе. Когда они приблизились, он мягко попросил лошадь остановиться, слегка отклонившись назад и спокойно приподняв поводья. Лошадь остановилась и мгновенно расслабилась.

- Ну, – спросил он, перекидывая поводья через шею лошади, чтобы зажечь сигарету, – что ты думаешь?

- Как Вам удалось успокоить его? – спросил я, не веря своим глазам.

- А я ничего с ним не делал, – ответил Дед. – Он всегда был таким. Это бывший хозяин заставлял его буянить.

И он объяснил мне, что лошади не ведут себя дурно, не имея на то причин. У прежнего хозяина мерина была жесткая рука, и у лошади просто не оставалось выбора: ей постоянно приходилось обороняться, когда тот появлялся поблизости. Иными словами, он не давал лошади возможности вести себя хорошо. Ответом на действия человека был страх лошади, она выходила из-под контроля. В итоге хозяин решил избавиться от лошади, пока та его не покалечила.

- Моя работа, – улыбнулся Дед, – состоит в том, чтобы покупать таких лошадей, исправлять их и продавать с выгодой для себя.

- Но если прежний хозяин лошади не знает, что он поступал неправильно, – спросил я, – как же он сможет исправиться?

- А он и не исправится, – последовал ответ, – и я буду зарабатывать на его лошадях до конца своих дней.

- Может, все-таки помочь этому человеку научиться избегать ошибок, чтобы он прекратил портить лошадей? – спросил я.

- Я скажу тебе один секрет, – ответил Дед, облокотившись на луку, – ты не сможешь помочь тому, кто не хочет получить помощь, особенно если дело касается лошадей.

Я вернулся на конюшню и продолжил свою работу, когда на меня снизошло понимание того, о чем он говорил. Я никогда не видел, чтобы Дед давал кому-нибудь советы относительно того, как обращаться с лошадьми, не смотря на то, что даже крупица информации, полученная от него, могла оказать огромную помощь. Именно по этой причине он проигнорировал нервничающего чистокровного мерина на конюшне, где мы смотрели пегаша. Его хозяйка не попросила помочь ей успокоить лошадь, Дед и не вмешался. Пе-

ред тем как просить о помощи, женщине нужно было для начала осознать свою собственную неправоту. Большинство людей не любят признавать свои ошибки и раздражаются, когда им предлагают помочь, как бы давая понять, что они неправы. Дед не хотел обижать женщину, это могло ухудшить ситуацию, поэтому он просто промолчал.

С другой стороны, я видел, что когда у Деда просили совета, он охотно делился информацией. Это помогало обоим, и лошади и всаднику. Но если его не просили, то он и не лез с советами. Он просто покупал лошадей, считавшихся проблемными, приводил их в порядок и продавал. Через три недели после покупки Дед продал пегаша молодой женщине за 750 долларов. Он заработал 500 долларов. Такова была цена, которую заплатил прежний хозяин лошади, игнорировавший собственные проблемы.

С тех давних времен я видел сотни, нет, тысячи аналогичных владельцев лошадей. Они не могли поладить со своими лошадьми по одной простой причине. Они не знали, как это сделать. И вместо того, чтобы попросить помощи, они пытались силой решить проблему. Они запутывались еще больше, пытаясь вести себя с лошадью, как с капризным ребенком или нерадивым подчиненным, вместо того, чтобы вспомнить, что они имеют дело со сбитой с толку лошадью.

Долгое время я был твердо убежден, что все проблемы с лошадьми возникают именно таким путем. Однако потом я понял, что не все так просто. Помнится, однажды вечером мне позвонила женщина, которая нуждалась в помощи. Она сказала, что купила лошадь меньше 3 месяцев назад, та была хорошо выезжена, спокойна и дружелюбна. Однако теперь ее чрезвычайно трудно поймать в леваде, она тянет, будучи на привязи, не дается седлаться и одевать уздечку. Под седлом лошадь стала практически неуправляема. Мне представился классический случай, когда с лошадью либо неправильно обращаются, либо у хозяйки просто не хватает опыта.

Я согласился взглянуть на лошадь, чтобы понять, в чем состоит проблема и попытаться ее решить. Два дня спустя, в один из самых жарких дней того лета, я отправился на запад Колорадо. Ехать пришлось так долго, что я уже стал опасаться, что доеду до Канзаса.

Страдая от жары, я припоминал подробности нашего недавнего телефонного разговора. Я был почти уверен, что увижу очередного владельца лошади, который мнит себя лучшим конником, чем он есть на самом деле. Но что-то беспокоило меня.

Голос женщины был спокойным, дружелюбным и приветливым. Она была открыта и готова прислушиваться к советам. Также у меня создалось впечатление, что она достаточно много знает о лошадях и очень огорчена тем,

что, вероятно, сама же и спровоцировала проблему. Женщина очень хотела исправить положение вне зависимости от причин. Ей хотелось поскорее понять, что она делает неправильно, чтобы прекратить доставлять лошади дискомфорт.

Через 2,5 часа я, наконец, приехал на место. Меня удивило количество лошадей, стоящих в этой конюшне, особенно учитывая то, как далеко она находится, а также количество людей, присутствовавших здесь, несмотря на жару.

Я снял шляпу и надел бейсболку. Ко мне подошла молодая привлекательная женщина, представилась и сказала, что это она вызвала меня по телефону.

- Где наша малышка? – спросил я, представившись в свою очередь.

- Она в леваде. Нам нужно забрать ее?

- О да, конечно, – я старался быть галантным, несмотря на 40-градусную жару.

По дороге в леваду мы беседовали. Я обратил внимание на то, как местные коневладельцы обращаются со своими лошадьми. Я увидел семерых людей. Одни ездили верхом, другие чистили лошадей или занимались с ними на корде. Оказалось, что у четверых есть проблемы. Одна из лошадей была привязана к коновязи. Она откровенно скучала, пока хозяин чистил ее и перекидывался парой слов с соседями. Лошадь попыталась грызть коновязь. Не прерывая беседы, хозяин подошел и со словами «Ну хватит уже!» стукнул ее скребницей прямо в челюсть. Лошадь немедленно рванулась назад, испугав остальных лошадей, привязанных к коновязи.

В манеже один парень ездил верхом и немилосердно дергал поводом, заставляя лошадь вставать на свечки и крутиться волчком. Человек, занимавшийся с лошастью в бочке, беспрестанно подстегивал ее задние ноги бичом. Еще одна женщина по неведомым мне причинам одергивала свою лошадь за цепь, которая была застегнута вокруг ее носа.

Когда мы подошли к леваде, женщина указала мне на свою кобылу, которая мирно паслась с остальными лошадьми в дальнем углу.

- Ее стало так трудно поймать, – сказала женщина с беспомощной улыбкой. – Может быть, предложим ей немного овса?

Обычно я не ловлю лошадей с помощью лакомства, но было так жарко, что я решил пойти против правила.

- Вероятно, это поможет, – согласился я, – я подожду Вас здесь.

Скоро женщина вернулась с ведерком, наполовину наполненным зерном.

- За овсом они, как правило, подходят очень быстро, – сказала она и потрясла ведром.

Лошади оторвались от травы. Затем, одна за другой, все 11 лошадей направились на звук шума, издаваемого зерном. Сначала они шли шагом, затем перешли на рысь, а потом поднялись в галоп. Пробежав галопом некоторое расстояние, они замедлили свой темп в обратном порядке, как бы показывая, что сейчас слишком жарко, чтобы бегать даже ради зерна.

Женщина высыпала овес на землю небольшими кучками. Когда лошади подошли к нам, ей удалось быстро поймать свою кобылу. Падевая на лошадь недоуздок, она разговаривала с ней мягким тихим голосом. Кобыла выглядела совершенно спокойной.

- По крайней мере, сейчас она выглядит неплохо, – сказал я.
- Она начинает буянить по мере приближения к конюшне.
- Полагаю, тогда нам лучше направиться туда, – предложил я.

В начале нашего пути кобыла выглядела вполне спокойной. Но чем ближе мы подходили к конюшне, тем больше она начинала нервничать. Когда мы дошли до ворот, было очевидно, что с лошастью что-то не в порядке. Казалось, она ждет, что с ней сейчас произойдет что-то плохое. Женщина сохраняла спокойствие, мягким голосом подбадривая кобылу. Она привязала лошадь к одной из многочисленных коновязей и отошла назад.

Маленькая кобылка немедленно принялась копать ногой. Она несколько раз пробовала потянуть назад, как бы проверяя привязь на прочность. Затем она принялась переступать задними ногами, тряся головой и фыркая. Ее глаза были широко распахнуты, ноздри раздуты, мышцы напряжены. Кобыла отчаянно размахивала хвостом. Она выглядела так, словно была готова защищать свою жизнь или обратиться в бегство.

- Она ведет себя так, будто ее бьют, – сказал я. – Я ненавижу задавать этот вопрос, но все-таки, Вы били ее когда-нибудь?

- Нет, никогда, – ответила женщина, глядя с огорчением на то, как лошадь покрывается от страха потом.

Я поверил ей.

- Кто-нибудь кроме Вас занимается с лошастью?

- Нет, – ответила она, отрицательно мотнув головой, – когда меня нет, кобыла гуляет в леваде.

- Как долго она ведет себя подобным образом? – спросил я.

- С того момента, как я привезла ее сюда, это было два месяца назад, – ответила она. – До этого она вела себя прекрасно.

Это было странно. Я видел раньше лошадей, ведущих себя подобным образом, но у них были на то очевидные причины, обычно неправильное или жестокое обращение, зачастую физическое насилие, которому они подвергались. Эта кобыла паниковала без видимых причин.

Понаблюдав за ней минут 10, я стал осматриваться вокруг в поисках того, что могло бы пугать ее. Внезапно до меня дошло. Она была напугана не потому, что с ней плохо обращались, а потому, что другие лошади подвергались насилию. Я увидел, как одну лошадь коваль пнул ногой в живот, другую несколько раз огрели хлыстом по крупу. Парень в манеже продолжал дергать поводьями, а человек в бочке подстегивать бичом зада своей лошади.

- Выпустите ее обратно в леваду, – сказал я спокойно, – думаю, я понял, в чем тут дело.

Когда мы вышли за ворота, женщина сняла с кобылы недоуздок и та галопом побежала в леваду к остальным лошадям. Добежав до них, она остановилась и оглянулась назад.

- Мне кажется, – начал я, – дело в том, что Ваша лошадь гиперчувствительна к окружающей обстановке. Она начинает нервничать, когда с другими лошадьми рядом с ней обращаются жестоко.

Женщина посмотрела на меня так, будто у меня на голове выросло вишневое дерево.

- Я знаю, это звучит странно, – продолжал я, – но, похоже, так оно и есть.

Я спросил женщину, всегда ли на этой конюшне с лошадьми обращаются подобным образом. Она подумала несколько мгновений, а затем ответила утвердительно. Я также спросил, всегда ли лошадь пасется у дальней границы левады и мчится туда галопом, когда ее отпускают.

- Да, так оно и есть, – ответила она.

Я сказал, что нахожу любопытным тот факт, что лошадь оставалась практически все время спокойной и запаниковала только, когда мы подошли к конюшне.

- Так всегда и происходит, – призналась женщина.

- Я не уверен, – сказал я, – но, думаю, можно легко успокоить лошадь, просто переставив ее на другую конюшню, где к лошадям относятся не так агрессивно.

Женщина ответила, что она как раз получила новую работу в Денвере и планирует переезд не позднее конца месяца. Она обещала тщательно выбрать конюшню. Сказать по правде, я не знал, поможет ли это. Никогда прежде я не сталкивался с такой специфической проблемой и не был уверен в причинах столь странного поведения кобылы, но игра стоила свеч. Я попросил женщину перезвонить мне после переезда и рассказать о том, есть ли какие-то перемены.

Она пообещала связаться со мной, и я, выпив полгаллона воды, сел в свою раскаленную машину, чтобы отправиться в обратный путь.

Приблизительно месяц спустя мне перезвонила хозяйка кобылы и сказала, что она нашла новое место для постоя. Это была маленькая семейная конюшня голов на 10. Все хозяева обращались со своими лошадьми мягко и спокойно. Поведение ее кобылы в корне изменилось. Она снова стала спокойной, дружелюбной и прекратила выкидывать номера.

Это был первый случай, когда я столкнулся с гиперчувствительностью лошади к окружающей обстановке. Впоследствии я видел дюжину подобных лошадей, страдавших в той или иной степени повышенной чувствительностью. И в каждом случае удавалось избавиться от проблемы, просто сменив место постоя.

Меня не прекращает удивлять то, как лошади пытаются дать нам знать о том, что их беспокоит. Для того чтобы выявить корень проблемы, нужно

попытаться понять их. Увы, обычно лошади не понимают людей, а люди не понимают лошадей и даже не предпринимают попытки сделать это.

Со временем я понял, что люди часто выпускают из вида такую, казалось бы, очевидную причину возникновения проблемы, как боль — лошадиная боль, не наша. Люди склонны думать, что лошади не бывает больно, у нее не могут болеть мышцы шеи, спины. Так? Нет, не так. Мы просто не тратим время на то, чтобы присмотреться, мы не хотим видеть этого. Лошадь продолжает выкрутасничать, а люди пытаются справиться с ней, зачастую безуспешно. Во многих случаях ее поведение ухудшается, а боль возрастает.

В первый раз, когда я столкнулся с лошадью, у которой болела спина, мне пришлось пройти тернистый путь, чтобы понять, в чем была проблема. Дед дал мне крупную кобылу пейнтхорс³, предупредив, что лошадь немного брыкается, и сказал, чтобы я попытался отучить ее от этого.

- Нет проблем, — самоуверенно ответил я.

Я забрал кобылу из левады и привязал ее у коновязи рядом с амуничником. Теперь-то я знаю, что яростные взмахи хвостом и злые взгляды, которые она бросала на меня, когда я чистил щеткой ее спину, являлись знаками, предупреждающими о том, что я делаю ей больно. Но тогда все эти сигналы ни о чем мне не говорили. Я проигнорировал их, списав все на сварливый нрав и избалованность кобылы.

Когда я положил ей на спину седло, она попыталась укусить меня. Она предприняла повторную попытку разделаться со мной, когда я затягивал подпругу. Всякий раз, когда я пробовал вставить ногу в стремя, она отходила прочь, когда же мне все-таки удалось встать в стремени, она лягнула задней ногой, как корова. Если бы я обратил внимание на эти предупреждающие знаки, мне удалось бы избежать того, что случилось позже.

Как только я перекинул ногу через спину лошади и сел в седло, на меня обрушились небеса. После третьего прыжка кобылы мне действительно захотелось стать Кейси Гиббсом. Думаю, он единственный, кто сумел бы удержаться на ее спине 8 секунд. Но я им не был.

Не знаю точно, на каком прыжке я стартовал. Кажется, на пятом. Да это и не важно. Помню лишь высоту, на которую я взлетел. Я смог увидеть черепицу, покрывавшую крышу сенохранилища.

Она подбросила меня так высоко, что моя голова оказалась на высоте 5 метров, тогда как мои ноги все еще оставались в стремях. Я плюхнулся обратно в седло, приземлившись точно на рожок.

Я очнулся лежа в пыли. Надо мной стоял Дед.

³ Американская порода пятнистых лошадей. Схожа с квортерхорсами.

- Ничего себе полет, – проворчал он, – ты в порядке?

- Думаю, что да, – ответил я, ощупывая себя.

- Хорошо, – сказал он, – пойду, поймаю лошадь.

Я чувствовал себя польщенным. Никогда прежде Дед не удостоивал меня такой чести. Я всегда сам ловил лошадей после падения. Значит, полет был действительно выдающимся.

Трудно сказать, сколько раз я летал с этой кобылы в течение следующих 4 часов. По крайней мере, достаточное количество, чтобы Дед убедился в том, что у кобылы проблемы со здоровьем.

- Погоди-ка, – сказал он мне в то время, когда я собирал себя по частям после очередного, уже неизвестно которого по счету падения. – Думаю, она пытается нам что-то сказать.

- Ага, – добавил я, – она пытается сказать, что умеет брыкаться гораздо лучше, чем я держусь в седле.

Эта шутка вызвала у Деда улыбку, столь редкую на его лице.

- Нет, я думаю, это что-то другое, – сказал он, подходя к кобыле. Он расседлал ее и начал ладонью сильно давить на позвоночник лошади, начиная от холки к хвосту.

Он дошел почти до середины спины, когда кобыла неожиданно лягнулась, очевидно, оттого, что ей стало больно. У Деда было тягостное выражение лица.

- Отведи ее в леваду, – сказал он мне.

- С ней что-то не в порядке? – спросил я, пытаюсь вытрясти грязь из-под рубашки.

- У нее больная спина.

На мой вопрос, что же мы можем сделать, он грустно ответил: «Ничего, придется отвести ее на конюшню для продажи».

Это означало отправить на бойню.

«Ничего себе убыток», – подумал я тогда. Кобыла выглядела отлично.

Откровенно говоря, я не знаю, действительно ли ничем нельзя было помочь кобыле, или же Дед просто не хотел связываться с больным животным и тратить не него время и деньги.

Из того случая я понял, какую большую роль может играть боль в формировании проблемы. С болью можно бороться разными способами – начиная с традиционной ветеринарии и заканчивая терапевтическим массажем, акупунктурой, лошадиной хиропрактикой и т.д.

Несмотря на то что боль является причиной многих проблем, часто бывает все-таки сложно понять ее истоки, если не знать, что искать. Иногда сигналы бывают прямо-таки вопиющими, а иногда на них не обращают вни-

мания или же не замечают. Я помню свой визит на одну прокатную конюшню. В тот момент как раз возвращалась очередная смена. По мере того как всадники приближались к площадке для спешивания, я заметил, что одна из лошадей, следующая за инструктором, капризничает. Она вставала на дыбы и трясла головой. Чем ближе они подъезжали к конюшне, тем быстрее она двигалась. Сначала она перешла на рысь, а затем галопом обогнала лошадь инструктора.

- Маленькая головная боль местной конюшни, – подумал я про себя.

- Пожалуйста, кто-нибудь, помогите леди на Виски, – попросил инструктор, – он выкидывал номера на протяжении всего маршрута.

Один или два прокатских парня отправились на помощь. Я же обратил внимание на некоторую особенность в снаряжении лошади. Вальтрап сполз назад. Причем так далеко, что под седлом осталось не более 20 см вальтрапа. Остальная часть лежала на крупе лошади. Фактически седло оказалось прямо на холке лошади, которая рельефно выступала. Лошади было настолько больно, что она реагировала даже на прикосновение к шее.

Когда ковбои обнаружили неполадку, один из них сказал: «У него была летом сбита холка, боюсь, рана снова откроется». Он совершенно проигнорировал тот факт, что боль влияет на поведение лошади, превращая ее в головную боль этой конюшни. Он был недоволен выкрутасами лошади, тогда как лошадь просто пыталась вернуться назад на конюшню, так как там она смогла бы избавиться от источника боли – от всадника и седла.

Могу поспорить, что плохо подобранная амуниция является причиной возникновения проблем чаще, чем прямое физическое насилие. Это действительно очень распространенное явление. Сложность с определением проблем, вызванных плохой амуницией, заключается в том, что они формируются медленно и постепенно. Всадник даже не подозревает ни о чем, пока сигналы не становятся просто вопиющими, а лошадь практически выходит из-под контроля.

Помню двух женщин, которые купили лошадей с интервалом в неделю и поставили их на конюшню, где я работал. У одной был пожилой мерин квартерхорс, живший до покупки на пастбище. У другой гнедой мерин морган, живший до этого в деннике.

Когда подруги взяли лошадей в первый раз, я работал в манеже с молодым меринком пейнтхорсом. Обе лошади выглядели очень спокойными и отзывчивыми. Они проследовали вдоль ограды. Всадницы, казалось, наслаждались прогулкой. Если не считать одиночного спотыкания моргана, день прошел без происшествий. Через час, когда я дал мерину возможность отдохнуть, всадницы подъехали ко мне и завели непринужденную беседу.

Я обратил внимание на их седла. У квартерхорса было новое седло для шоу, очень модное, с множеством всяких прибамбасов. У моргана было старое седло с высокой лукой и широкой юбкой. Также я заметил, что оба седла

отлично подходят всадницам, но совершенно не подходят лошадям. У нового седла была слишком низкая вилка, так что при езде седло ложилось прямо на холку. Подержанное седло давало достаточно пространства для холки, но сильно сдавливало плечи лошади. Вскоре мы закончили беседу и всадницы удалились.

На следующий день я сидел на заборе и наблюдал за тем, как новоиспеченные хозяйки снова занимаются со своими лошадьми в манеже. Я заметил небольшие изменения в позах и отзывчивости лошадей. Морган чаще замедлялся, т.к. его плечи были сжаты седлом. Всадница прищипывала его. Тогда он делал рывок вперед. Это как будто удивляло всадницу, которая начинала тянуть за поводья. В ответ на это лошадь закидывала голову.

Изменения, произошедшие с квоттерхорсом, были не столь существенны. Я заметил, что каждый раз, когда его просят сменить аллюр, он слегка сопротивляется и перед переходом закладывает уши и отмахивает хвостом.

После недели ежедневных занятий под верхом развитие проблем стало очевидным. Морган чаще замедлялся, делал рывки, его стало трудно останавливать. На квоттерхорса стало трудно садиться, он отказывался делать переходы.

Через 6 недель морган стал практически неуправляем. Положение ухудшалось тем, что он получал ежедневно 2 кг овса, источника чистой энергии, и целый день проводил в деннике.

Квоттерхорс же вообще перестал давать всаднице сесть верхом. Когда же ей это удавалось, он просто отказывался двигаться вперед. Всадница надела шпоры, взяла хлыст в надежде добиться от него хоть какого-то движения, но все было бесполезно. Через 3 месяца обе лошади были проданы.

Мне могут возразить, почему же я ничем не помог, если я видел, как развиваются проблемы? Ответ прост. Хозяйки лошадей меня об этом не просили. Как говаривал Дед, нельзя помочь тому, кто не хочет принимать помощь, особенно если разговор идет о хозяине и его лошади.

Если у вашей лошади возникли проблемы, это еще не криминал. Я описал самые часто встречающиеся случаи. Если вы не можете справиться с ними сами, попросите помощи у более опытного человека, вот и все.

Криминал начнется, если вы позволите проблеме развиваться, положение будет ухудшаться, и, в конце концов, Вы продадите лошадь тому, кто заработает деньги на ваших ошибках.

Я уяснил одну вещь. Все проблемы, с которыми сталкивается лошадь, вызваны человеком. Мы одомашнили их и заставили жить в неестественных условиях. Мы в ответе за них. Это все равно, что осознанно направить машину в дерево и начать обвинять его в аварии. Чтобы решить проблему, нужно найти ее корень. А для этого достаточно просто взглянуть в зеркало.

Глава 3

Необъяснимые проблемы

Я постучал в дверь дома на старой ферме. Изнутри послышался собачий лай. Я придерживаюсь простого правила судить о размерах собаки не по громкости лая, а по звуку ее шагов. Я услышал, как собака тяжело прошлепала по линолеуму к двери. Женский голос сказал: «Спокойно, Клэнси, сидеть».

Лай прекратился, и до меня донеслось шуршание. Очевидно, собака села на пол и принялась вилять хвостом. Дверь распахнулась.

- Привет, – сказал я, представляясь, – Ваш муж вызвал меня посмотреть его лошадь.

- Вы лошадиный тренер? – спросила женщина, улыбнувшись. – Джон поехал купить запчасти для сенокосилки. Он скоро будет.

- Нет проблем, – ответил я, – я могу подождать.

Рядом с женщиной сидела собака-монстр. Это была помесь лабрадора с уэльским пони. По крайней мере, мне так показалось.

- Может, хотите пока чего-нибудь выпить?

Я остановился на мгновение, глядя на Догзиллу. Женщина поймала мой взгляд, улыбнулась и сказала: «Клэнси не кусается, он просто очень большой».

- Спасибо, – ответил я вежливо, – я лучше взгляну на лошадь, если можно.

- Да, конечно, – сказала она, – она должна быть в леваде. Если ее там нет, значит, она в конюшне. – Она сделала паузу. – Может быть, мне лучше пойти с Вами? Она не очень любит незнакомых людей.

Когда мы втроем направились к леваде, к дому подъехал Джон. Клэнси немедленно рванул к нему, как лось, мчащийся через болото. Я испугался, что в порыве энтузиазма собака прыгнет на хозяина и задавит его насмерть. К счастью, Клэнси остановился рядом с Джоном и спокойно уселся на землю. Джон ласково потрепал его по голове и в сопровождении собаки подошел к нам.

Джон начал рассказывать мне историю своей лошади. Всего два месяца назад к нему попал 2-летний жеребец. Он провел предыдущую зиму на пастбище в табуне, состоявшем из 30 или 40 лошадей. Зима была очень суровой, но хозяин ничего не предпринял и предоставил лошадям выживать самостоятельно. В результате половина табуна пала от голода.

О бедственном положении лошадей стало известно официальным властям. Выживших лошадей конфисковали. Они были настолько истощены, что их приходилось буквально на руках грузить в трейлеры. Их отвезли в реабилитационный центр. По прибытии еще 3 лошади умерли, но молодой жеребец выжил. Из этого центра Джон и получил гнедого мустанга. Он был еще очень слаб и истощен.

Постепенно лошадь окрепла и набрала вес, и Джон стал замечать за ней странное поведение. Мустанг периодически начинал беспричинно паниковать, даже если он в одиночестве находился в леваде. Его можно было привести на конюшню, только заманив лакомством, и моментально закрыв за ним дверь. Поймать его в загоне или на пастбище размером в 4 гектара было невозможно. Если все же это удавалось, он вел себя непредсказуемо. Сегодня он мог вести себя тихо, как церковная мышь, а завтра начинал свечить, кусаться и отбивать.

Джон кастрировал жеребца, надеясь, что это его успокоит. Но операция ничего не дала. Проблему усугубляло то, что ноги лошади были в ужасном состоянии и требовали незамедлительной помощи коваля. Джон вызывал троих независимых ковалей. Один из них накачал мерина трапквизаторами, двое других пытались зафиксировать его с помощью закрутки и пут. Несмотря на это, один из кузнецов получил при расчистке травму, потому что лошадь пнула его в колено. Джон пришел к выводу, что, хоть он имел дело с лошадьми всю свою жизнь, такой лошади он не встречал, и ему нужна помощь.

- Хорошо, — сказал я, — давайте взглянем на него.

Лошади в леваде не оказалось, стало ясно, что она находится в конюшне.

Джон медленно отодвинул дверь, и мы увидели лошадь, спящую в прохладном и темном деннике размером 3 на 3,5 метра. Мы спокойно подошли и встали перед деревянной дверью денника. Лошадь посмотрела на нас и взвизгнула. Через несколько секунд она сделала пару шагов в нашем направлении, вытянула шею и стала принюхиваться.

Мы с Джоном стояли очень тихо, чтобы не напугать ее.

Внезапно безо всякого предупреждения мерин издал пронзительный крик, развернулся и рванул в дверь, ведущую в леваду¹. Он моментально пересек 12-метровый загон и перепрыгнул 1,5-метровый забор смежной левады. Затем мерин остановился в дальнем углу и принялся, взвизгивая, яростно копать и трясти головой.

¹ Описана конюшня, в которой у каждого денника есть выход в леваду.

- Вот так, – сказал Джон, и мы переглянулись, – он еще и через заборы прыгает.

Мне захотелось рассмотреть лошадь поближе, и мы медленно пошли в леваду. В ответ лошадь пустилась во весь опор вдоль забора. В итоге мы встали в центре загона, в то время как мерин бешено носился вокруг нас. Было совершенно ясно, что он не владеет собой. Джон рассказал еще пару историй касательно его необъяснимого поведения. У лошади случались 2-3-х дневные депрессии, во время которых она даже отказывалась от еды. Затем она внезапно становилась чрезвычайно агрессивной и пыталась атаковать любого, кто проходил мимо ограды загона. Однажды она даже напала на стену конюшни, попробовав ее сначала укусить, а затем лягнув по ней. То же самое случилось и с деревянным забором загона.

- Позвольте мне спросить, – спросил я, тогда как лошадь остановилась и принялась крутиться на месте, как зачарованная, – насколько вы привязаны к мерину?

- Что? – переспросил он, – неужели все так плохо?

- Может быть, – ответил я, – у него действительно большие проблемы.

Я стал объяснять, что практически все «проблемные лошади» ведут себя в рамках определенной нормы. Эта норма присуща всем лошадям как представителям определенного биологического вида. Лошади могут вести себя на грани, но все же соблюдать границы. Его лошадь, похоже, эти границы простигла. Она ведет себя как ненормальная.

- Иными словами, – подвел я черту, – у этой лошади не все в порядке с головой.

- А каковы могут быть причины? – спросил меня Джон, когда мы направились обратно на конюшню.

- Вероятно, это из-за инбридинга.

- Да, возможно, – сказал он, – и что, с этим ничего поделать нельзя?

- К сожалению, нет, – продолжил я рассказ. – Я сталкивался с подобными случаями, и все они были безнадежны. Инбридинг приводит к таким серьезным поражениям головного мозга, что он не может функционировать правильно. В результате мыслительный процесс искажается, и лошадь становится опасной не только для окружающих, но и для себя самой.

Мы уже почти прошли половину пути до конюшни, когда услышали позади звук удара и ломающегося дерева. Обернувшись, я увидел, что мерин проломил три жердины забора, споткнулся о четвертую, нижнюю жердь и, перекувыркнувшись, впечатался мордой в землю. Я был уверен, что он сломал себе шею. К моему удивлению, он тут же вскочил на ноги с таким видом, будто говорил: «Неплохой трюк? В следующий раз я проломлю стену конюшни».

- Может быть, мне усыпить его? – спросил меня Джон, когда мы остановились, пораженные тем, что произошло. – Что бы Вы сделали на моем месте?

- Это должно быть ваше решение, – ответил я. – Могу сказать только одно: я не верю, что он когда-нибудь станет лучше, сколько с ним ни занимайся.

Когда ферма Джона скрылась из виду, я стал вспоминать похожие случаи, с которыми сталкивался. Пару лет назад я работал с серой кобылой по имени Дасти. Мне отдала ее одна женщина, которая попросту не могла с ней справиться. Передавая кобылу, она поставила мне единственное условие: я должен был попытаться заниматься с ней. Вскоре я обнаружил, что у Дасти проблемы серьезней, чем я предполагал.

Бывали дни, когда она вела себя совершенно непредсказуемо, даже агрессивно, тогда как буквально на следующий день она становилась тише воды ниже травы, так что даже не верилось, что это одна и та же лошадь. Помню один особенный день. Я почти поймал ее в леваде и собирался отвести в конюшню, когда она внезапно подпрыгнула, встала на дыбы и замотала головой. Вырвавшись, она отбежала на несколько метров и принялась крутиться волчком на одном месте. Через некоторое время она остановилась и посмотрела на меня. Ужас на ее морде сменился беспомощностью.

Через пару дней она повторила этот трюк с одним только отличием. Закончив вертеться, она понеслась вперед и врезалась в конюшню, ударившись об стену плечом и головой.

Трудно сказать наверняка, но мне показалось, что в ее взгляде читалась просьба о помощи. Я тогда еще рассказал своей подруге Сьюзи, что у меня такое ощущение, будто кобыла пыталась мне что-то сказать.

Спустя неделю кобыла мирно паслась еще с одной лошадью в леваде. Внезапно без видимой на то причины она запаниковала. Рядом проходила женщина, которая стала свидетельницей происшествя. Она рассказала, что кобыла спокойно жевала травку, вдруг она бросилась бежать во весь опор и врезалась на полной скорости в колючую проволоку, которой была огорожена левада⁵.

Когда я увидел ее, она стояла спокойно, и Сьюзи осматривала ее раны. К сожалению, повреждения были настолько серьезными, что было принято решение умертвить кобылу. Я немедленно пошел к машине и принес винтовку. Когда я подошел к ней, она посмотрела на меня, как бы говоря: «Ну, наконец-то ты понял, о чем я тебя просила все это время».

Конечно, у меня нет четкой уверенности в том, что кобыла пыталась «разговаривать» со мной. Но я представить себе не могу, насколько было бы тра-

⁵ Колючую проволоку до сих пор используют для огораживания пастбищ и левад, что совершенно недопустимо. (Ирма, пер.)

Roy Ball © 93

гично, если бы это было на самом деле, а я бы не попытался к ней прислушаться. Тренеру и хозяину лошади нужно в первую очередь стараться общаться с лошастью тем способом, который она понимает.

Теперь, удаляясь от ранчо Джона, я испытывал те же чувства, что тогда с Дасти. Мне казалось, что ненормальное поведение лошади является своеобразным криком о помощи.

Проблема в том, что это лишь теория. Даже меньше, это чувства. Очень трудно принимать решение относительно судьбы лошади, опираясь лишь на чувства. Я должен был бы уметь, глядя на лошадь, подобную мерину Джона, расценить ее поведение как ее попытку сказать, что она больше не хочет жить таким образом. Но я так не могу.

Поэтому я просто объяснил Джону возможные причины такого странного поведения лошади и то, как она должна себя чувствовать, предоставив ему самому принимать решение. Хотя бывают случаи, когда я чувствую себя достаточно компетентным, чтобы давать советы напрямую. Это зависит от конкретного случая.

Одно время я был твердо уверен в том, что любую проблему, связанную с лошастью, можно решить. Со временем юношеский максимализм разбился о суровую реальность и на смену идеализму пришел холодный опыт, основанный на фактах, связанных с лошадиным бизнесом.

Иными словами, в реальной жизни невозможно спасти всех лошадей. Это объясняется экономическими и логическими предпосылками. Не каждый хозяин готов вкладывать деньги в проблемное животное, которое, к тому же, может представлять для него опасность.

Когда я вижу подобное стечение обстоятельств и не могу помочь, я обычно советую хозяевам просто не тратить понапрасну деньги и избавиться от животного, подыскав кого-нибудь, кто мог бы с ним заниматься. Я знаю, это звучит жестоко по отношению к лошади, но я считаю, что взаимоотношения между лошастью и ее хозяином должны основываться на компромиссе. Если все предпринятые попытки исправить лошадь не увенчались успехом, либо если доверие полностью утрачено и животное начинает представлять опасность, я советую прекратить совместное существование. Я имею в виду глубоко укоренившиеся психологические проблемы, а не плохую выездку, которая исправляется тренингом. Те случаи, когда животное становится полностью небезопасно, а не те, когда проблему можно исправить, потратив 30, 60, пусть 90 дней на тренировки.

Однажды меня позвали на одну прокатную конюшню, где выращивали собственных жеребят, чтобы использовать их потом в прокате. Разведение, выращивание и заездка лошадей – все происходило в одном месте. Меня

позвали потому, что парень, который раньше заезжал лошадей, нашел новую работу. После него осталось 6 неезженных 3-летних лошадок. Через 4 месяца начинался новый туристический сезон, и нужно было подготовить лошадей, чтобы они спокойно ходили на маршрут. Владелец ранчо убеждал меня, что ни одна из лошадей не является проблемной.

Теперь-то я знаю, что если кто-то хвалится, насколько хороша его неезженная лошадь, то нужно закатать штаны и смотреть, как бы во что-нибудь не вляпаться. Да, передо мной было 6 лошадей. Но сказать, что у них не было проблем – все равно, что утверждать, будто 4-х килограммовый воробей не имеет лишнего веса.

Все шестеро находились в загоне размером 12 на 12 метров. Там было 2 кобылы и 4 мерина, и все они были законченными психами.

Первые два дня я потратил на то, чтобы научить их стоять спокойно, когда я приближаюсь с недоуздом в руках. Из четверых научившихся двое дали падеть на себя недоуздок. Из этих двоих один дал вывести себя из загона через ворота и завести обратно. Потребовалась еще неделя, чтобы научить тому же остальных трех.

Вскоре я понял, что большинство проблем связано с жестоким обращением с жеребьями в прошлом. У всех на ногах были ожоги от пут, вид бочки повергал их в ужас. Если они видели корду или бич, то были готовы бежать куда глаза глядят, а любое неожиданное движение с моей стороны воспринималось как агрессия и провоцировало их на самозащиту.

И, несмотря на это, четверо из шестерых поддавались тренингу, и успокоились через 6 недель. Стало ясно, что у двух лошадей гораздо более серьезные проблемы. Один был вороной, а другой гнедой мерин. Ни один, ни второй не были заинтересованы в том, чтобы вести себя так, как ведет себя нормальная лошадь. Оба отличались взрывным и непредсказуемым характером, что делало выполнение самых простейших операций типа надевания недоуздка чрезвычайно опасными.

Однажды, когда я застегивал недоуздок на вороном, он неожиданно рванулся, а мой безымянный палец застрял между недоуздом и мордой лошади. Предательский хруст сообщил мне, что палец, скорее всего, сломан, а когда мне удалось освободиться, я убедился в основательности своих подозрений. Перелом был серьезный, кончик пальца торчал перпендикулярно. Помня о том, что нервы вокруг места перелома из-за шока временно нечувствительны, я обхватил палец другой рукой и выпрямил. Все это время вороной носился по загону с расстегнутым недоуздом на голове. Корда волочилась у него между ног. Лишь через 30 минут он решил остановиться. Понадобилось еще 30 минут, чтобы поймать его и снять недоуздок.

Через некоторое время стало очевидно, что вороной умеет делать хорошо только одну вещь – подрывать без предупреждения. Это могло произойти где угодно, когда угодно и без видимых на то причин. Он умел подрывать

лучше всех остальных лошадей. В своей непредсказуемости он стал даже предсказуем. Я знал, что это произойдет, но не знал точно, в какой момент.

Поведение гнедого отличалось пенамного. Разве что, когда он подрывал, ему было совершенно все равно, кто или что стоит у него на пути. Он бежал напролом.

Несмотря на то, что лошади, казалось, не поддаются тренингу, я не сдавался. Самые простые вещи им нужно было показывать снова и снова. В то время как остальные четыре лошади были давно заезжены и даже обучены сложным элементам типа сайд-пасса⁶, этих двоих все еще приходилось учить не убегать в леваде и надевать недоуздок.

60 дней мягкого обращения не внесли никаких изменений в поведение гнедого. Внезапно он стал замкнутым, а временами даже агрессивным. Было принято решение прекратить с ним занятия и продать его на аукционе⁷. Еще 2 месяца спустя вороной был тоже продан.

Когда я исследовал племенную книгу, мне стало ясно, что рождение обоих мерингов не было запланировано, кобылы были покрыты случайно и обе наградили своих жеребят несбалансированным набором генов. В результате на свет появилось две лошади, которые стали головной болью для окружающих и сами страдали от этого.

Однако инбридинг является не единственной причиной странного поведения лошадей. Однажды меня вызвала женщина, которая недавно забрала свою кобылу с зимнего пастбища. По ее словам, кобыла вела себя очень загадочно и была не похожа на себя.

Когда я приехал, хозяйка отвела меня на конюшню, где я увидел очень худую кобылу морган⁸ ростом 1,5 метра в холке. Кобыла спокойно стояла в деннике и, если не обращать внимания на ее худобу, выглядела совершенно нормально.

Женщина заметила выражение моего лица, когда я увидел выступающие маклоки и торчащие ребра кобылы. Она торопливо принялась объяснять, что она отправила лошадь на зиму на ранчо своих друзей, которое находится у подножия холма. Все это время она находилась в путешествии, друзья общались ей, что за лошадью соответствующим образом ухаживают, хотя, очевидно, это было не так. Когда в конце мая она вернулась за лошадью, она обнаружила скелет, обтянутый кожей. Мало того, что лошадь была истощена, она и вела себя совершенно не так, как прежде.

- Давайте я Вам покажу, - сказала женщина, пристегивая чембур к недоуздку, который уже был надет на голову лошади.

Как только лошадь вышла наружу, ее поведение в корне изменилось. Она стала настолько пугливой, что буквально боялась собственной тени. 4 или 5

⁶ Боковое движение.

⁷ На таких аукционах в США лошадей в лучшем случае покупают для родео, а чаще всего на бойню.

⁸ Американская порода лошадей.

раз она резко шарахалась в сторону. Женщина медленно повела кобылу вдоль загона. Поведение лошади становилось все необычнее. Она пугалась «привидений» и переступала через невидимые бревна.

Внезапно налетевший ветерок зашевелил ее хвост так, что он обернулся вокруг задних ног. Почти опрокинув хозяйку, лошадь подпрыгнула, будто кто-то прикоснулся к ней раскаленным железом. Чем дольше лошадь находилась в загоне, тем сильнее она паниковала. Она начала нервно трясти головой и вертеться на месте, стараясь смотреть сразу во всех направлениях.

- Вот, видели? – сказала женщина, отводя лошадь обратно на конюшню.

Как только лошадь вошла в денник, она мгновенно расслабилась. Ничто не напоминало о том испуганном животном, которым она была пару минут назад.

- Ну, разве не загадочно? – спросила женщина, отстегивая корду от недоуздка. – Как Вы думаете, в чем причина такого поведения и как его исправить?

- Увы, – ответил я, – боюсь, я не смогу Вам помочь. Скорее всего, Вам нужно вызвать ветеринара.

- Вы думаете, она больна? – удивленно спросила женщина.

- Я не уверен, но, похоже, что она отравилась астрагалом.

- Что, – переспросила она?

- Астрагал, – ответил я, – это растение, ядовитое для лошадей. Обычно они его не едят, разве что когда сильно голодают.

Я стал объяснять ей, что астрагал растет как раз у подножия холмов, где лошадь провела зиму. Это растение одним из первых появляется весной. Если никакой другой еды на пастбище нет, лошади могут поедать зеленые побеги астрагала.

- Если причина в астрагале, – продолжал я, – то у лошади очень серьезные проблемы.

- О боже, – в голосе женщины сквозила тревога, – мы можем ей чем-нибудь помочь?

- Во-первых, не надо так волноваться, – я попытался ее успокоить, – я совершенно не уверен, что причина в астрагале. Именно поэтому вам нужно вызвать вашего ветеринара. Может быть, тут что-то другое.

- Хорошо, но если это астрагал, то насколько все серьезно? – спросила она. – Что тогда?

Я замер на мгновение, пытаясь подыскать правильные слова.

- Видите ли, – начал я, – опасность отравления астрагалом заключается в том, что перед тем как появятся первые симптомы, лошадь должна съесть большое количество этого растения. Около 90% от веса собственного тела за месяц.

Я увидел, как на ее лице все более явно проступает беспокойство.

- После того как лошадь съела достаточно астрагала, – продолжал я, – токсины начинают действовать на ее мозг.

Я сделал паузу, мне не хотелось договаривать до конца.

- Последствия обычно необратимы.

- Обычно? Вы сказали – обычно? – в ее голосе звучала надежда.

- Нет, – признался я, – они всегда необратимы.

Она хотела сказать что-то еще, но я перебил ее.

- Перед тем как ставить диагнозы, нужно вызвать ветеринара. Только он может Вам сказать, что произошло на самом деле. Как я говорил, я совсем не уверен в том, что причина такого поведения кобылы в астрагале.

Наверное, я никогда не узнал бы, что произошло с той лошадью, если бы случайно не встретился с ее хозяйкой на вестерн шоу в Денвере. К сожалению, мои подозрения подтвердились. Женщина рассказала, что она пыталась спасти лошадь, но по совету ветеринара решила все-таки ее усыпить спустя пару месяцев после моего визита.

Несмотря на то что последствия инбридинга и отравления токсинами столь трагичны, такое происходит в основном по недосмотру. Поэтому я полагаю, что людей, виновных в происшедшем, стоит простить. Однако есть поведенческие проблемы, схожие с теми, которые вызывает инбридинг или отравления, но их причины скрыты в плохом обращении с лошадьми. И виновникам в таких случаях прощения нет.

Я видел лошадей, которых крепко привязывали и избивали бейсбольными битами и вилами. Других пороли цепями, крепкими кожаными ремнями и даже дубинами с вбитыми гвоздями. Однажды я видел лошадь, хозяин которой обернул вокруг ее тела колючую проволоку. К ней была привязана веревка, и каждый раз, когда лошадь делала что-то не так, он дергал за нее.

Но на долю этой лошади выпали столь многочисленные и долгие страдания, хуже которых я не встречал. Она научила меня многому, что касается обращения с лошадьми, пострадавшими от жестокости человека. Его звали Домино.

Когда я встретил его в первый раз, ему было 14 лет. Это был привлекательный, хорошо сложенный мерин аппалуза, которого купила семейная пара для того, чтобы заниматься трейлом⁹. Проблемы с Домино сразу же вылезли на поверхность, и друзья позвали меня на помощь.

⁹ Вестерн дисциплина, заключающаяся в прохождении несложного маршрута (калитка, качающийся мостик и т.д.).

К сожалению, вскоре стало ясно, что корни проблем гнездятся очень глубоко и все очень запущено. Он жутко боялся всех, кто ходит на двух ногах, его было невозможно поймать. Было совершенно не важно, на какой территории это пытаются сделать. В леваде он просто убегал. В деннике он забивался носом в угол и в ужасе дрожал. Если кто-то пытался к нему приблизиться, он моментально разворачивался задом, чтобы быть готовым как к бегству, так и к активной самообороне. Он задира голову, и любые попытки прикоснуться к ней вызывали у него панику.

Поседлать и взнуздать его было практически невозможно. При виде вальтрапа он был готов эмигрировать в другую страну. Мы даже подумывали переименовать его и дать ему кличку Вайоминг, поскольку любое неверное движение с нашей стороны провоцировало его на бегство как минимум в этот штат.

Мы стали узнавать о его прошлом. Выяснилось, что Домино столкнулся с жестоким обращением очень рано, ему тогда было всего 2 года. И подобным образом с ним продолжали обращаться всю жизнь, пока Домино не купили мои друзья.

Он пережил такое, что трудно забыть. На это требовалось время.

Понадобилось три недели, чтобы завоевать его доверие до такой степени, чтобы он спокойно дал забрать себя из левады. Это по-прежнему было нелегко, но в сравнении с прошлым дела пошли на лад.

Спустя месяц он перестал задира голову. Еще через месяц на него смогли надеть седло.

Через год или около того Пат, Бобу и мне с трудом все-таки удалось расположить к себе Домино. За этот год с лошадью обращались только мы трое. Но к чужим он продолжал относиться недоверчиво.

К сожалению, продолжительное жестокое обращение нанесло Домино не только психологический, но и физический урон. У него были хронические заболевания шеи, плеч и спины, а также повреждены сухожилия на задках. Поэтому галоп направо он делал с большим трудом.

Год медленной и кропотливой работы окупился сполна. Состояние Домино улучшилось. Несмотря на то, что на нем все еще нельзя было ездить верхом, он стал настолько доверчив, что спокойно воспринимал все, о чем мы его просили. Мы обнаружили, что затягивание подпруги причиняет ему невыносимую боль. Это было следствием старых повреждений. Было принято решение повременить с тренировками до того времени, когда лошадь полностью выздоровеет, и я перестал приезжать к друзьям.

Спустя месяц после прекращения тренировок я решил навестить Домино. Я приехал на конюшню, где он стоял в то время. Прибыв на место, я увидел Домино, стоявшим привязанным к коновязи. Пат спокойно чистила лошадь. Я подошел поближе и затеял с ней разговор, в то время как она продолжала обмахивать лошадь щеткой. Во время разговора я медленно поднял

руку и хотел погладить Домино по плечу так, как это делал уже тысячу раз за прошедший год. К сожалению, он испуганно отступил от моей руки, будто видел меня впервые и я представлял для него опасность.

- Домино, – сказала Пат терпеливо, как разговаривают с упирающимся ребенком, – это всего лишь Марк.

- Все нормально, – сказал я ей, – он не видел меня довольно долго.

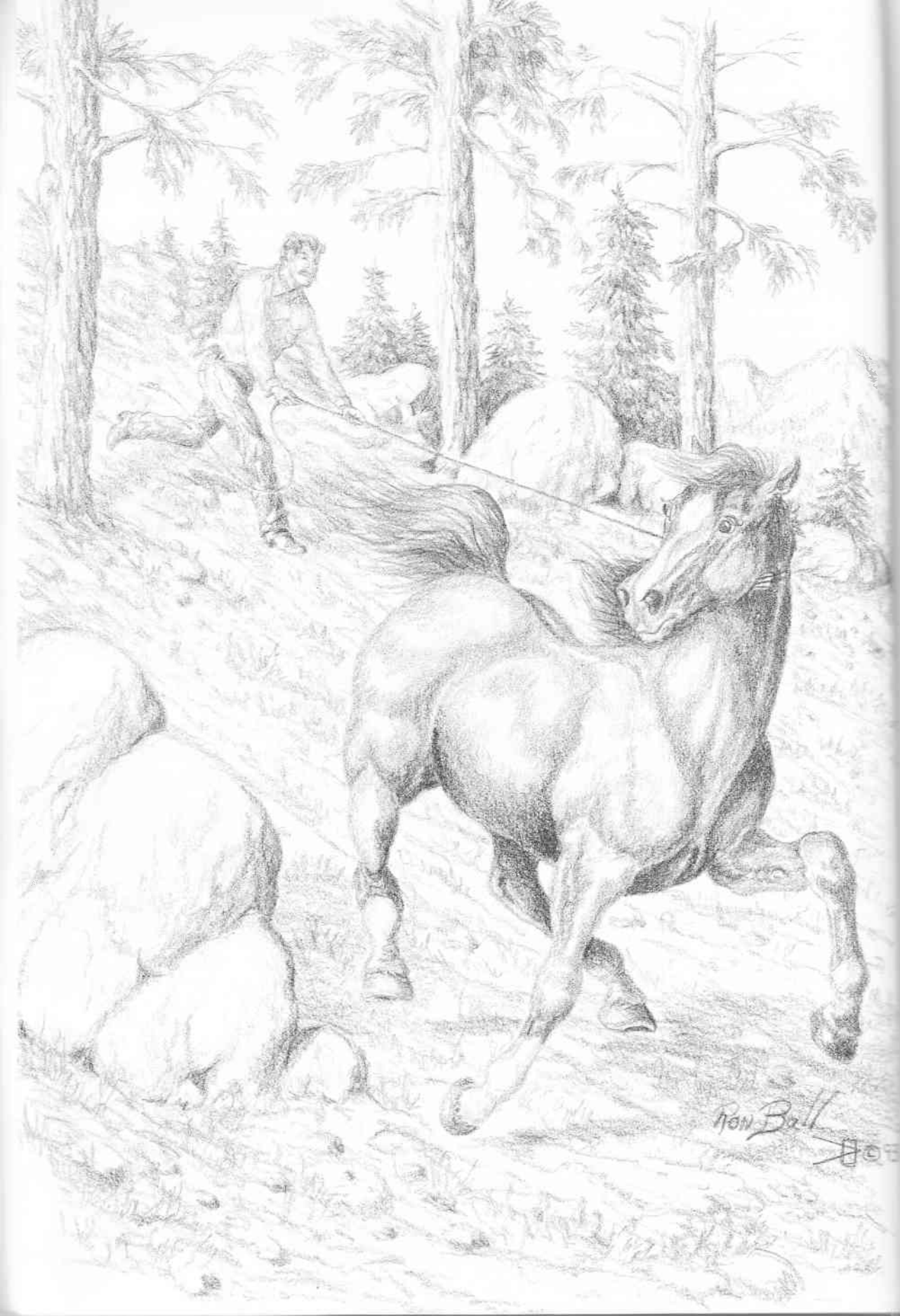
Печальная правда о Домино заключалась в том, что он никогда не сможет окончательно восстановиться. Он всегда будет относиться с подозрением к незнакомым людям, ожидая от них плохого. Я уверен, что, не оказавшись он у Боба с Пат, его жизнь закончилась бы на бойне, потому что никто не смог бы с ним поладить.

И, что самое грустное, Домино не одинок в своем несчастье. Существуют тысячи лошадей, страдающих от жестокого обращения с момента своего рождения и до самой смерти. Эти лошади обычно мучаются такими жуткими психологическими расстройствами, что, даже если им, в конце концов, улыбнется удача, и они попадут в руки того, кто сможет им помочь, ничего уже сделать будет нельзя, потому что их состояние окажется слишком запущено.

Не хочу показаться слишком занудным, но справедливости ради нужно сказать, что если проблемы лошади изначально не являются психическими, то существует большая вероятность их устранения. Просто нужно знать как физические, так и психические пределы животного и уметь работать в этих границах.

Исходя из моего опыта, берусь утверждать, что если вы научитесь ловить лошадь, не причиняя ей особого вреда, то все возможно. Как минимум, вы сможете спасти лошадь от поездки в один конец, на бойню. А возможно, вам удастся сделать из нее друга на всю жизнь и преданного компаньона.

ЧАСТЬ 2.
Проблемы на земле

Глава 4

Как поймать лошадь, которая не дается

Я сидел на открытой трибуне рядом с бочкой и наблюдал за выступлением известного тренера. Он демонстрировал способ поймки лошади, которая не дается в руки. Тренер проповедовал своим зрителям о специально разработанной им корде, с помощью которой он заставляет лошадь неистово скакать внутри 15-метровой бочки. У меня было ощущение, что я присутствую в анатомическом театре. В конце демонстрации он предложил желающим купить такую корду. Нет, он не стал говорить о необходимости покупки папрусную. Он просто намекнул, что продемонстрированная им техника не работает или работает плохо, если не использовать магическую корду.

Насколько я могу судить, он гонял лошадь в бочке быстрым галопом в течение 30 минут и только после этого прекратил вращать корду над головой¹⁰. Изнуренная лошадь практически сразу остановилась. Тренер медленно стал к ней приближаться. Лошадь казалась настолько уставшей, что у нее не было сил даже испугаться. Тренер мягко погладил ее по взмокшей от пота шее.

По трибуне прокатился удивленный вздох. Как легко тренеру удалось подойти к лошади, к которой совсем недавно было невозможно приблизиться! Еще большее изумление вызвало то, что, когда тренер развернулся и пошел к центру бочки, лошадь последовала за ним, как потерявшийся щенок следует за мальчиком, который ведет его домой.

- Просто поразительно, — услышал я слова молодой женщины, сидевшей рядом, которые она адресовала своему другу.

¹⁰ Описываемая техника аналогична технике Монти Робертса «Joint Up», методам Д. Лайонса, К. Андерса и многих других тренеров, занимающихся «мягкими методами». (Прим. пер.)

«Поразительно», — подумал я про себя. Хотя «салонный трюк» является более точной характеристикой увиденного.

Сидевшие на трибуне зрители выглядели в основном как обычные частные коневладельцы. Эти люди не жили с лошадьми. Лошади были для них развлечением, они занимались ради удовольствия верховой ездой, и ничего более. Я уверен, что в их глазах то, что они только что увидели, было, несомненно, чем-то сверхъестественным. Более того, из слов тренера вытекало, что они тоже смогут прикоснуться к магии, если купят его корду, в которой и заключено волшебство.

На самом деле ничего магического тренер не делал, а для поймки убегающей лошади совсем не нужна специально разработанная корда. Все, что для этого нужно, так это немного знаний, техника, т.н. ноу-хау, и точный расчет времени. Конечно, сказав такое, много веревок не продашь. Но, что касается продажи «магических веревок», то этот вопрос не ко мне.

Я понимаю, что чувствовали зрители, присутствовавшие в тот день на семинаре. Легкость, с которой тренер смог сделать то, что для них представлялось чрезвычайно сложным, а может быть и невозможным, была для них откровением.

Я помню свои ощущения, когда давным-давно Дед пошел в леваду и привел из нее лошадь, которая никого к себе не подпускала. Тогда я подумал, что это — Второе пришествие. Отличие было лишь в том, что Дед не придавал этому событию никакого значения. Вместо этого он потратил свое время на объяснение того, как нужно себя вести и что делать, чтобы лошадь почувствовала себя комфортно и дала себя поймать.

То, что проделал тренер во время демонстрации, было лишь вариацией идеи Деда. Разница в методиках была следующая: вместо того чтобы дать лошади время почувствовать себя комфортно и привыкнуть к мысли о том, что к ней сейчас подойдет человек и оденет на нее недоуздок, тренер настолько сильно утомил лошадь, что у нее не оставалось иного выбора. Он не старался дать лошади понять, чего от нее хочет, он просто не придавал значения пониманию лошади.

К сожалению, большинство зрителей, покинувших в тот день трибуны, уехали с мыслью, что единственное, что им теперь нужно для поймки их лошадей, так это волшебная корда и просторная бочка, где можно как следует вымотать лошадь.

Правда заключается в следующем. Этот метод срабатывает раз или два. Затем лошадь начинает понимать, что каждый раз, когда к ней приходит человек, он хочет, чтобы лошадь бегала. И вместо того чтобы исправиться, положение только ухудшается.

Я говорю это потому, что за многие годы я перепробовал множество трюков, помогающих поймать лошадь. Я пробовал прятать недоуздок за спиной, греметь ведром с зерном и пытаться одновременно набросить на лошадь лас-

со. В итоге я понял одну вещь. Самое простое и действенное – научить для начала лошадь тому, что она может дать себя поймать и с ней ничего плохого не случится. Большинство людей не знают, как это сделать, поэтому они прибегают к всевозможным трюкам, предлагая лошади взятку или пытаясь загнать ее в маленьком пространстве в угол.

Нет ничего страшного в том, что они пользуются трюками. Обычно подобные методы являются хорошим упражнением, как для лошади, так и для человека. Я лишь хочу сказать, что, если люди потратят половину своих умственных и физических усилий, которые они тратят на всевозможные трюки, на то, чтобы по-настоящему научить лошадь разрешать ее поймать, у них больше никогда не будет такой проблемы.

Одной из первых лошадей, которых я пытался поймать, был кругленький мерин пейнтхорс. Раньше он был домашним любимцем маленькой девочки. Девочка выросла, превратилась в подростка, начались мальчишки, свидания... Мерин был предоставлен самому себе и коротал время в леваде размером 10 на 15 метров на заднем дворе семейного ранчо.

Отец девочки решил продать маленькую лошадь и нанял меня, чтобы я поездил на нем пару недель и разогнал тараканов, если таковые водятся у него в голове. Он надеялся выручить за лошадь чуть больше денег, если она будет вести себя прилично. Ведь содержание мерина и так обошлось ему в копейчку.

Приехав на ранчо, я спросил у отца девочки, есть ли у лошади какие-нибудь закидоны, о которых мне лучше знать до посадки в седло.

- Ну, – начал он, кинув взгляд поверх забора на толстенную лошадку, – он немного избалован, и его трудно поймать.

- Он подходит за лакомством? – спросил я, зная почти наверняка, что лошади такого размера и типа пойдут за вкусняшкой куда и когда угодно.

- Да, подходит, – ответил хозяин, – но, увидев недоуздок, убегает.

Вдохновленный этой «хорошей» новостью, я зашел в амбар и вернулся оттуда с кофейной банкой, наполненной зерном. Также я снял с крючка недоуздок, украшенный золотой пластинкой с выгравированной на ней надписью: «Принц».

Перед тем как войти в леваду, я предусмотрительно спрятал недоуздок за спину. В другой руке у меня была банка с зерном, и я принялся трясти ее, шурша содержимым. Принц, который как раз приближался к лоханке с водой, быстро поднял голову. Облизывая губы, он негромко заржал.

Ему не понадобилось много времени, чтобы пройти, нацелясь на банку, разделявшее нас расстояние в 10 метров, словно радиоуправляемая ракета. Принц так страстно желал получить зерно, что даже забыл, что я каким-то образом прикреплен к банке. Он погрузился в овес, одновременно потеснив меня плечом.

Мерин с жадностью жевал зерно, даже не вынимая носа из банки. Он так сильно надавил, стремясь захватить побольше еды, что вырвал банку у меня

из рук. Зерно рассыпалось, а банка покатилась по земле. Голова Принца потянулась за зерном подобно тому, как металл тянется к магниту.

Видя, что он совершенно поглощен процессом еды, я вообразил, что сейчас самое время надеть на него недоуздок, и начал медленно доставать его из-за спины. Как только недоуздок оказался в поле зрения мерина, он начал медленно отступать назад, хотя его голова все еще оставалась наклоненной к земле. Когда я попытался перекинуть ему через шею чембур, он внезапно взвизгнул и стрелой умчался прочь.

Высоко подняв голову и хвост, Принц демонстративно рысил в отдалении. Сейчас я уверен, что он пытался казаться горделивой, полной собственного достоинства лошадью, но, к сожалению, он больше был похож на ржавую колымагу, катящуюся под откос.

Принц добежал до конца загона и развернулся, будто что-то позабыл. У него на морде читалось: «Ах да, я же хотел пить». И вернулся к корыту с водой.

Я сразу понял, что хитрые уловки не помогут мне поймать эту лошадь. Я знал, что, если смогу его поймать, он сделает все, что я захочу. Загвоздка была лишь в поимке.

Зная теперь, что прятать недоуздок бесполезно, я, держа его на виду, начал приближаться к мерину. Когда я подошел к нему на расстояние 3 метров, он развернулся и отбежал метров на 6. Затем Принц перешел на ленивый шаг. Я следовал за ним, стараясь поддерживать резвый темп в надежде подойти к нему поближе. Это ни к чему не привело. Каждый раз, когда разрыв между нами сокращался до 3 метров, он отбегал прочь, увеличивая дистанцию до 6 метров.

Было ясно, что он готов играть в эту милую игру, в которой я чувствовал себя круглым дураком, до бесконечности. Я решил, что раз уж он убегает от меня, я буду хотя бы контролировать скорость его движения. После того как я в очередной раз приблизился к нему, он перешел на ленивую рысь. Тогда я 3 или 4 раза быстро хлопнул концом чембура по земле. Лошадь подскочила, как будто ее укусила змея, и побежала. Я продолжал шагать, помахивая чембуром.

Перед тем как остановиться, Принц резво пробежал 3 круга. Это ничуть не лишило его энергии. Я тоже встал. Я остановился, продолжая вращать кордой.

Я хотел ему показать, что, пока он продолжает убегать от меня, ему придется работать.

Если же он спокойно встанет на месте, чего я и добиваюсь, он будет отдыхать.

Я позволил ему постоять несколько минут, а потом предпринял новую попытку приблизиться. Не успел я сделать и трех шагов, как мерин припустил галопом. В это время я стоял в середине загона, вращая кордой, и он

бегал вокруг меня кругами. Он сделал порядка 10 кругов, затем остановился и посмотрел на меня. Я тоже остановился и даже сделал пару шагов назад, чтобы показать ему, что, если он будет стоять спокойно, я отойду от него еще дальше, и давление на него станет еще меньше. Я снова дал ему отдохнуть несколько минут, чтобы посмотреть на его реакцию.

Никакой реакции не было. Спустя несколько минут он начал терять ко мне интерес и пошел прочь. Я принялся следовать за ним, на этот раз не вращая кордой. Он обернулся и посмотрел на меня. Я тут же остановился. Мне нужно было дать ему понять, что, если он даже просто посмотрит на меня, я уберу давление.

Это не работало. Он просто пользовался возможностью оказаться от меня подальше, поэтому я снова принялся вращать корду, а мерин снова побежал. Прошло еще 5 минут, и я увидел неожиданное и внезапное изменение его поведения. Когда я в очередной раз отступил назад, вознаграждая Принца за остановку, он вдруг развернулся и пошел ко мне. Было очевидно, что он устал, но помимо этого создавалось впечатление, что он сдается. Его хвост не стоял больше задорно торчком, в шагах не чувствовалось импульса, голова низко опустилась. Тем не менее, по мере того как он подходил, я продолжал отступать.

Когда Принц прошел около 6 метров, я решил остановиться. Несмотря на это, он продолжал приближаться и остановился всего в нескольких сантиметрах от моей груди. Я хотел было его приласкать, но вспомнил одну вещь, которую мне говорил Дед. Он сказал, что, если лошадь делает что-то правильно, всегда возникает желание ее вознаградить, но для избалованной лошади самой лучшей наградой является отсутствие работы.

Я постоял несколько минут и сделал пару шагов по направлению к задним ногам мерина. Лошадь развернулась и последовала за мной, будто ее влекла непреодолимая сила. В течение последующих 10 минут мы вместе ходили внутри загона. Я по желанию менял направление, и лошадь следовала за мной так, будто она потерялась и я — ее последняя надежда отыскать дорогу домой.

Наконец я остановился, погладил Принца по шее, морде и плечам и плавно надел на него недоуздок. Затем провел за собой несколько метров, снял недоуздок и оставил его в покое. Пока я разговаривал с хозяином, мерин терпеливо стоял у ворот, как бы спрашивая разрешения отойти и заняться своими делами.

- Вы не будете на нем ездить? — спросил мужчина.

- Думаю, что нет, — ответил я, глядя на продолжавшую неподвижно стоять лошадь.

- Вообще-то, я Вам за это деньги плачу, — заметил он.

- Да, сэр, — ответил я, — однако я думаю, что причина, по которой эту лошадь трудно поймать, заключается в том, что каждый раз, когда ее ловили

в прошлом, ей приходилось работать. Я хотел дать ей понять, что если я поймал ее, из этого вовсе не следует, что я буду ездить на ней верхом.

- Смешно, – сказал хозяин. В его голосе чувствовалось сомнение. – Он не дается потому, что он избалован. Все, что ему нужно, – это чтобы его поседлали и отработали. Если Вы не хотите этого делать, я найду кого-нибудь другого.

- Я не говорю, что не буду ездить на нем, – ответил я. – Мне нужно всего пару дней, чтобы ликвидировать проблему с поимкой.

Этот день был примечателен для меня по нескольким причинам. Во-первых, мне удалось поймать лошадь, которая этого не хотела, не прибегая ни к каким трюкам. Во-вторых, я сознательно отказался продолжать занятие, несмотря на то что клиент на этом настаивал. Я чувствовал, что нужно остановиться. На протяжении последующих лет мне не раз приходилось делать и то и другое.

Еще одно позитивное событие случилось на следующий день. Хозяин мерина как-то упомянул в разговоре с одним из своих друзей о том, как легко мне удалось поймать лошадь, которая обычно убегает. Так он подготовил их к тому, что я могу и не садиться на лошадь каждый день, но это не играет роли. Внезапно на меня обрушились звонки от приятелей моего клиента с просьбами помочь им решить похожие проблемы с поимкой их лошадей.

Следующие 6 лошадей, с которыми я имел дело, были очень похожи на маленького пейнтхорса – толстенькие и избалованные, их тоже было трудно поймать. С помощью методики, сработавшей в случае с Принцем, мне удалось поймать их за 45 минут или меньше. В итоге они начинали послушно следовать за мной даже без недоузка.

Конечно, излишне говорить, что после того как я научился ловить не дающихся лошадей, мое мнение о себе, как о коннике, намного улучшилось. И тут я столкнулся с седьмой лошадью, имевшей ту же самую проблему. Это был серый мерин араб. Его хозяйкой оказалась высокая стройная женщина. Был ранний вечер, солнце только-только начало клониться к горизонту. Прошедший день был на редкость жарким. Мы стояли, наслаждаясь прохладным вечерним воздухом, и беседовали.

По словам хозяйки, мерину было 10 лет, и он был очень нервный. Она купила его недавно и так и не ездил толком верхом, потому что его невозможно поймать. Она еще что-то рассказывала про него, но мне показалось, что это к делу не относится, и я пропустил ее слова мимо ушей.

Когда я зашел в загон, держа наготове веревку и недоузок, я чувствовал себя очень самодовольным и уверенным в себе. Лошадь носилась в дальней части загона. Увидев меня, она резко остановилась и нервно высунула голову поверх 1,5-метрового забора.

«Странно, — подумал я, — ни одна из предыдущих лошадей так не носилась».

Я начал приближаться к мерину, двигаясь целенаправленно прямо на него и вращая корду так, как я делал это раньше. Чем ближе я подходил, тем больше паниковала лошадь. Она начала яростно пританцовывать на месте, в то время как ее голова торчала над забором. Тело араба двигалось из стороны в сторону.

Когда я был на расстоянии 4,5 метров, мерин предпринял безуспешную попытку перепрыгнуть через забор. К счастью, он стоял слишком близко, чтобы преодолеть препятствие, но ему удалось просунуть свою правую переднюю ногу между верхней и средней перекладинами ограды. Это ввергло его в жуткую панику.

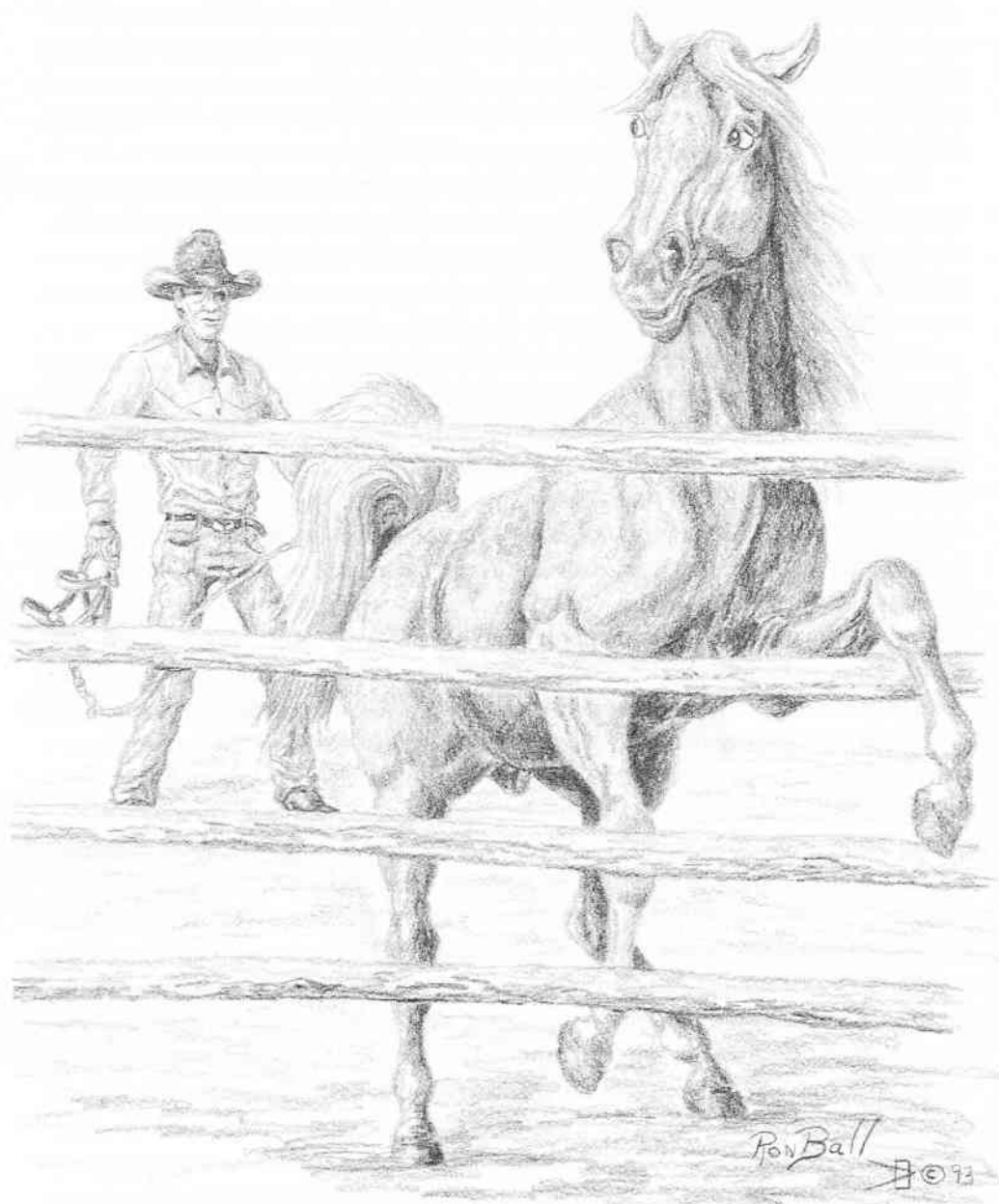
Я остановился и беспомощно посмотрел на мерина, пытавшегося освободиться самостоятельно. Помню, как я услышал крик сделать хоть что-нибудь. Не знаю, кричала ли хозяйка лошади или это был мой внутренний голос, который сообщил мне, что, раз я заварил всю эту кашу, мне ее и расхлебывать. Все произошло очень быстро, и у меня не было времени на обдумывание. Моей первой мыслью было броситься и помочь лошади освободить ногу. Если бы я сделал это, лошадь испугалась бы еще сильнее и, вероятно, ситуация ухудшилась.

Одно было для меня совершенно очевидно. С точки зрения лошади, она попала в переplet, в котором решался вопрос ее жизни и смерти. Дело было даже не в застрявшей ноге. В 4,5 метрах от нее стоял хищник, то есть я.

Вопреки первому рефлексному желанию кинуться на помощь, я отошел, надеясь на то, что лошадь, немного успокоившись, будет в состоянии освободиться сама.

Не знаю, действовало ли это на самом деле или произошло совпадение, но вскоре, после того как я отошел на некоторое расстояние, лошадь внезапно сумела высвободить ногу. Она отпрянула назад, затем, чуть не упав, шарахнулась вправо и припустила во весь опор. В это время я стоял в центре загона, чувствуя себя подобно пешеходу, запертому на оживленном перекрестке, на котором внезапно включился красный свет. Наблюдая за буйством лошади, я вдруг почувствовал себя дураком. Ведь я сам поставил себя и лошадь в идиотское положение, из которого не видел выхода. А все из-за того, что я вообразил, что знаю больше, чем на самом деле. Я решил, что техника, сработавшая с 6 предыдущими лошадьми, поможет мне и на этот раз. Это была моя ошибка, и теперь за нее расплачивалась лошадь.

Пока я размышлял, пытаюсь привести свои мысли в порядок, произошло нечто странное. Честно говоря, я никого не прошу верить мне, т.к. не уверен, что сам бы поверил такому рассказу. В тот закатный час в клубах пыли я увидел Деда, стоявшего опершись об ограду загона. Он обнадеживающе смотрел на меня, как бы говоря, что все будет хорошо, стоит мне только успоко-

иться и попытаться посмотреть на ситуацию с точки зрения лошади. Мне нужно было прекратить думать о себе и начать думать о лошади.

У меня в голове начала формироваться картина того, как действовать дальше. По непонятным мне причинам лошадь думает, что я пришел для того, чтобы ее убить. Поэтому с помощью бегства она буквально спасает свою жизнь. Мне нужно как-то убедить ее в том, что я не хочу причинить ей вреда.

Я медленно скрестил перед грудью руки, опустив одновременно голову и плечи, чтобы придать своему телу как можно более смиренную позу. Мне пришлось стоять неподвижно, уставившись глазами в землю, минут 10. Наконец я услышал перемену в скорости движения лошади. От бесконтрольного бегства она перешла на медленный галоп, пробежала три полных круга, затем стала рысить. Пройдя рысью полкруга, лошадь перешла на шаг, а затем остановилась.

Поскольку моя голова была низко опущена и упиралась в грудь, я не мог видеть мерина, но мне были слышны звуки его шагов и его тяжелое дыхание. Он был метрах в трех за моим левым плечом.

Прошло еще 5 минут. Я продолжал стоять без движения и наконец услышал, как лошадь сделала один шаг. Затем она сделала еще три шага. Тогда я полностью убедился в том, что она движется ко мне. Ее страх превратился в любопытство.

К тому времени солнце село. Хозяйка лошади одиноко стояла в углу загона в свете прожектора. Света было немного, но все же это было лучше, чем работать в крошечной темноте.

Лошадь продолжала свой медленный и нерешительный путь ко мне. Она шла так медленно, что ей потребовалось еще 15 минут, чтобы подойти ко мне на расстояние 1,5 метров. К этому моменту я стоял неподвижно уже в течение получаса, воздух стал прохладнее, мои суставы и шея затекли. Мне решительно нужно было размяться, но я опасался, что своими движениями я опять оттолкну лошадь, а этого мне хотелось меньше всего на свете. Я решил превозмочь боль и сохранять неподвижность. Мое решение было оправдано. Меньше чем через 5 минут лошадь уже стояла рядом со мной, ее голова была опущена, глаза наполовину прикрыты, она постоянно облизывала губы. Я решил, что, наконец, пришло время двигаться. Сделав глубокий вдох, я начал медленно поднимать голову. Краем глаза я увидел, что лошадь тоже поднимает голову. Я снова замер в неподвижности с поднятой головой и подождал несколько минут перед тем, как начать медленно двигать левой рукой. Лошадь лениво повернула голову, чтобы посмотреть, но не придала моему жесту особого внимания. Теперь моя рука висела вдоль тела. Я начал медленно поднимать ее к лошади. Искоса наблюдая за лошадью, я немедленно прекратил движение руки при первых признаках беспокойства с ее стороны. Неторопливо я вернул руку на место и начал все сначала. Через 10 минут я смог прикоснуться к шее лошади. Это было лишь

прикосновение. Тогда я решил, что на сегодня достаточно, и принялся очень медленно удаляться от лошади. Отступив от нее на 1,5 метра, я развернулся к ней спиной и бесстрастно направился к выходу из загона. Звучит почти невероятно, но лошадь последовала за мной. Мы вместе дошли до выхода из загона, а когда я закрыл за собой ворота, она просто развернулась, направилась в центр загона и остановилась там.

Работая с меринком таким же образом на протяжении следующих 4 дней, я заметил значительные улучшения. На пятый день, когда я вошел в загон, мерин чувствовал себя настолько комфортно, что приблизился практически сразу. На восьмой день он ждал меня у ворот. Для начала я надел на него недоуздок и повел вдоль забора. Каждый раз я приглашал на работу хозяйку и занимался с ними обоими, чтобы они привыкли друг к другу. Хозяйка училась ловить и водить свою лошадь.

В тот день мы закончили работу, когда уже наступили сумерки. Хозяйка была в загоне и кормила лошадь, а я решил отправиться домой. Оглянувшись, я увидел женщину, прислонившуюся к ограде, а рядом с ней мерина, с довольным видом поглощавшего свой ужин. Налетел легкий ветерок, и мне почудилось, что я слышу голос Деда, который говорит: «Вот видишь, это не так трудно, как ты думал». Голос звучал настолько реально, что я оглянулся вокруг, разыскивая его в темноте, позабыв, что он умер много лет назад.

Я понимаю, почему так часто вспоминаю этого араба. Ему удалось доказать мне, что каждая лошадь, вне сомнения, является личностью. И если определенная техника срабатывает с 9 лошадьми, совсем не обязательно, что она будет работать и с 10-й. Этот мерин также научил меня обращать внимание на малейшие знаки, которые лошадь посылает, пытаюсь общаться с нами. Пусть это будет взмах хвоста, случайный взгляд или просто перенос веса.

Спустя годы я осознал, что малейшие знаки, на которые люди обычно не обращают внимания, говорят о лошади больше всего остального. Если бы я уловил эти сигналы, то имел бы дело не с лошадью, которая была готова сломя голову бежать от меня прочь, а с партнером, следовавшим за мной во время тренировки. Эти сигналы позволяют судить о том, в каком расположении духа находится лошадь, еще до того, как человек войдет к ней в загон. Если бы я был внимательнее к знакам, которые пыталась подать мне лошадь, можно было бы избежать опасного эпизода, лишь благодаря счастливой случайности не закончившегося травмой.

Шло время, я уже не был юнцом, который наугад нащупывал пути взаимодействия с лошадьми. Мои чувства, расчет времени и понимание совершенствовались. Это позволило мне в ситуации, подобной описанной выше,

избежать травматических последствий, как для лошади, так и для себя, и справиться с проблемой гораздо быстрее.

Я понял, что ключ к успешной поимке лошади заключается в том, что, во-первых, не нужно стремиться поймать лошадь, которая не хочет быть пойманной, а во-вторых, нужно попытаться изменить образ ее мышления. Также я пришел к выводу, что большинство лошадей, которые не хотят быть пойманными, делятся на 2 категории. Они либо избалованы, либо напуганы. Проще изменить сознание избалованной лошади, нежели напуганной. В большинстве случаев избалованные лошади ищут способа избежать работы. Они думают приблизительно так: если они не дадут себя поймать, значит, им не придется работать. Как только вы сделаете так, что бегство будет для лошади более серьезной нагрузкой, нежели та работа, которую ей придется выполнить, будучи пойманной, она очень быстро поменяет ход своих мыслей, и проблема отпадет сама собой.

Когда вы имеете дело с напуганной лошадью, перед вами стоит ряд совсем иных проблем. 90% таких лошадей не даются в руки потому, что опасаются того, что произойдет с ними после поимки. Вероятно, в прошлом они подвергались психологическому или физическому насилию во время езды верхом. Иными словами, они имели дело с всадниками с жесткой рукой, грубо работающими поводом, постоянно принуждающими их делать то, что им неудобно или страшно, или же на них надевали амуницию, которая им не подходит и причиняет боль. Если вы будете действовать с ними так же, как с избалованными лошадьми, вы лишь усугубите положение, и поймать лошадь станет еще труднее.

Как я уже говорил, с избалованными лошадьми чаще всего можно действовать по определенному шаблону. Самой простой лошадью такого типа, с которой мне приходилось иметь дело, была 22-летняя арабская кобыла, которую привезли в одну из моих тренировочных клиник¹¹. Хозяин сообщил, что поймать ее совершенно нереально. И действительно, на поимку кобылы в то утро ушло 2 часа. Не буду описывать этот процесс, сразу движемся дальше, когда кобылу привели в бочку, выстроенную посреди площадки для родео. Мы оставили там кобылу минут на 30. В это время участники семинара регистрировались в офисе. Я собрал всех зарегистрированных участников и объяснил им суть проблемы с кобылой. Затем я вошел в бочку, держа в руках недоуздки и корду.

Как я и ожидал, кобыла развернулась ко мне задом и медленно пошла прочь. Когда я стал преследовать ее, она перешла на легкую рысь, отвернув голову в сторону, всем своим видом показывая, что она меня игнорирует. Я взял конец корды и трижды похлопал им по земле. Кобыла тут же перешла

¹¹ Под клиникой подразумеваются семинары, проводимые тренерами на собственных тренировочных конюшнях, или выездные сессии.

на быстрый галоп. Продолжая вращать кордой над головой, чтобы лошадь сохраняла резвый темп, я пошел в середину бочки. Она сделала шесть кругов направо, тогда я двинулся ей наперерез и заставил сменить направление. Когда я шел обратно в середину бочки, я заметил краем глаза, что кобыла бросает на меня быстрые взгляды. Для меня это было сигналом к прекращению и вознаграждению кобылы за правильный отклик, несмотря на то, что это был лишь мимолетный взгляд. Вскоре она совершила еще один революционный прорыв – повернула в мою сторону голову. Я немедленно принял ся осаживать, чтобы поощрить кобылу. Она сделала еще шагов 10, затем остановилась и развернулась мордой ко мне. Я осадил еще немного и замер.

Я объяснил слушателям, что своими действиями я пытался разговаривать с кобылой на том языке, который она понимает. Я хотел дать ей понять, что, пока она стоит на месте, развернувшись ко мне лицом, мы оба будем отдыхать. Если же она не хочет стоять, ей придется работать, причем тем темпом, который я ей навязываю.

Я постоял некоторое время неподвижно, а затем наметил точку в 3 метрах от бедра кобылы и направился туда. Подойдя к намеченному месту, я оказался немного позади лошади. Этой позиции вполне достаточно, чтобы выслать любую избалованную лошадь от себя. К моему удивлению, кобыла не побежала. Она развернулась на месте и встала снова лицом ко мне, тогда как в аналогичных случаях для достижения подобного эффекта потребовалось бы 15–20 минут. Я снова обошел ее сбоку и встал позади. Она опять развернулась ко мне. Откровенно говоря, я был ошеломлен.

- Обычно все происходит не так быстро, - сказал я участникам семинара, наблюдавшим за происходящим с большим удивлением.

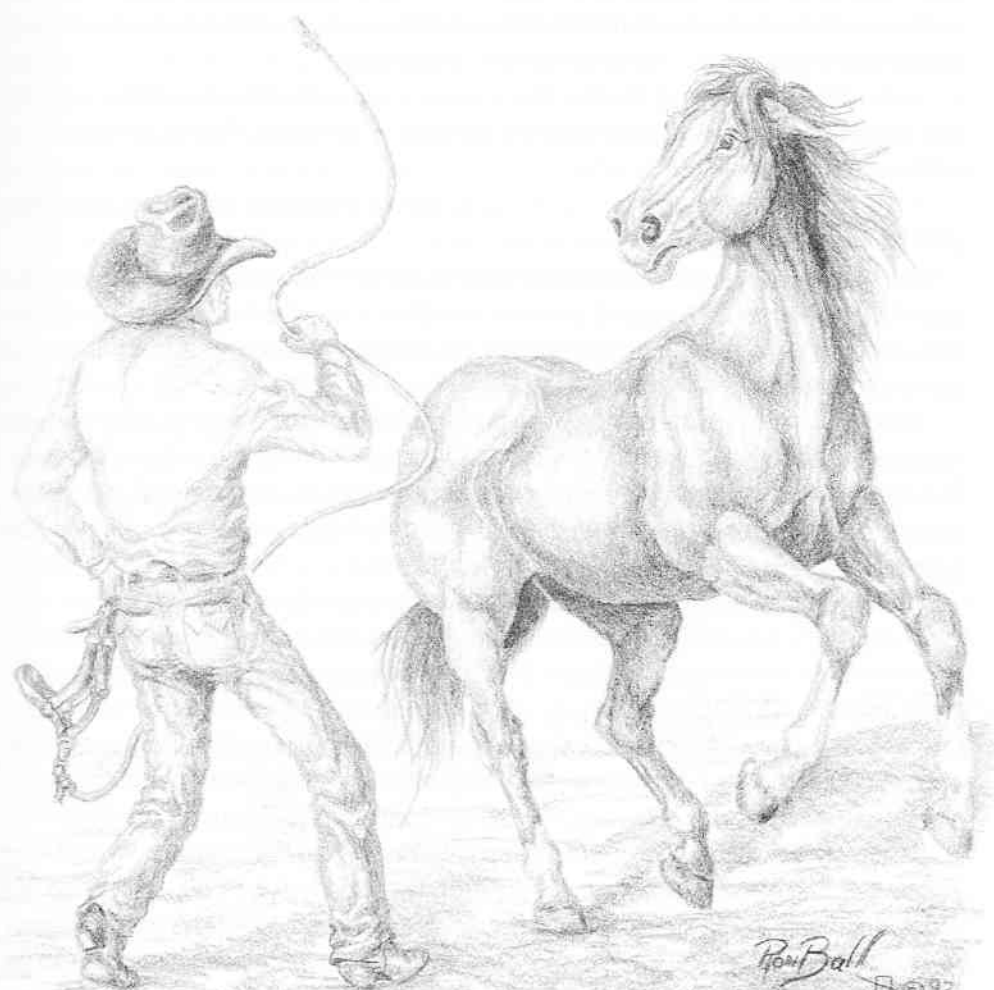
Я пошел к центру бочки. Лошадь следовала за мной рядом с моим локтем. Меньше чем за 4 минуты мне удалось поймать лошадь, которую еще утром ее хозяин ловил целых 2 часа. Этот случай был самым быстрым в моей практике.

На следующий день кобылу снова выпустили в бочку на 20 минут. На этот раз ее попытался поймать хозяин. Как только он вошел в бочку, лошадь не только повернула к нему голову, но и сама подошла к нему, дав беспрепятственно надеть на себя недоуздок.

Все, что нужно было этой лошади, – это небольшая инструкция. Кобыла привыкла, что, если ее хотят поймать, она должна около часа бегать в бочке. Этому ее научил хозяин. Когда ей показали, что можно стоять спокойно, когда к ней кто-то приближается, она решила, что так гораздо проще.

Высокая кобыла кворттерхорс была полной противоположностью арабской кобыле. Ее звали Куки, она также была избалованной, не дающей себя поймать лошадь. Я бы сказал, что она не так охотно соглашалась сотрудничать. Куки была 16-летней трейловой¹² лошадь, которая большую часть

¹² Выступавшей в вестерн дисциплине «трейл».

жизни прожила с человеком, позволявшим ей убежать всегда и везде. К сожалению, ее поведение стало настолько неспосным, что хозяин, который к ней очень хорошо относился, решил ее продать. Меня вызвала к ней ее новая владелица, молодая леди по имени Ирин, и попросила глянуть, можно ли как-то исправить ситуацию. Когда я прибыл в конюшню, где стояла Куки, Ирин уже выпустила ее в бочку и ожидала меня.

- Она ведет себя просто отвратительно, – сказала она мне, когда мы оба наблюдали за кобылой, стоя рядом с бочкой, – надеюсь, Вы сможете ей помочь.

- Я тоже на это надеюсь, – ответил я, входя в бочку с кордой и недоуздком наготове.

Лошадь медленно развернулась ко мне задом и бросила короткий взгляд через плечо, как бы говоря: «Ты бы лучше убрался отсюда подобру-поздорову». Затем, словно будучи уверенной, что я разделяю ее точку зрения, она издала громкий визг, крутанула хвостом и отбила левым задом.

Я решил дать ей понять, что я не робкого десятка, и начал приближаться сзади, медленно вращая корду. Она стала отходить, обернув голову на меня. Желая показать кобыле, чтобы она развернулась ко мне лицом, я остановился, надеясь, что она поймет меня. Она развернулась, но совсем не так, как я ожидал.

Повернувшись ко мне, кобыла заложила уши и бросилась в атаку.

Спустя годы я могу с уверенностью сказать, что из всех умений, которыми я овладел, больших успехов я достиг во вращении кордой. Я занимаюсь этим постоянно. Я вращаю корду, когда стою неподвижно. Я продолжаю делать это, переходя с места на место. Я вращаю корду бессознательно, даже не обращая внимания на то, что делаю. Несмотря на это, я предельно аккуратен с кончиком корды.

К моему счастью, в момент атаки у меня в руках был один инструмент устрашения. Когда кобыла была уже близко, я щелкнул ее по морде над левой ноздрей кончиком корды, оплетенным тесьмой. Она развернула морду ровно настолько, чтобы дать мне возможность следующим щелчком попасть ей прямо под ухом. Третий щелчок пришелся в шею за ушами.

Трех щелчков хватило, чтобы она отвернула от меня голову, и ее тело потеряло баланс. Затем я четыре раза шлепнул ее вращающейся кордой по плечу и один раз, когда она развернулась задом, по крупу, чтобы предотвратить любые попытки отбить в моем направлении. Таким способом я установил основные правила. Если ты будешь меня атаковать, я стану защищаться. Нет атаки – нет и защиты.

Лошадь отбежала к забору и принялась наматывать круги вокруг меня, в то время как я стоял в центре и легонько вращал корду у себя над головой. После того как она пробежала 6 кругов, я прекратил вращение, чтобы дать ей возможность остановиться или хотя бы снизить темп. Она пробежала еще

3 круга, не сбавляя скорости, затем развернулась и припустила тем же аллюром в другую сторону. Я продолжал спокойно стоять, понимая, что лошади нужно время, чтобы разобраться в том, чего же она хочет.

Она пробежала галопом еще 4 круга, затем перешла на рысь, через 2 круга она замедлилась до шага. Наконец кобыла остановилась. Она встала ко мне левым боком, отвернув голову к забору. Наверное, она вообразила, что, раз уж ей не удалось меня напугать, меня нужно просто игнорировать. Я шаркнул пару раз ногой по земле, чтобы привлечь ее внимание. Ведь мне нужен был повод вознаградить ее. Это не сработало. Я пошуршал рукой в кармане. Никакой реакции.

Сделал пару шагов влево, чтобы кобыле было проще меня видеть. Она отвернулась еще больше в правую сторону. Я повторил маневр и попробовал подойти к ее задом, нацелившись в точку, расположенную в 1,80 метра от ее бедра. Я продолжал шаркать ногами, надеясь заметить хотя бы малейшие признаки ее внимания. Она просто пошла прочь. Тогда я принялся опять вращать корду, чтобы заставить ее быстро бежать.

Встав в центре бочки, я вынудил кобылу работать. На протяжении следующих 30 минут она несколько раз останавливалась, но так ни разу и не посмотрела в мою сторону. Кобыла начала уставать, с каждым разом мне все труднее было высылать ее в движение. Я полностью прекратил вращение и каждый раз, когда она останавливалась, давал ей постоять спокойно несколько минут перед тем, как начинать что-то предпринимать. Она продолжала отказываться смотреть на меня и предпочитала бегать, вместо того чтобы стоять.

Наконец, пробежав галопом на полной скорости 45 минут, она остановилась и кинула на меня мимолетный взгляд. Я немедленно вознаградил ее, отступив назад на 1,5 метра. Впервые за сегодняшний день она вместо того, чтобы отвернуть голову к ограде, держала ее прямо. Кобыла не смотрела на меня, но, по крайней мере, не игнорировала полностью.

Я стоял на расстоянии 6 метров от лошади, перпендикулярно ее правому плечу. Позволив ей отдохнуть 3 минуты, я начал медленно двигаться влево, по направлению к ее задом. И, наконец, получил ответ, которого добивался. Она начала поворачивать голову в мою сторону. Я тут же отступил. Тогда ее голова оказалась направлена прямо на меня.

В ее взгляде была покорность, голова опустилась, кобыла начала облизывать губы. Я видел этот взгляд тысячу раз у лошадей, которых было трудно поймать. Кобыла как бы говорила мне, что сейчас готова прислушаться ко мне. В любом другом случае я продолжил бы занятие и предложил бы лошади последовать за мной. Но сейчас я чувствовал, что на сегодня хватит.

Желая закончить занятие на позитивной ноте, я медленно приблизился к лошади, периодически останавливаясь, и как бы подбадривая этим кобылу. Мне нужно было показать ей, что я не хочу, чтобы она убегала от меня.

Через небольшой промежуток времени я оказался в полуметре от ее плеча. Постоял спокойно несколько секунд, затем протянул руку и погладил ее по шее. Лошадь расслабилась еще больше и освободила свою заднюю левую ногу. Затем я оставил ее минут на 30 одну, чтобы она могла отдышаться и остыть. Когда я вернулся, чтобы забрать ее, она совершенно спокойно развернулась ко мне и подошла. Мы встретились в центре бочки. Я надел на нее недоуздок, погладил ее по плечам и шее и передал чембур Ирнн, которая отвела кобылу в загон.

Велика вероятность, что такие капризные лошади на следующий день будут вести себя еще хуже. Им может потребоваться несколько дней или даже неделя, чтобы усвоить, что для них проще дать себя поймать, чем убежать от человека и тяжело работать. Я встречал лошадей, которые спустя два или три месяца принимаются за старое и не дают себя поймать. Ничего страшного в этом нет. Для того чтобы исправить положение, достаточно нескольких взмахов кордой. Такие лошади, как правило, пробегают несколько метров, останавливаются и разворачиваются лицом.

Дело в том, что большинство избалованных лошадей убегают лишь потому, что хотят избежать работы. Если же мы имеем дело с испуганными лошадьми, то причина бегства заключается в том, что они следуют своему инстинкту самосохранения и спасаются, убегая от человека, который, как им кажется, может причинить вред.

Если вы будете применять к испуганным лошадям ту же технику, которую использовали с избалованными лошадьми, то велика вероятность, что проблема лишь усугубится и поймать лошадь станет еще труднее. С другой стороны, если вы сможете воспользоваться инстинктивным бегством лошади в своих целях и завоевать ее доверие, вы достигнете успеха.

Когда я впервые увидел Мака, меня сразу поразили две вещи. Первое — это его масть. Мерин был темно-игреневый, с чулочками на 3 ногах и звездочкой во лбу. Второе — он ужасно боялся людей, особенно мужчин.

Он стоял в загоне размером 3,5 на 7 метров. Его хозяйка не могла поймать его уже 3 недели, с того самого момента, как выпустила его туда. Если я планировал работать с этой лошадью, то для начала мне нужно было ее поймать.

Когда я вошел в загон, Мак запаниковал и бросился бежать, отвернув от меня голову. Я простоял в воротах 20 минут, пока он, наконец, остановился и замер, развернувшись ко мне задом и дрожа от страха.

Я продолжал неподвижно стоять у ворот, и через 5 минут иерин начала потихоньку успокаиваться. Было очевидно, что у него нет никакого желания находиться рядом со мной. Я попытался приблизиться к нему и медленно пошел вдоль левого периметра загона, оставив ему для бегства правый

периметр. Мерин не преминул воспользоваться предоставленной ему возможностью.

Я спокойно стоял в центре загона, держа в руках недоуздки и корду. Мак 20 минут бегал вокруг меня без остановки, сначала в одну сторону, затем в другую. Все это время его голова была повернута в сторону забора. Через некоторое время он начал понимать, что, хотя мое присутствие в загоне пугает его, я не совершаю в его отношении никаких агрессивных действий. Тогда любопытство возоблало над инстинктом самосохранения.

В итоге он остановился и, отвернув голову в сторону забора, начал бросать на меня украдкой быстрые взгляды. Я, в свою очередь, стал осаживать, чтобы ослабить давление на него. Через 5 минут таких подглядываний он окончательно развернулся и посмотрел прямо на меня. Я энергично отступил назад, позволив ему перенести вес в моем направлении. Я отошел так далеко, что стоял теперь в противоположном от Мака углу загона. Мак продолжал смотреть на меня, я же тем временем вышел из загона и оставил его одного размышлять над тем, что произошло.

Я вернулся спустя час и начал все сначала. На этот раз уже через 10 минут мерин не только смотрел прямо на меня, но и развернулся ко мне мордой. Я тут же покинул загон. Через полчаса я снова вошел и спокойно остановился. Мерин даже не предпринял попытки к бегству и сразу развернулся ко мне. Мне показалось, что на сегодня достаточно, и завершил работу.

На следующий день, когда я вошел в загон, Мак, как и раньше, принялся бегать, но теперь он сделал всего три круга и остановился в 2 метрах от меня. Я сразу же начал отступать. Мерин медленно последовал за мной. Сделав несколько шагов, я остановился посмотреть, что он делает. Мак тоже остановился. Несмотря на то что я продолжал стоять, через пару минут он робко продолжил движение ко мне. В течение пяти минут я ходил по загону, а Мак следовал за мной.

Во второй половине того же дня мне удалось надеть недоуздки и поводить Мака по загону. Многие люди думают, что я могу проникнуть в сознание лошади, но считают, что это настолько трудно, что даже не пытаются сделать это. Дело не во мне. Если я смог это, значит, сможет каждый.

В умении ловить лошадь, которая не дается, нет никакого волшебства.

Нужно лишь понять, почему она не хочет быть пойманной, и, поняв, попытаться изменить ее точку зрения. Не так уж сложно убедить лошадь в том, что ей будет комфортно, если она дастся в руки. От человека, в свою очередь, вероятно, потребуется изменить манеру обращения с лошастью. Но, черт возьми, после того как лошадь научат не убегать, вся остальная работа будет не так уж сложна.

Может быть, забрав лошадь из левады, лучше привязать ее в тени вместо того, чтобы скакать верхом на солнцепеке. А можно поймать лошадь, почистить и отпустить обратно в леваду. Просто дайте лошади понять, что, если ее

поймали, это совершенно не означает, что ей обязательно придется работать. Когда она поймет это, возможно, она почувствует себя счастливее рядом с вами.

Вот такие мысли посетили меня, когда я смотрел на выступление знаменитого тренера, демонстрировавшего поимку лошади, которая не хочет быть пойманной. По окончании я сел в машину и оглянулся на зрителей. По меньшей мере дюжина из них уже стала счастливыми обладателями волшебной корды, рекламируемой тренером. Некоторые из них пробовали крутить корду. Один паренек кордой сбил со своей головы шляпу. Другая леди звонко шлепнула своего мужа ниже спины. Я лишь покачал головой, подумав о тех лошадях, которые ожидают в загонах своих хозяев. Они и не подозревают, какая гроза вскоре разразится над их головами. Я также подумал, как долго будет у людей длиться наваждение, и поможет ли волшебная корда хоть одной из лошадей участников сегодняшнего семинара.

Глава 5

Хорошие манеры

Мы ехали по самой красивой части штата Колорадо. К сожалению, одновременно с этим мы ехали по самой плохой дороге в штате. Дело было в начале весны, стояла распутица, дорогу покрывали большие рытвины и лед. Перед нами лежали многие мили скользкой грязи.

Наконец мы приехали на пастбище площадью 170 гектаров, где паслось около 60 лошадей. Пока я присматривал достаточно большую площадку, чтобы развернуть трейлер, моя помощница Сьюзи стала искать в табуне гнедую кобылу Шугар, за которой мы и приехали.

Совсем недавно я купил эту кобылу у одной леди, которая больше не могла позволить себе содержание лошади.

Мы проделали путь в 11 миль по пустыне и отрезанным от всего мира горам, чтобы забрать кобылу и перевезти ее на пастбище, где условия были лучше. В том году зима в высокогорье была суровой, и, несмотря на то, что пастбище, где жила Шугар, было достаточно большим, его просто невозможно было поддерживать в нормальном состоянии. Зимой дорогу часто заносило снегом и проехать по ней, чтобы покормить лошадей, было нельзя. В итоге все шестьдесят лошадей, включая Шугар, были истощены.

Пару недель назад, увидев, в каком состоянии находится Шугар, я принял решение перевезти ее на другое пастбище, как только смогу найти коневоз. Пастбище, куда я планировал ее перевезти, находилось в долине, где зима уже закончилась и выросла сочная трава.

- Вот она, – сказала Сьюзи, всматриваясь вдаль, – рядом с пейнтхорсом.

- Вижу, – ответил я, – можешь попытаться поймать ее, пока я попробую развернуться?

- ОК, — ответила она, подхватывая недоуздок с заднего сиденья и вылезая из машины.

К тому времени я знал Сьюзи уже 3 года. Она была замечательной конницей, спокойной, терпеливой и знающей. Когда я начал вырубать трейлер, у меня не было ни тени сомнения в том, что она справится. Я смог найти достаточно просторное и сухое место, чтобы развернуться, лишь отъехав на 2 мили вниз. Вернувшись назад, я увидел Сьюзи, пересекающую пастбище в миле от ворот. Она махала мне рукой. Выше я заметил кобылу, которая рысила среди деревьев в направлении гор.

Забирая с заднего сиденья лассо, я продолжал надеяться, что вся операция не отнимет у нас много времени, т.к. до наступления темноты оставалось всего 3 часа.

В последние 3 года мы с Сьюзи ежедневно работали вместе. Мы сталкивались с такими нестандартными случаями, что, казалось, нас уже ничем не удивить. Когда мы оказывались в подобной ситуации, мы лишь пожимали плечами и делали свою работу, даже не переговариваясь.

Я видел, как Шугар добежала до южной ограды пастбища, которая была всего в 100 метрах выше того места, где находилась Сьюзи. Затем она двинулась на восток, удаляясь от Сьюзи.

В 300 метрах располагалась ограда. Если Шугар продолжит двигаться в том же направлении, она забежит в угол, который образуется на стыке забора. «Если мы не будем торопиться и проявим терпение, ее поимка будет несложным делом», — подумал я.

Я начал двигаться в эту сторону. Сьюзи спускалась с холма вслед за Шугар. Мы одновременно вышли из тени деревьев на маленькую расчищенную поляну. Перед нами в юго-восточном углу пастбища спокойно стояла Шугар.

Мы инстинктивно остановились, чтобы не давить на лошадь своим присутствием. Она посмотрела на нас так, будто покорно принимает тот факт, что ее сейчас поймают. Она была не из тех лошадей, которые не даются, зато у нее была парочка своих «тараканов».

Когда мы вышли на поляну, я оказался на 6 метров ближе к кобыле, чем Сьюзи, поэтому я приблизился к ней первым. Она стояла спокойно и дала мне подойти без происшествий. Когда я накинул лошади на голову лассо, Сьюзи с недоуздком пошла к нам. Она была всего в 9 метрах, когда кобыла вдруг начала спускаться с холма, не обращая на меня никакого внимания. Я слегка натянул лассо, как бы напоминая ей, что она поймана. Она полностью проигнорировала давление и продолжала спускаться. Чтобы остановить ее, я схватил лассо обеими руками и уперся ногами в землю. Вместо того чтобы остановиться, Шугар перешла на рысь, потащив меня за собой.

Несмотря на то что веревка почти выскользнула у меня из рук и я держал ее за узелок на самом конце, я все еще представлял собой неплохой якорь.

Все закончилось, когда на моем пути оказался участок, покрытый снегом. Я поскользнулся и потерял упор. Это произошло практически в тот момент, когда кобыла решила подняться в галоп. Держась изо всех сил за корду, я быстро побежал за ней. Любое мое неосторожное движение привело бы к падению.

Пока я во весь опор мчался с холма, я думал лишь о том, чтобы как-нибудь исхитриться и обернуть веревку вокруг дерева, что помогло бы мне остановить кобылу без вреда для нее и себя. Мы пробежали мимо небольшой рощи, но скорость была слишком велика, чтобы я мог думать о чем-то, кроме того, как сохранить равновесие.

Мы почти добежали до подножия, когда я поднял глаза и увидел справа большую скалу. Я понял, что, если буду продолжать двигаться с той же скоростью по прежней траектории, вскоре мне не поздоровится, т.к. Шугар просто размажет меня об скалу. Видя перед собой перспективу пасть героической смертью и не желая больше быть пассажиром, я выпустил веревку из рук.

Весь инцидент от начала до конца длился 20 секунд. По инерции я полетел вверх тормашками и угодил на луг. Мне показалось, что прошла целая вечность. Сюзю бегом спустилась ко мне. Она смеялась до слез.

- С тобой все в порядке? – спросила она, пытаясь отдышаться. – Извини, что я рассмеялась, но уж очень смешно это выглядело.

- Не сомневаюсь, – ответил я и принялся шляпой отряхивать с джинсов грязь и снег.

- У нее не очень-то хорошие манеры, – хихикнула Сюзю.

Под словом «манеры», которое употребила Сюзю, подразумевается уважение или отсутствие такового у лошади по отношению к человеку, находящемуся рядом. Когда Шугар утатила меня, она продемонстрировала вопиюще безобразные манеры и полное отсутствие уважения.

Нужно признать, тогда я был уверен в том, что именно мое неуклюжее и бесконтрольное присутствие было причиной того, что лошадь не захотела остановиться. Однако это не извиняет кобылу за самовольное начало движения и отказ остановиться по моему сигналу. Нельзя винить лошадь за отсутствие уважения или хороших манер. Как правило, лошади рождаются вообще безо всяких манер, и не только по отношению к человеку, а по отношению ко всему, что их окружает. Если вы понаблюдаете за совсем маленькими жеребятами, то увидите, какие они неловкие и как часто они натыкаются друг на друга. Также они могут толкнуть или пробежать под брюхом собственной матери. Поскольку это дети, такое поведение прощается. Пройдет год или два, и лошади будут наказывать их за неуважение. Рано или поздно табун научит молодую лошадь хорошим манерам.

Точно так же жеребята ведут себя по отношению к людям. Если мы не потратим время и не научим их как себя вести, они вырастут и превратятся в больших лошадей, таскающих нас на веревке по холмам, «проходящих»

сквозь человека или отказывающихся следовать по команде. Мы должны научить их вести себя рядом с человеком вежливо. Если мы этого не сделаем, лошадь так и не узнает, что означает «хорошие манеры».

Остается вопрос. А как мы будем учить лошадь? Большую часть времени мы будем учить ее просто уступать давлению. Возьмем для примера Шугар. Ее главная проблема заключалась в том, что она на самом деле не знала, как отвечать на давление, вне зависимости от того, была ли это команда к остановке, осаживанию или движению вбок.

Мы начнем обучение с остановки. Для большинства лошадей этот навык является их «альтер эго». Зачастую они быстрее учатся остановке, нежели следованию. В случае с Шугар было очевидно, что эта часть тренировки была полностью пропущена. Если не брать во внимание мой головокружительный спуск с холма, эта проблема обозначилась очень четко пару месяцев спустя, когда я вел Шугар из конюшни в загон. Я остановился, чтобы поднять кусок бечевки, который лежал на земле. Шугар просто не обратила внимания на то, что я больше не двигаюсь, и, продолжив идти, протащила меня на 1,5 метра вперед.

Пора было заняться этой проблемой. Я взял чембур и приложил легкое давление вниз и чуть назад. Кобыла ответила тем, что налегла в противовес. Это было не то, что мне нужно, поэтому в ответ на ее сопротивление я усилил давление. Вскоре она начала трясти головой, пытаясь избавиться от дискомфорта. Когда это не помогло, она попыталась пройти сквозь него. Это не сработало, и она, наконец, уступила давлению. Я тут же отпустил чембур, четко и ясно дав ей понять, что это награда за правильный ответ. Мы постояли несколько минут, а потом повторили упражнение. На этот раз она всего пару раз взмахнула головой перед тем, как уступить. И снова она была немедленно вознаграждена. Упражнение повторялось до тех пор, пока кобыле не стало достаточно очень легкого давления, чтобы тут же уступить. После того как я полностью убедился в том, что кобыла понимает, чего я от нее хочу, мы перешли к следующему упражнению.

Я оказывал легкое давление чембуром, но когда кобыла уступала, не убирал его. Я чувствовал, как она подергивает носом, словно говоря: «Эй, а где же моя награда?» Мне нужно было, чтобы она перенесла вес назад, и, как только она сделала это, я моментально убрал давление.

Я дал ей минутную передышку и вновь приложил давление. Видимо, на этот раз в голове у нее зажглась «большая лампочка», потому что Шугар не только уступила, но и сделала 2 шага назад. Именно это мне и требовалось, поэтому я мгновенно убрал давление. Менее чем за 10 минут Шугар научилась осаживать от легкого давления чембура. Убедившись, что она полностью усвоила урок, я продолжил.

Мы пошли вперед. Через пару шагов я приложил слабое давление, попросив лошадь остановиться. Очевидно, она была не уверена, что же ей де-

дать, поэтому навалилась на меня. Но вскоре «лампочка опять зажглась», и Шугар, уступив давлению, остановилась и осадилась. В конце занятия мне уже не надо было прикладывать давление, чтобы остановить Шугар. Она настолько хорошо поняла, что от нее требуется, что всегда останавливалась за мной. У этой лошади были отличные манеры! С трудом верилось, что это она таскала меня по склону 2 месяца назад.

Шугар была типичным образцом невоспитанной лошади. Часто для решения такой проблемы бывает достаточно лишь научить лошадь уступать давлению. Я видел лошадей, которые прекрасно умели делать уступку, но просто не хотели ее делать. В таком случае мы имеем дело не с недостаточным тренингом, а с проблемой в отношении к требованию. Особенно если дело касается недостатка уважения к человеку.

Том был именно такой лошадию. Это был большой гнедой квортерхорс, с которым меня попросил заниматься его хозяин, переставший справляться с лошадию. Том совершенно не уважал человека и не утруждал себя реакцией на его сигналы. Это проявлялось как на земле, так и под седлом.

Первый раз я столкнулся с этой проблемой, когда выводил его из левады, где он пасся. Я остановился, чтобы закрыть за нами ворота. В это время Том оттолкнул меня плечом и рванул обратно, протаскивая меня за собой 1,5 метра. Я потерял равновесие, а лошадь с удовлетворением погрузила морду в сочную траву на маленькой полянке.

Я попросил Тома поднять голову, приложив легкое давление чембуром. Нет ответа. Я усилил давление. Опять нет ответа. Наконец я потянул за чембур из всех сил. Он даже не шелухнулся. Эта лошадь сделала открытие, которого так боятся люди. Том понял, что он больше и сильнее. Он узнал, что может держать голову опущенной столько, сколько захочет, потому что у меня просто не хватит сил ее поднять. По крайней мере, он так думал.

У лошадей на теле есть несколько чувствительных к прикосновению зон, но самые чувствительные находятся вокруг носа и рта. Я решил доставить ему дискомфорт, чтобы дать понять, чего я хочу. Пока он продолжал пастись, я снова приложил давление чембуром. Как и ожидалось, никакого ответа не последовало. Тогда я поставил ногу рядом с его верхней губой и снова приложил давление. Одновременно с этим я начал постукивать носком сапога ему по губе. Это были не грубые удары, а мягкое похлопывание. Так люди похлопывают друг друга по плечу, чтобы привлечь внимание. Том моментально поднял голову. На его морде читалось изумление.

Я принялся гладить его по шее, вознаграждая за то, что он поднял голову, но не успел я пару раз его погладить, как он снова нырнул в траву. Я опять приложил давление, Том снова проигнорировал меня. Но как только

его нос коснулся травы, он натолкнулся на мой носок. Лошадь немедленно подняла голову.

Я решил пресечь попытки пастись и увести его подальше от травы. Но это оказалось не так то легко. Том просто выдирал голову и снова погружался в траву, правда, там его встречал носок сапога. В этот раз я похлопал его по губам чуть сильнее, чтобы дать понять, что я не шучу.

Его голова вскинулась вверх, будто я прикоснулся к нему раскаленным железом. Я погладил Тома, показывая, что, если он стоит с поднятой головой, его награждают. Пока я его гладил, у него опять возникла мысль вернуться к траве. Я попросил его вернуть голову вверх, приложив легкое давление. На этот раз прием сработал.

Когда я повел Тома из левады на конюшню, возникла еще одна маленькая проблема. Он хотел идти быстрее меня. Намного быстрее. Получалось, будто он ведет меня. Совершенно очевидно, что это было неприемлемо. К несчастью, он игнорировал мои просьбы снизить скорость. Я подумал, что нужно сначала остановить его и попробовать продолжить в требуемом мною темпе. Проблема была в том, что на мои сигналы к остановке Том тоже не реагировал. В итоге я просто остановился, лошади пришлось развернуть голову, и она пошла вокруг меня. Я предоставил ей шагать, сколько заблагорассудится, пока она не решит остановиться. Квотер прошел 7 кругов и встал. Перед тем как продолжить движение, я дал ему постоять спокойно несколько секунд.

Квотер сразу же пошел ускоренным темпом. Я снова остановился и позволил ему кружить. Мы повторили этот маневр бесчисленное количество раз, но мне все еще приходилось прилагать усилия, чтобы замедлить и остановить лошадь. Мне это показалось странным, поскольку обычно, когда я веду себя подобным образом, лошади довольно быстро понимают, чего я от них хочу. Похоже, у квотера были собственные мысли на этот счет. Мне нужно было каким-то образом объяснить ему, почему он должен слушаться меня и останавливаться. Вопрос только в том, как это сделать.

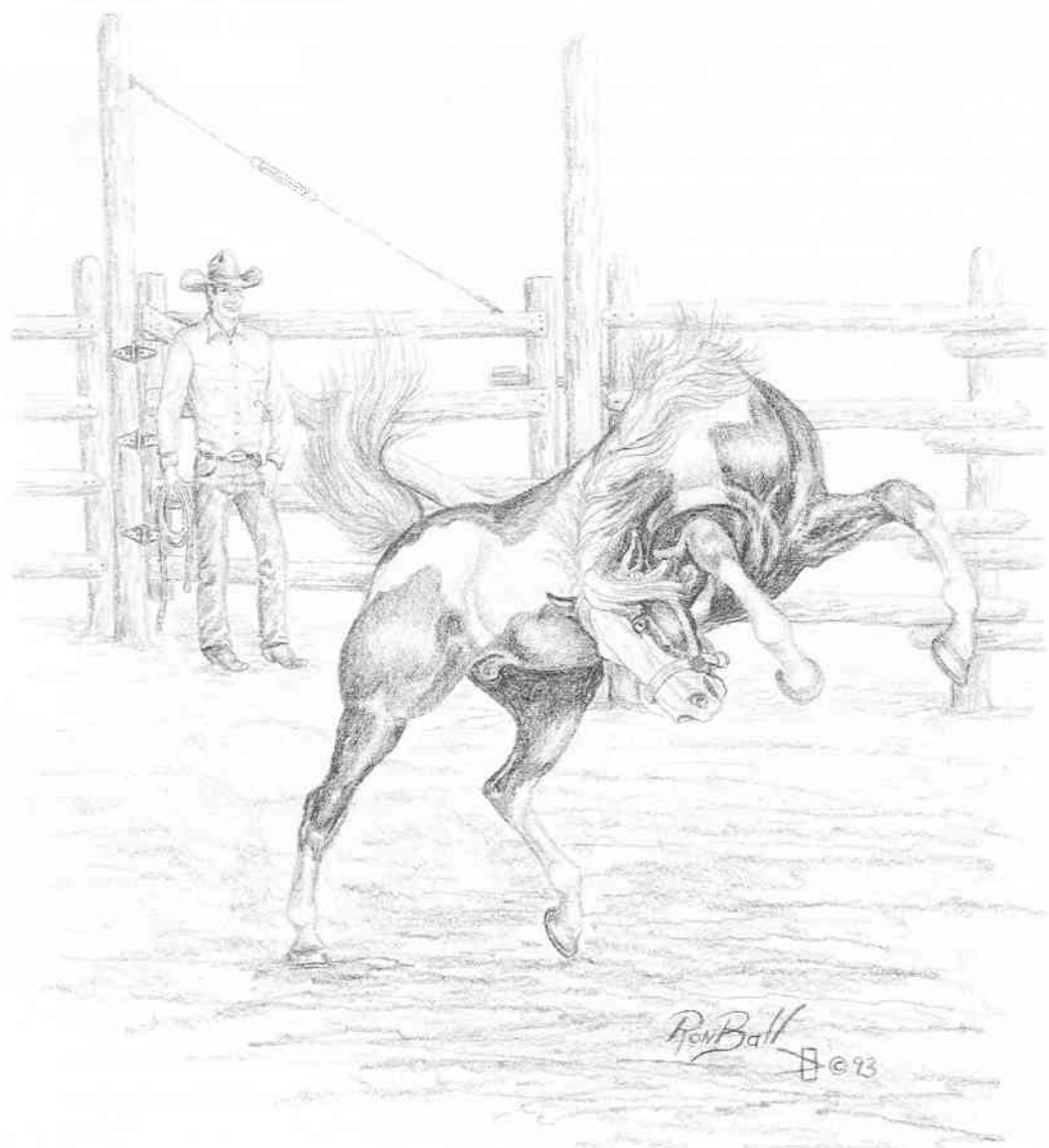
Мне нужно было, чтобы лошадь, обгоняя меня, чувствовала себя некомфортно. Тогда она просто перестанет так поступать. Это была ловушка. Как сделать ускорение некомфортным, имея в запасе ограниченный арсенал?

Наконец я придумал. С точки зрения квотера никаких негативных последствий его своевольного поведения не было, ему только приходилось таскать кого-то туда-сюда.

Это не отнимало у Тома много сил, для такой большой лошади, как он, это было совсем не трудно.

Я решил исправить положение тем же методом, которым поднял его голову вверх, сделав неприятным положение головы у травы вниз.

Квотер в очередной раз начал движение ускоренным темпом. Я попросил его замедлиться, оказав на него давление с помощью чембура. Как я и

ожидал, он меня проигнорировал. В тот же миг я развернул его голову к себе и начал тыкать кончиками пальцев ему в ребра. Квартеру это не понравилось, и он живо пробежал два круга, тогда как я следовал за ним и продолжал щекотать.

Когда он все-таки остановился, у него было совершенно иное выражение морды. Было очевидно, что мне удалось привлечь его внимание. Мне пришлось повторить этот маневр 4 раза, прежде чем квартал стал послушно замедляться и останавливаться по моему сигналу (давление чембура). Когда мы дошли до конюшни, он стал вести себя по-джентльменски. Попадобилось еще 2 дня такого же обращения, чтобы из нахала квартал превратился в милашку.

Нужно отметить, что щекотка была раздражающим воздействием, а не наказанием. Я старался быть максимально последовательным в своих действиях и не перегнуть палку. Я имею в виду то, что я пользовался одной и той же техникой в сходных ситуациях.

Поскольку я был последователен, лошадь быстро уяснила, что, когда она переходит определенные границы, ей становится некомфортно.

Подобную технику я применял также не только к лошадям, которые отказывались следовать за человеком, но и к тем, у которых отсутствовало уважение к его личному пространству. Этим лошадям свойственно толкаться и наступать на ноги, когда их ведут в поводу.

Как и в случае с Томом, я применяю эту технику не автоматически. Многие лошади, которые склонны налегать, обычно легко понимают такой сигнал, как выставленный в их сторону локоть. Как только они подходят слишком близко, они натываются на него и предпочитают сохранять дистанцию.

Поскольку мы говорим о невоспитанных лошадях, мне на ум приходит следующая ситуация. Меня позвали на очень престижную конюшню, где стояла лошадь, демонстрирующая все симптомы отсутствия хороших манер на земле. Это был 15-летний пейнтхорс, который находился в деннике.

Я стоял в проходе и наблюдал. Хозяин лошади зашел в денник и вывел ее наружу. Манеры лошади оставляли желать лучшего. Она была настолько невоспитана, что казалась практически неуправляемой. Хозяин, парень под 175 см ростом и весом в 70 кг, делал все, что было в его силах.

Не успел он отстегнуть от недоуздка чембур, как пейнтхорс рванул через загон, попутно взвизгивая, подпрыгивая и брыкаясь.

- Теперь Вы поняли, что я имел в виду? – спросил меня хозяин пейнтхорса, отряхивая с джинсов песок, которым лошадь засыпала его. – Я совершенно с ним не справляюсь.

- И как давно он ведет себя подобным образом? – спросил я.

- Пару месяцев, – последовал ответ.

- Как вы его кормите?

- Кормлю? – переспросил он. – А какое это имеет отношение к его поведению?

- Я должен знать о лошади все детали, – сказал я ему.

- Я не знаю, – парень пожал плечами, – наверное, он получит такой же корм, как и все остальные лошади.

- Пойдемте, посмотрим.

Мы зашли на конюшню и спросили начальницу. Она ответила, что пейнтхорс получает 900 граммов зерна, содержащего 14% протеина, и 2 тюка люцернового сена утром и вечером. Иными словами, в день лошадь ест 1 кг 800 г высокоэнергетического зерна + также богатое энергией сено. Ее выпускают или работают с ней 3-4 раза в неделю по часу или даже меньше.

- Вы не нуждаетесь в моих услугах, – сказал я хозяину лошади. – Просто кормите его поменьше и больше занимайтесь с ним. Через неделю он придет в норму.

Не могу сосчитать всех лошадей, у которых были те же самые проблемы. Из-за того, что они много едят и мало двигаются, у них накапливается столько энергии, что они практически выходят из-под контроля.

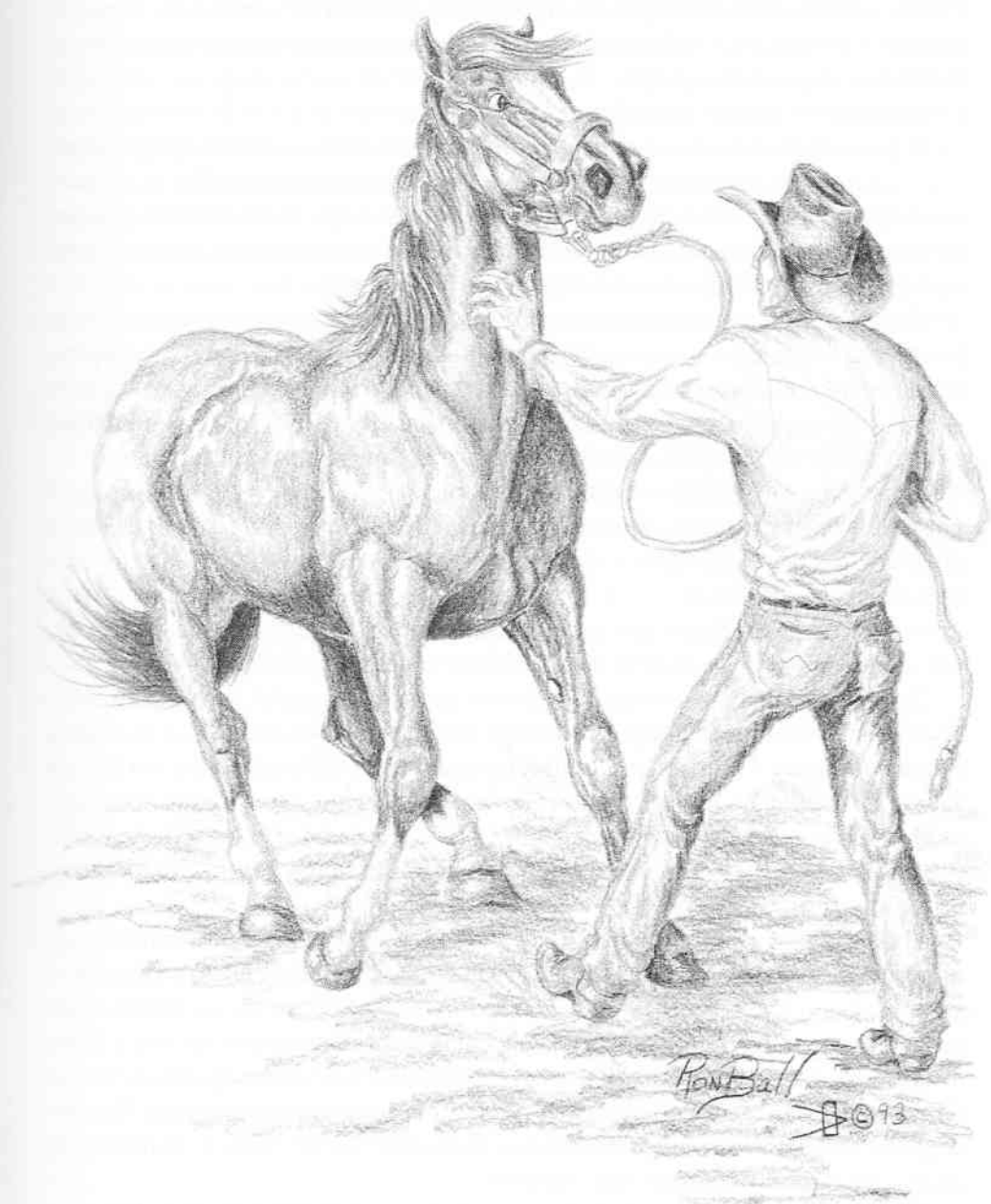

У лошадей редко возникают проблемы по их собственной вине. Чаще всего проблемы развиваются из-за неправильного тренинга или отсутствия такового вообще. Очень просто обвинить во всех грехах лошадь, а не тренера, особенно если тренером являетесь вы сами. Хорошим примером является ситуация, когда лошадь отказывается следовать за человеком. Я имею в виду не те случаи, когда лошадь напирает сзади или запаздывает. Я говорю о том, когда лошадь не идет вперед вообще.

Хуже всего обстояло дело с мерином по имени Скип. Ему было 3 года, и обучение пришлось отложить, т.к. его невозможно было вывести из загона. Хозяин Скипа перепробовал кучу способов, но ни один из них не сработал.

Перевести лошадь с места на место было возможно только вслед за другой лошадью или подгоняя ее сзади бичом.

Когда я приехал взглянуть на лошадь, я нашел Скипа в большом загоне. Мне легко удалось подойти к нему и надеть недоуздок. Он даже сделал за мной пару шагов. Но на этом все и закончилось. Он остановился, вкопался в землю и отказался идти дальше. Я согнул его голову вбок, чтобы заставить переступить передними ногами в сторону. Он переступил, но ничего больше не произошло. Скип продолжал спокойно стоять на месте и совершенно не собирался идти вперед. Ничего не работало. Было очевидно, что лошадь не напугана. У нее просто не было ни малейшего повода следовать за мной. Она не видела ни малейшей причины, по которой ей нужно было бы следовать за мной. Поскольку перед Скипом не было другой лошади, за которой он бы пошел, и никто сзади не подгонял его бичом, он был очень доволен тем, что может спокойно постоять на месте. Скип полагал, что рано

или поздно тот, кто тянет его за чембур, уйдет, и он сможет отдохнуть в тени.

Откровенно говоря, я почти отчаялся и хотел бросить эту затею, когда меня посетила одна идея. До того момента я был сконцентрирован на том, чтобы лошадь пошла вперед. Всю работу выполнял только я сам. Я тянул Скипа за недоуздок, сгибал ему голову, пытался выслать его на круг, постукивал ему кордой по крупу...

Лошадь же все это время ничего не делала.

Я решил, что мне нужно доказать Скипу, что, если он будет продолжать отказываться идти вперед, жизнь перестанет быть прекрасной. Тогда он, возможно, поймет, что лучше согласиться и пойти за мной. Но для начала мне нужно было заставить его двигаться. Поскольку о движении вперед не могло быть и речи, я попросил его осадить.

Сначала я предложил ему пойти за мной, Скип, естественно, проигнорировал мою просьбу. Тогда я немедленно начал яростно трясти чембуром, одновременно наступая на него и издавая шипящий звук. Лошадь удивилась и включила заднюю скорость. Она осадилась на 4,5 метра, после чего я остановил ее. Было ясно, что мне удалось привлечь внимание.

Я позволил ему пару минут спокойно постоять, а затем снова попросил пойти вперед. Нет ответа. Я снял давление и снова повторил команду. Опять ничего. На этот раз я ответил тем, что заставил его максимально быстро осадить на 6 метров. После чего я погладил Скипа по шее, дав ему понять, что я проделываю с ним подобные вещи не потому, что я сошел с ума, а потому, что мне что-то нужно от него и он это «что-то» пока не сделал.

Теперь, когда я предложил Скипу последовать за мной, он нерешительно сделал пару шагов вперед. Я щедро похвалил его и позволил постоять немного дольше. На мой следующий призыв он с готовностью сделал 2 шага за мной. И снова получил порцию похвалы. В течение следующих 20 минут за каждую попытку пойти вперед я щедро вознаграждал его. Если же Скип отказывался идти, я заставлял его осаживать. В конце концов осаживание надоело ему до чертиков.

Очень скоро я мог водить его за собой по всему загону. Я позволял ему иногда сомневаться и останавливаться, но он должен был начать движение до того, как я отойду от него на всю длину корды. Если же он продолжал стоять, и корда начинала натягиваться, я внезапно разворачивался к нему лицом. Это заставляло его осадить. Потребовалось немного времени, чтобы Скип понял, что ему лучше следовать за мной, чем останавливаться. Его поведение настолько изменилось, что мне было достаточно чуть-чуть потянуть за чембур, чтобы он последовал за мной.

Описанной техникой я пользуюсь далеко не с каждой лошадью. Если бы я стал действовать подобным образом с испуганной лошадью, то вконец бы все испортил. Также эта техника совершенно не применима для жеребят

младше 2-х лет, потому что в это время люди должны делать все возможное для того, чтобы завоевать доверие лошади. Я не говорю, что у более взрослых лошадей не нужно завоевывать доверие. Просто я хочу подчеркнуть, насколько это важно для жеребенка, который только формируется. Поэтому техника, которая пугает, для молодых лошадей совершенно неприемлема.

Есть довольно много людей, которые считают, что воспитание у лошади хороших манер на земле не так уж важно. Я с ними не согласен. У каждой невоспитанной лошади имеется недостаток либо тренинга, либо уважения к человеку. Именно из-за этого возникают проблемы между хозяином и его лошастью, которые приводят к еще более серьезным последствиям.

Много лет назад старик сказал мне: если у вас нет доверия лошади, у вас нет ничего. Я нахожу эти слова очень правильным. Также я считаю, что, если лошадь не доверяет вам на земле, вы можете быть уверены, что она не доверяет и под верхом. Чтобы завоевать доверие, придется солидно потрудиться. Воспитанная лошадь, обладающая хорошими манерами на земле, может не быть совершенной под верхом, но в ней уже заложена основа к совершенствованию.

Глава 6

Как взять ногу?

Однажды я получил в работу 8-летнего мерина моргана, хозяйка которого жаловалась на то, что лошадь перестала давать ноги. Как только она пыталась взять его переднюю ногу, мерин моментально ее выхватывал и шел на попятный. Если лошадь была привязана, удержать ее в руках спереди было невозможно.

Попытка взять задние ноги была сопряжена с еще большими опасностями. Лошадь начинала пинаться с такой быстротой, что было практически невозможно увернуться от ее молниеносного копыта. Проблема была настолько серьезной, что хозяйка уже не могла найти ни одного коваля, который согласился бы расчищать ее лошадь. В итоге она решила обратиться ко мне в надежде, что я смогу ей помочь.

- Я разрешаю вам делать все, что вы сочтете нужным, – сказала мне она.

- Неплохо, – я понял, что она ожидает, будто я буду обращаться с меринком жестоко. То есть заставляю его силой дать ноги, не обращая внимания на то, комфортно ли лошади.

Я попытался объяснить женщине, что, скорее всего, корень проблемы лежит в потере доверия лошади, которая произошла по какой-то причине, когда у нее брали ноги. Ее яростная реакция на коваля выглядит просто как самооборона. Но она, казалось, не понимает, о чем я говорю.

- Если пытаться силой заставить его дать ногу, это только ухудшит положение, – предостерег я ее. – Сначала нам нужно снова завоевать его доверие, а затем поработать над тем, чтобы он почувствовал себя комфортно во время наших манипуляций.

- Делайте что хотите, – проворчала хозяйка, – но проблема должна быть устранена за месяц.

- Возможно, это потребует больше времени, – сказал я ей.

- Возможно, – ответила она, – но я не хочу терпеть больше 30 дней. Если он не исправится за это время, я вышвырну его вон.

Думаю, читателям стало все ясно. Мне было стыдно подумать, что человек может решить избавиться от лошади только потому, что она не дает ноги. Мерин был хорошо выезджен и великолепно сложен. У него был спокойный характер, и он не создавал никаких проблем, кроме этой.

Я видел подобную реакцию лошадей на просьбу дать ногу в разных ситуациях. Обычно они пытаются убежать, а когда у них не получается, начинают обороняться с помощью пинков и брыкания.

Зная это, я решил поступить несколько иначе. Было понятно, что мерин испытывает сильный дискомфорт, когда кто-то удерживает его ногу. Ему было настолько неудобно, что инстинкт самосохранения вынуждал его отбиваться от любого, кто пробует взять его ногу. Я попытался представить, что произойдет, если я позволю лошади убежать, вместо того чтобы удерживать его на месте. Другими словами, я решил попробовать работать с ним без привязи в бочке. Если он почувствует, что давление слишком велико и пора бежать, я позволю ему сделать это. Естественно, потом я приложу еще более сильное давление, и он будет вынужден работать больше, чтобы его избежать.

Я выпустил мерина в бочку, снял с него недоуздок и оставил одного на 15 минут, чтобы он освоился. В противном случае, вместо того чтобы работать, он принялся бы таращиться по сторонам. Я нашел, что гораздо проще привлечь внимание лошади, если во время работы она не занимается исследованием окружающего мира. За 15–20 минут лошадь осмотрит и досконально изучит бочку и будет готова к работе.

Когда я вошел в загон, мерин спокойно стоял в центре. Я без проблем подошел к нему и стал его гладить по плечам и шее.

Минут через пять я попытался осторожно прикоснуться к ногам. Моя рука лежала на его локтевом суставе, когда я заметил, как он напрягся. Я вернулся к плечам и шее. Было очевидно, что прикосновение к этим частям тела не вызывает у лошади неприятных ощущений.

Еще через 5 минут мне удалось дотронуться до предплечья. Мерин снова стал проявлять беспокойство, и я вернулся к плечам и шее. Но когда через несколько минут я прикоснулся к запястью, терпение лошади было уже на исходе, и она взорвалась. Мерин пустился в бегство, будто у меня в руках была цепь, которой я хотел сковать его ноги.

Я немедленно принялся крутить кордой, которая была у меня в руках, заставляя лошадь бежать еще быстрее. Она помчалась так, будто участвовала в Кентуккийском дерби, и продолжала бег в таком темпе минут 5. Наконец я прекратил вращать кордой, и лошадь остановилась. Тяжело переводя дыхание, она повернула ко мне морду. Я начал осаживать, лошадь пошла на

меня и остановилась неподалеку от середины бочки. Я позволил ей отдохнуть несколько минут, после чего мы начали все заново.

Мы продолжали работать в том же духе около 45 минут. К концу этого времени я уже смог прикоснуться к ноге мерина в любом месте. Было видно, что он продолжает сильно нервничать, когда я его трогаю, и терпит мои прикосновения только потому, что просто выдохся от бега. Несмотря на это, я надеялся на то, что мне удалось убедить его, во-первых, в том, что у меня нет намерения причинить ему вред, а во-вторых, если он не позволит мне прикоснуться к его ноге, ему придется сильно поработать.

Я старался прикоснуться к ногам лошади как можно более деликатно. Я надеялся на то, что вскоре она почувствует разницу и решит оставаться на одном месте не потому, что ее вынуждают, а по доброй воле.

К счастью, на третий день мне удалось потрогать все четыре ноги, и лошадь не убежала. Однако на четвертый день я понял, что проблема лежит глубже, нежели я думал.

Мерин разрешил мне не только прикоснуться к ногам, но и приподнять ненадолго копыто. Но что-то было не так. Казалось, мои действия причиняют ему боль. Я продолжил работу и занимался с ним целую неделю, поднимая и опуская его ноги. С каждым днем я поднимал ноги чуть выше до того момента, как начинал чувствовать сопротивление со стороны лошади. Мне казалось, что трудности почти преодолены.

Еще спустя неделю я обнаружил причину. Я поднял его левую переднюю так, как делал это ежедневно на протяжении двух недель. Но в тот день я сделал то, чего не делал раньше. Я отвел его поднятую ногу немного вбок, как это делают коваля, чтобы зажать копыто между колен для расчистки иликовки. Лошадь мгновенно запаниковала и убежала, оттолкнув меня. У нее в глазах было выражение полнейшего ужаса, словно я кольнул ее ножом, и единственным спасением для нее было бегство.

Неподалеку от бочки оказался местный ветеринар. Она обрабатывала колотую рану в копыте одной лошади и только-только закончила, когда мой мерин устроил истерику.

- Вы видели? — спросил я ее.

- Да, — ответила она, направляясь к бочке.

- Вам не кажется, что у этой лошади что-то болит? — задал я вопрос.

- Болит? — она покачала головой. — Я вижу, что эта лошадь избалована.

- Нет, — возразил я, — мне показалось, что я причинил ей боль.

Она развернулась и пошла прочь.

- Вам нужно больше с ней работать, — сказала она напоследок свысока.

Обычно я не спорю ради того, чтобы поспорить, особенно с такими людьми, как ветеринары, которые знают, что говорят. Но эта лошадь не была избалована. Она испытывала боль.

Я вышел из бочки, подошел к своему трейлеру и достал визитную карточку доктора Сименса, лошадиного хиропрактика, которого мне порекомендовал один мой знакомый, пользовавшийся его услугами. Я позвонил доктору и попросил подъехать и осмотреть лошадь.

Говоря по правде, раньше я не особо доверял хиропрактикам. Сама концепция хиропрактики никогда не казалась мне верпой. Идея, что кто-то может успокоить боль с помощью манипуляций с позвоночником, казалась мне неестественной и далекой от реальности. Поэтому, когда однажды впервые при мне заговорили о лошадиных хиропракторах, я отнесся к этому скептически. Я представил себе эдаких шарлатанов, опустошающих кошелек ничего не подозревающих владельцев лошадей, которые ищут безошибочно действующий метод лечения своих питомцев. Долгое время термин «лошадиный хиропрактик» вызывал у меня лишь улыбку, т.к. сама идея подобного способа врачевания казалась мне совершенно абсурдной. Я придерживался такого взгляда довольно долго. Однажды я стоял рядом с бочкой и наблюдал, как работают на корде с новой лошадью. Она выглядела очень скованной и стесненной на рыси при движении направо. Рысь налево была еще хуже. Галоп был затрудненный и несвязный, она крестила задами и постоянно поднималась не с той ноги. Помнится, я отошел с мыслями, что, если лошадь не научится нормально двигаться, ее ожидает не самое радужное будущее. Еще я подумал, что работать с лошадью, которая так плохо двигается, придется долго. В следующие выходные я снова увидел эту лошадь. Ее работали на корде, но на этот раз ее движения были такими плавными и грациозными, что я не мог поверить своим глазам. Лошадь с легкостью меняла аллюры и ни разу не поднялась не с той ноги. Произошедшие перемены были столь поразительны, что я не удержался и поинтересовался у хозяина, как ему удалось совершить это чудо. Что за волшебная тренировочная техника позволила за столь короткое время добиться таких результатов?

- Мы вообще не тренировались, – ответил хозяин, пока лошадь без усилий порхала вокруг нас. – Лошадь была совсем больна.

- Что же Вы сделали? Дали ей обезболивающее лекарство? – спросил я.

- Нет, – улыбнулся он, – с ней поработал мой хиропрактик.

- Хиропрактик! Вы шутите!

- Нет, – ответил он, – Вы же сами видите, ей намного лучше.

- Да, действительно, – улыбка сползла с моего лица.

Я бы никогда не поверил, что хиропрактика может кому-то помочь, особенно лошади. Но передо мной стояло живое доказательство. У меня открылись глаза, и, должен признаться, с того момента я перестал воспринимать лошадиную хиропрактику негативно. А узнав больше об этой технике, я стал ее рьяным защитником. Конечно, хиропрактика не является ответом на все вопросы, но в ряде случаев ее применение дает удивительные результаты.

Вспоминая об этом случае, я набрал телефон доктора Сименса. Три дня спустя мы втроем, я, доктор и лошадь, стояли в бочке.

Мы не были знакомы с доктором Сименсом, и я видел его впервые. Я ожидал встретить типичного доктора, высокого стройного мужчину с пробивающейся сединой в волосах, серьезного, говорящего тихим, спокойным голосом. На самом деле Сименс оказался открытым и веселым парнем, который перемежал серьезные вопросы всякими шутками-прибаутками. Он был невысок, одет в джинсы и тенниску. Однако его знания в области лошадиной анатомии и понимание всей серьезности проблемы, существующей у лошади, стали сразу очевидны, когда он начал давить на разные части ее тела. Уже через несколько минут он нашел болевые точки.

- У нее проблемы с плечами, бедрами и холкой, – сказал он, – шея тоже немного болит, но не так сильно, как все остальное. Больше проблем с левой стороны.

- Мы можем что-нибудь сделать? – спросил я.

- Да, конечно, – ответил он, – потребуется несколько сеансов, зато потом она будет как новенькая.

Через две недели хозяйка приехала посмотреть как идут дела. Все это время ее не было в городе, и я не мог рассказать ей о том, что мы обнаружили. Теперь я объяснил ей, что проблемы были из-за того, что лошадь была больна. Каждый раз, когда коваль брал ногу лошади, она испытывала невыносимую боль. Следуя своей естественной реакции, она выдирала у него ногу. Коваль брал ее снова, причиняя боль. Дело дошло до того, что лошадь вообще перестала давать ноги, опасаясь, что ей опять придется страдать. Проблема нарастала как снежный ком.

Доктор Сименс устранил причину боли, но лошадь может продолжать по привычке отказываться давать ногу. Над этим придется еще поработать.

- Хотя, – сказал я ей, – я думаю, что теперь с лошадью все в порядке.

С этими словами я вошел в бочку, подошел к лошади и по очереди взял все ее ноги. Затем я зажал копыто между коленями так, как это делают коваля, и несколько раз шлепнул по подошве ладонью. Лошадь даже не шелохнулась.

Теперь я являюсь преданным сторонником хиропрактики, уже много раз я пользовался услугами доктора Сименса. Я обнаружил, что многие проблемы, которые люди склонны списывать на упрямство и избалованность, вызваны на самом деле болезнью. Когда вы устраняете боль, то и проблема исчезает.

Конечно, боль не является причиной 100% проблем, особенно если речь идет о том, что лошадь не дает ноги. Почему-то многие люди полагают, что для лошади стоять на трех ногах является обычным делом, и удивляются, когда при первой попытке взять ногу лошадь ее выдергивает, расценивая эту реакцию лошади как бунт.

Лошади поступают так по двум причинам. Во-первых, в таком положении они чувствуют себя ограниченно. У них нет возможности убежать, следуя инстинкту самосохранения.

Во-вторых, лошади просто не умеют стоять на трех ногах. Такое положение не только нарушает равновесие лошади, но и заставляет ее распределить вес на 3 ноги вместо 4-х. Это представляет еще большую проблему, т.к. вес лошади и без того распределяется неравномерно: 60% на передние ноги и только 40% - на задние.

Я помню, как я впервые учил лошадь давать ноги. Это была 8-месячная кобылка, и мне пришлось изрядно с ней повозиться. Как только я попытался взять ее ногу, она немедленно выдергивала ее у меня, не переставая все это время пинаться и сопротивляться. Я бился с ней уже целый час и ни на миллиметр не продвинулся с мертвой точки. На самом деле все стало даже хуже, т.к. она научилась пятиться, как только я вставал у ее ноги. Я уже был готов все бросить, когда к нам подошел Дед.

- Подойди-ка на минутку, – сказал он мне, жестом приглашая следовать за ним.

Мы отошли на небольшое расстояние от конюшни. Он развернулся и посмотрел прямо на меня.

- Повернись, – резко сказал Дед, – я должен кое-что увидеть.

- Что? – спросил я.

- Повернись, – повторил он.

«Странно», – подумал я, и повернулся.

- Хорошо, теперь согни свою левую ногу назад.

Я был совершенно озадачен и оглянулся на Деда.

- Не гляди на меня, – пробурчал он, – просто делай, что тебе говорят.

Я отвернулся и медленно согнул левую ногу в колене назад. Только я успел оторвать ногу от земли, как Дед схватил ее за лодыжку.

- Что Вы делаете? – воскликнул я, пытаюсь удержать равновесие.

- Постой несколько секунд, мне нужно кое-что увидеть.

Он начал поднимать и опускать мою ногу и закончил тем, что несколько раз постучал ладонью по подошве моего башмака. Я совершенно потерял равновесие и начал заваливаться вперед, когда он, наконец, отпустил меня.

- Что все это означает, черт возьми? – закричал я, вскочив на ноги.

- Я подумал, что у тебя отвалился каблук, – сухо ответил он. – А он оказался на месте.

С этими словами он развернулся и пошел в конюшню.

Я пожал плечами и вернулся к своей кобылке. Я уже наклонился и хотел взять ее ногу, как меня посетила одна идея.

Дед не хотел проверить мой каблук. Он хотел показать мне, как чувствует себя тот, чью ногу подняли, завели назад и стали дергать. Он показал мне, что значит потерять равновесие и не понимать, для чего все это делается. Он хотел, чтобы я почувствовал себя на месте кобылки. Я хорошо усвоил этот урок.

Большинство лошадей, которые не хотят давать ноги, обучались этому одним и тем же способом. Тренер настойчиво удерживал ногу в приподнятом положении, даже если лошадь не понимала, чего от нее хотят. В результате лошадь непреднамеренно обучалась сопротивляться, когда кто-то пытается приподнять с земли ее ноги.

Я обнаружил, что гораздо эффективнее разбить обучающий процесс на маленькие этапы и не требовать от лошади сразу слишком много. С жеребятами я начинал с того, что приучал их терпеть простое прикосновение к ногам. Я гладил их, начиная от плеч и спускаясь к копытам. После того как лошади спокойно принимали эти поглаживания, я клал руку на пястную кость и прислонялся к плечу, чтобы заставить лошадей переместить вес. Из такого положения я просил их чуть-чуть приподнять ногу. Постепенно они начинали охотно выполнять команду. Также я помещал приподнятую ногу в нужную мне позицию, и отводил ее вбок, чтобы иметь возможность зажать копыто между колен. Залогом успеха в этом деле является продвижение вперед без спешки, с той скоростью, на которую способна лошадь. Чтобы разрешить некоторые проблемы, требуется значительное время. В 9 случаях из 10 за 1–2 дня лошадь можно научить охотно давать ноги и с этим никогда возникнет проблем.

Если же лошадь не отвечает должным образом, то, скорее всего, она не может этого сделать из-за испытываемой ею боли.

Самый трудный случай, с которым я столкнулся, был с 2-летним меринком по имени Гром. Я работал с ним приблизительно 7 месяцев. Из них 3 месяца я потратил исключительно на ноги. Гром был очень независимый и своенравный. Больше всего в жизни он желал бы никогда не встречаться с человеком. Для него люди были постоянным источником беспокойства и раздражения, и он не хотел терпимо относиться ко мне, что бы я ему ни предлагал. Он был настолько непримирим, что даже не позволял себя гладить. Гром демонстрировал не свойственное большинству лошадей поведение. Откровенно говоря, я редко встречал таких субъектов.

В его защиту я могу сказать, что это можно объяснить тем, что в детстве с ним произошел инцидент. Он вместе с матерью оказался в центре испуганного табуна. Грома сбили с ног и по нему пробежались несколько лошадей. В результате он стал крайне необщительным и даже не хотел ложиться или принимать пищу, когда рядом с ним были другие лошади. Он то замыкался и становился нелюдимым, то вел себя очень дерзко. Подобным же образом он относился и к людям.

Чтобы приучить его к недоузду и научить следовать за человеком, потребовалось 2 недели. Еще месяц пришлось потратить, чтобы он спокойно принял седло. Спустя месяц мне удалось сесть на него. Но это было ничто по сравнению с теми трудностями, с которыми я столкнулся, когда стал его учить давать ноги.

Проблемы появились в самом начале. Даже самые «отпетые» лошади через пару дней начинают понимать, что человек не делает ничего плохого, но Гром просто не хотел идти на контакт. Лишь спустя 3 недели занятий мне удалось прикоснуться ко всем его четырем ногам. А еще через месяц удалось их приподнять. Но он разрешил только оторвать ноги от земли. О том, чтобы раскрючковать копыта или отвести ногу вбок, и речи быть не могло. Он яростно выдергивал ногу из рук и убегал.

В итоге он вообще предпочел бегство и перестал позволять трогать ноги. Если его привязывали, он начинал брыкаться и пинаться. Несмотря на то что при работе на свободе он бегал кругами и не давался, я решил, что этот вариант предпочтительнее перспективы получить копытом в лоб.

Работа застопорилась, т.к. основную массу времени он просто носился. Нужно было найти способ сделать бегство неприятным для Грома.

Я подумал, что проще всего ограничить подвижность одной из его ног. Ограничить не полностью, а затруднить движение, создать помеху, которую бы он постоянно ощущал. Я воспользовался 9-метровой хлопковой кордой.

На одном конце корды была прикреплена застежка, а на другом сделана петелька. Петелька была достаточно большая, чтобы сквозь нее можно было продеть другой конец корды и сделать некое подобие лассо. Корда легко скользила в петле.

Продев корду сквозь петельку, я разложил ее на земле в бочке. Мой ученик Джо подвел Грома к корде. Его задняя левая нога оказалась ровно посередине круга, образованного кордой, продетой сквозь петлю. Я потянул корду за конец. Петля затянулась вокруг ноги лошади. Как только я поймал ногу Грома, Джо отпустил чембур, и родео началось. Я занял свою позицию в центре. Гром неистово носился вокруг меня на предельной скорости, одновременно взбрыкивая. Он делал все, чтобы избавиться от петли, охватившей его ногу. В это время я немного потянул корду, чтобы усилить ее раздражающее воздействие. Каждый раз, когда Гром выбрасывал ногу вперед, я натягивал корду. Вдруг Гром наступил на чембур, прикрепленный к недоузду. Его голова резко дернулась вниз¹³. В этот момент его, видимо, посетила мысль, что бесконечное бегство по кругу является не таким уж хорошим выбором. Через 4 дня он полностью укрепился в этом мнении. Гром согласился, что стоять на месте куда приятнее. Справившись с этой проблемой, мы столкнулись со следующим препятствием.

Как я уже говорил, к этому моменту Гром разрешал нам поднимать его ноги, но не давал крючковать и отводить их в сторону. В ответ на наши попытки он выдергивал ногу и делал несколько шагов вбок. Он проделывал это так быстро, что мы не могли его удержать на месте. В результате работа

¹³ Гром мог в этот момент получить серьезную травму. (Прим. пер.)

ни на йоту продвигалась, а мерин приобрел дурную привычку выдергивать ногу у нас из рук, когда ему заблагорассудится.

Я решил справиться с этой проблемой, не отдавая ему ногу. Техника, к которой я был вынужден прибегнуть, была моей последней надеждой, и я не рекомендую пользоваться ею, поскольку, действуя неумело, можно нанести лошади травму.

Мне понадобилась хлопковая корда толщиной 2,5 см, длиной 3,5 м, с петелькой на конце. Я продел конец корды через петлю и затянул вокруг бабки передней ноги. Затем я перекинул корду через спину лошади, так что ее конец оказался с другой стороны. Осторожно приподняв ногу лошади, я обвязал свисающий с другой стороны конец корды вокруг той же бабки. Затем достал крючок и начал чистить копыто. Как и ожидалось, мерин попытался отнять ногу, но не смог этого сделать. Ему это не понравилось, и он принялся сопротивляться. Он вставал на дыбы, пытался осаживать, путался и, в конце концов, пустился вскачь на трех ногах. Гром пробежал около 6 метров и остановился. Я дал ему некоторое время постоять в одиночестве, затем подошел, погладил и освободил его ногу. Через час уже безо всякой веревки я мог крючковать копыто и делать с ногой все, что мне хочется. Однако на следующий день пришлось начать все заново. Целую неделю я применял ту же самую технику с остальными 3 ногами¹⁴.

Через месяц мне уже были не нужны веревки, чтобы брать ноги Грома и совершать с ними необходимые манипуляции. Я даже расчистил ему копыта. Но я чувствовал, что он лишь терпит и может в любую минуту взорваться.

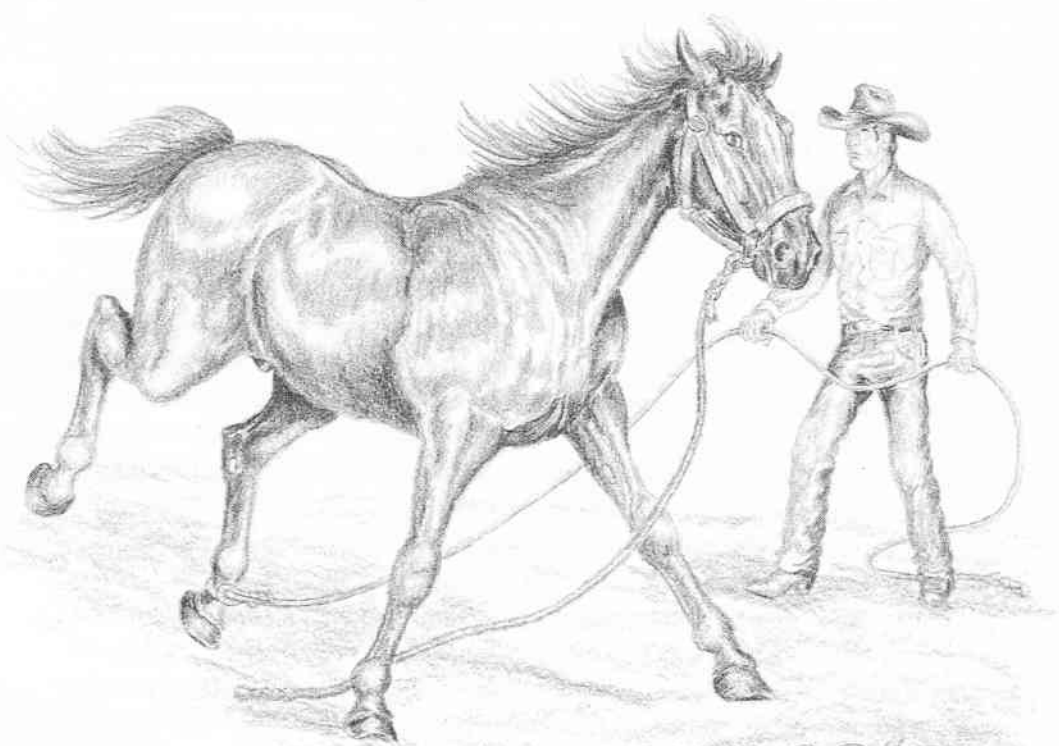
В некотором смысле я восхищался Громом. Он сопротивлялся не потому, что у него что-то болело, или он не понимал, что от него требуется, или же был просто тупым. Он просто не хотел приспособливаться. Он совершенно не видел причин, по которым он, будучи лошадью, должен адаптироваться к миру людей, и сопротивлялся на каждом миллиметре этого пути. Он уступал, только если у него не оставалось иного выбора.

За все время, пока я работал с Громом, он ни капельки не изменился. Он следовал своим принципам и идеалам и соглашался что-то сделать, только если ему приходилось это делать. Я занимался с ним ежедневно, последовательно и терпеливо¹⁵. День за днем он выполнял мои команды, но внутренне он сопротивлялся.

Внезапно все изменилось. Еще накануне вечером он был, как всегда, вздорной, бунтующей против заездки лошадью. А утром он будто сдался. Гром как бы говорил: «Раз я не могу тебя побить, я могу присоединиться к тебе».

¹⁴ Типичный пример ограничительной техники. (Прим. пер.)

¹⁵ Успех, как отметил сам автор, заключался в том, чтобы сломить лошадь. (Прим. пер.)

Row Ball
© 1993

Наша тяжелая работа и проявленное терпение были вознаграждены. Гром стал милым парнем. Но для меня это была ложная победа. Видя, как хозяин спокойно подходит к мерину, берет его ноги, делает с ним, что хочет, у меня складывалось впечатление, что мы не просто заездили его. Мы сломили его дух.

Лошади, подобные Грому, встречаются нечасто. Гром доказал мне, что даже с такой сложной и непокорной лошастью можно достичь успеха, если работать с ней спокойно, последовательно и терпеливо.

Большинство лошадей хотят учиться. Им только нужно понятно и доходчиво объяснить. К сожалению, многие люди считают обучение лошади давать ноги опасной и неприятной работой и стараются как можно быстрее с этим справиться. Проблема заключается в том, что «быстро» не означает «правильно». Если вы пожалеете времени на правильное обучение лошади, вам придется куда дольше исправлять потом свои ошибки. Этим, естественно, никому не охота заниматься, особенно лошадям.

Глава 7

«Звездочеты»

Когда я думаю о лошадях, задирающих голову, в моей памяти всплывает один особенный день. Как говорится, в тот день я встал с левой ноги. Все началось со спущенной шины. С большим трудом за 45 минут мне удалось заменить колесо. В итоге я почти на час опоздал на первую назначенную на тот день встречу.

Я обещал помочь своему другу Ллоиду, который согнал вместе свой табун, чтобы разом дать антигельментик, привить и расчистить своих лошадей. Когда я, наконец, прибыл, лошади уже были собраны вместе и топтались в большом загоне. Коваль приехал 45 минут назад и успел расчистить 5 голов. Извинившись за опоздание, я взял несколько недоуздков и зашел в загон.

Система была очень проста. Я должен был за каждый свой заход поймать двух лошадей и отвести их в маленький загон, где Ллойд давал им лекарство и делал прививку. Затем я привязывал лошадей к длинной коновязи, там они ожидали расчистку.

Я уже привел первых двух лошадей и пошел в загон за очередной парой. Когда я проходил позади серой кобылы Лейси, она сделала предупреждающий пинок в сторону соседнего мерина. Мне в очередной раз «повезло», я как раз оказался в этот момент меж двух лошадей, и пинок, предназначенный мерину, достался моей левой ягодице. Удар был такой сильный, что я отлетел на 1,5 метра.

- Будь осторожнее с Лейси, – услышал я голос Ллойда, – она в охоте, и немного раздражена.

- Спасибо за предупреждение, – пробурчал я, поднимаясь на ноги и потирая ушибленный зад.

Наконец все дела были закончены, и я мог отправляться дальше.

Далее мне нужно было подъехать и осмотреть лошадь, которую планировала купить моя клиентка. Я опоздал и на эту встречу. Извинившись за задержку, я приступил к осмотру. Лошадь была ростом 152 см в холке, гнедой масти, с хорошо развитой мускулатурой. Продавец подошел к ней и стал рассказывать, что она умеет. Он сказал, что лошадь заезжена как в тележку, так и верхом. С ней можно было заниматься ловлей бычков, баррел рейсингом¹⁶, охотой и другими видами верхового конного спорта. Одним словом, это была универсальная лошадь.

- Хорошо, – сказал я, выслушав длинный перечень достоинств этой лошади. – Поседлайте ее, мы посмотрим на нее в деле.

- Ваше право, – дружелюбно сказал продавец. Он зашел на конюшню и вернулся оттуда с тяжелым седлом для ловли бычков. Затем он быстро поседлал лошадь. Во время седловки я находился с другой стороны коновязи, в полуметре от ее головы. Мое внимание было распределено между болтовней клиента относительно невиданной жары в этом сезоне и наблюдением за тем, как лошадь относится к затягиванию подпруги. Продавец очень медленно опустил подпругу под брюхо лошади, а затем так же медленно продел ее через застежку. По мере затягивания подпруги лошадь оживилась, было видно, что она начинает беспокоиться. Чем туже затягивалась подпруга, тем беспокойнее становилась лошадь.

- Лошадь слегка заподпругена? – поинтересовался я.

- Да, есть немного, – ответил продавец, продолжая постепенно затягивать подпругу.

Внезапно, без всякого предупреждения, лошадь повернула ко мне голову с горящими глазами и укусила за плечо. Практически с той же скоростью и энергией продавец стукнул ее кулаком прямо в зубы. Я отступил назад, спасаясь от атакующей лошади. То же самое сделала лошадь, спасаясь от кулака. Лошадь рванулась так сильно, что порвала чембур. Она отскочила назад и пустилась бежать. Поскольку подпруга была затянута недостаточно сильно, вскоре седло сползло набок, а затем и под живот лошади. Лошадь выскочила на дорогу, пинаясь и брыкаясь в тщетных попытках избавиться от седла, в то время как ее хозяин бежал позади нее, размахивая руками и изрыгая ругательства.

Укушенное плечо болело. Клиентка подошла ко мне и участливо поинтересовалась, все ли у меня в порядке. Я ответил, что все хорошо, хотя чувствовал, как рука начинает опухать.

- Не понимаю, почему она укусила именно Вас, – сказала женщина, наблюдая за лошадью, которая была уже в четверти мили от нас. Ей, наконец, удалось избавиться от седла.

¹⁶ Вестерн дисциплина, заключающаяся в том, что лошадь должна максимально быстро галоном объехать 3 бочки по маршруту трилистника. Очень травматичный вид спорта для лошади.

- Я стоял ближе всех, — ответил я ей, — она укусила бы любого, кто оказался бы перед ней. Мне просто не повезло.

Я объяснил ей, что, если лошадь заподпужена или просто не хочет, чтобы затагивали подпругу, она испытывает непреодолимую потребность обороняться. Поскольку я был непосредственно в поле ее досягаемости, она защищалась от меня.

- С этим можно как-то бороться? — спросила клиентка, видя, как лошадь скрывается за соседним холмом.

- Можно, но на вашем месте я бы искал какую-нибудь другую лошадь. Ведь сейчас такой большой выбор.

Спустя некоторое время я уже сидел в своем джипе и подсчитывал несчастия, которые успели свалиться на меня в этот злополучный день.

Следующая лошадь, которую я должен был посмотреть, стояла на конюшне в 10 милях к югу от Денвера. К счастью, поток машин был невелик, и у меня были все шансы прибыть на место без опозданий. Но мои злоключения не кончились. Через 2 мили я попал в чудовищную пробку, вызванную аварией на автобане. Укушенная рука продолжала ныть.

Одним словом, я снова опоздал. После моих искренних извинений мы прошли на конюшню, чтобы взглянуть на лошадь.

Это был большой гнедой мерин квортерхорс, который тряс головой. Каждый раз, когда я протягивал руку к его ушам, он яростно взмахивал головой, стараясь подальше отодвинуться от меня. И вдруг он неожиданно сдался и позволил надеть недоуздок и даже уздечку.

Обычно лошади задирают голову по двум причинам. От плохого обращения или от недостатка обращения. Однако какова бы ни была причина, результат будет один и тот же. С лошадью становится трудно обращаться, она не дает прикоснуться к голове, надеть уздечку, часто ее невозможно поймать. Любая попытка притронуться к голове квортерхорса таила опасность, хозяин решил, что пора принимать меры, и обратился ко мне за помощью.

Мы подошли к лошади, спокойно стоящей на привязи у конюшни. Я отвязал ее и начал вежливо гладить по плечу. Мерин выглядел совершенно спокойно и расслабленно. Он не продемонстрировал ни малейших признаков беспокойства, когда я стал гладить его шею и передвинулся ближе к голове. Видя, что прикосновения к этим областям не доставляют лошади дискомфорта, я приблизился к ушам. Когда я дотронулся до ганаши, в глазах лошади промелькнул страх. Зная, что сейчас могут начаться проблемы, я решил задержаться на этом месте подольше, чтобы дать лошади возможность убедиться, что я не причиню ей зла.

Я продолжал легонько гладить ганаши, и страх лошади потихоньку утих. Я вернулся к плечам и шее, затем снова погладил ганаши. Через 15 минут мерин перестал реагировать на прикосновения к ганаши. Тогда я снова стал приближаться к ушам. Было несложно понять, что именно здесь кроется

основная проблема. Когда мои пальцы оказались в 10 см от ушей, лошадь внезапно отдернула голову. Она сделала это так быстро, что я не успел отреагировать. В левой руке я держал чембур, а правой гладил лошадь.

Теперь я решил держать лошадь не за чембур, а непосредственно за недоуздок. Так я имел больше возможностей оказать давление на лошадь, если она начнет трясти головой.

Я объяснил хозяйке лошади, что каждый раз, когда кто-нибудь пытался прикоснуться к ушам лошади, та начинала трясти головой. Люди прекращали попытки, и лошадь научилась, что таким способом можно заставить людей оставить ее уши в покое. Нам же нужно показать ей, что это не так. Она может сколько угодно мотать головой, но не сможет уйти от давления. Как только лошадь поймет это, ее сопротивление прекратится. Тогда мы сможем заняться поисками причин возникновения проблем и их устранением.

Это очень распространенная техника работы с лошадьми, трясущими головой, и я использовал ее разнообразные варианты с множеством лошадей. Большинство лошадей понимают, что им пытаются объяснить довольно быстро, максимум за час. Я полагал, что и эта лошадь не станет исключением. Жаль, что никто не предупредил ее об этом.

Я начал все сначала. Погладил мерина по плечу, затем постепенно стал перемещаться выше к голове. И опять лошадь не проявляла беспокойства, пока я не приблизился к области ушей. Тогда мерин снова начал трясти головой, но теперь я крепко держал его левой рукой за недоуздок, и мне удалось удерживать правую руку рядом с ушами. Мерин дважды резко дернул головой в сторону. Правая рука осталась на прежней позиции.

Неожиданно он мотнул головой прямо на меня и ударил в нос. Удар был так силен, что моя шляпа отлетела на 3 метра. К счастью, недоуздок сидел на голове лошади достаточно плотно, и я смог его удержать.

Затем лошадь прыгнула вправо, буквально оторвав меня от земли, и резко развернулась в проходе конюшни. К этому времени мне удалось вытянуть правую руку и ухватиться за гриву. Лошадь продолжала крутиться, я держал ее за недоуздок и гриву, следуя за ней. Периодически мои ноги касались пола. Прокрутившись еще раз 6, наступив мне на ногу и пару раз стукнув моей коленкой об дверь, мерин, наконец, остановился.

Хорошая новость: он попытался избавиться от меня, но ему это не удалось. Плохая новость: у меня был разбит нос, отдавлена нога и стремительно опухало колено. И это в дополнение к укушенному плечу и синяку на заднице.

Мы сделали 5-минутную передышку и начали все заново. Теперь я максимально замедлился в своих действиях. Всякий раз, когда лошадь начинала демонстрировать беспокойство, я убирал руку из тревожащей ее зоны и ждал некоторое время, перед тем как продолжить. Это был очень нудный процесс, который занял около 45 минут. За это время мне удалось продвигаться всего на 2,5 см по сравнению с отправной точкой.

Естественно, мы делали в занятиях паузы. Это очень важно при работе с лошастью. Переменки позволяют лошади расслабиться, «прочистить» мозги, а человеку – подумать над своими действиями и, возможно, найти что-то новое. Я внезапно прекращал свои попытки приблизиться к ушам и просто ходил с лошастью в поводу несколько минут. Я отпускал мерина и давал ему пару раз попить или спокойно постоять. Я старался быть максимально последовательным. Это означает, что я пытался вознаграждать его за хорошее поведение снятием давления. Для этого я убирал руку из проблемной зоны. Если же мерин тряс головой, я всеми силами старался удержать свою руку в этой зоне.

Продолжая усердно работать в таком медленном темпе, мне, наконец, удалось подобраться к ушам. На это ушло 2,5 часа, лошадь подверглась сильному стрессу и несколько раз срывалась. В итоге я смог не только прикоснуться к ушам, но и согнуть их вперед, назад и в стороны. Я сумел надеть на мерина уздечку без сопротивления с его стороны.

Я посоветовал его хозяйке в течение следующих двух месяцев всегда уделять внимание ушам, когда она общается с лошастью. Эта процедура должна была стать составляющей частью ухода за лошастью. Занимаясь последовательно и постоянно, проблему можно будет искоренить.

Стоя в пробке по пути домой в Денвер, мне пришла в голову пара идей относительно лошади, с которой мне только что пришлось работать. Во-первых, я все время обуздывал лошадь, подавлял ее главный инстинкт – инстинкт самосохранения, не давая ей возможности убежать. А во-вторых, проблема была настолько серьезной, что лошадь воспринимала мое движение к ушам как прямую агрессию. В ответ она пыталась сделать то, что для нее естественно. Она пыталась убежать. Мне еще повезло, что она не свечила, не брыкалась и не кусалась. Эта лошадь заставила меня пересмотреть отношение к широко распространенному методу работы с подобными проблемами.

Я стал размышлять, можно ли работать с лошадьми, которые трясут головой, не ограничивая их, без чембура или недоуздки. Я подумал, что тогда мне удалось бы не подвергать лошадь излишнему стрессу. Ведь она смогла бы убежать, если что-то ее действительно испугало. Не вступая в противоречие с ее инстинктом самосохранения, я бы не спровоцировал ее на агрессию по отношению ко мне.

Меня смущало только то, что, если дать лошади убежать, то потом она не захочет подойти обратно. Если такое произойдет, я лишь закреплю негативную реакцию, сделав технику бесполезной. Поэтому я решил, что перед тем, как пробовать такую тактику, нужно безоговорочно завоевать доверие лошади. Я надеялся на то, что лошадь, несмотря на мои попытки прикоснуться

к проблемной зоне, поймет, что я достаточно безопасен, и вернется ко мне. Это будет знаком, что она готова к сотрудничеству. Дальше все будет зависеть от меня — смогу ли я поддержать установленный контакт.

Больше всего меня волновало то, что я никогда не слышал, чтобы кто-то действовал подобным образом. У меня не было никакой информации о негативном или позитивном опыте применения такой техники. Это удерживало меня от практических опытов довольно долгое время. Лишь спустя несколько месяцев я получил в работу двух лошадей, которые сильно трясли головами. Это была 2-летняя кобылка арабской помеси и 12-летняя чистокровная арабская кобыла. С обеими лошадьми в прошлом очень плохо обращались, и у них возникла масса проблем. Кобылка была так трудна в обращении, что ее предыдущий хозяин целый год не спимал с нее недоуздок. Он опасался, что если он его снимет, то не сможет надеть снова. В довершение, она очень боялась людей и вела себя агрессивно. Старая кобыла тоже боялась людей, но вела себя не так яростно. Ее проблема выражалась в том, что она отчаянно сопротивлялась, когда протягивали руку к ее голове и особенно к ушам.

Поскольку у обеих лошадей были серьезные проблемы, я решился испытать на них технику работы без ограничения свободы, о которой думал по дороге в Денвер. Дело и так было хуже некуда. С этими мыслями я выпустил молодую кобылку в бочку диаметром 15 метров.

Когда я снял с нее недоуздок, она, как и предполагалось, отпрыгнула и побежала к забору. Я встал в центре бочки, и лошадь принялась бегать вокруг меня. Внезапно она бросила на меня быстрый взгляд и угрожающе фыркнула. Ее явно раздражало мое присутствие. Минут через пять лошадь развернулась в моем направлении и атаковала. Это была полноценная атака с заложенными ушами и ударами передом.

В прошлом в подобных случаях моя реакция была проста. Я бросал в сторону лошади корду, иногда попадая по ней, если та оказывалась достаточно близко. Я отвечал агрессией на агрессию. За несколько дней до этого происшествия я стал свидетелем одного эпизода, который заставил меня пересмотреть этот простой прием.

Я наполнял баки водой и заметил бродячего кота, слоняющегося по двору. Мой пес Сэди, игривый спаниель, тоже заметил кота и стал к нему приближаться. Кот начал раздуваться, чтобы казаться больше. Чем ближе был пес, тем больше становился кот. Наконец пес остановился. Они замерли друг напротив друга. Затем Сэди развернулся и побежал прочь. Кот избежал стычки, просто распушившись и сделавшись зрительно больше.

Когда кобылка напала на меня, я тоже попытался сделаться больше, подняв вверх руки. Я сделал так, поскольку не хотел, чтобы она оценила мои действия как агрессию. Мне лишь нужно было показать ей, что я пришел сюда не для того, чтобы с ней сражаться.

Удивленная лошадь почти мгновенно остановилась и отвернулась к забору. Я уменьшил давление, сделав несколько шагов назад. Каждый раз, когда она начинала убегать от меня, я преследовал ее, топая ногой в ее направлении. Вскоре кобылка поняла, что для нее комфортнее оставаться рядом.

Через 45 минут она полностью успокоилась. Она больше не проявляла агрессии, охотно подходила и следовала за мной. Через час я чувствовал, что мы можем приступить к работе над ее основной проблемой. Я начал поглаживать ее плечо. Затем расширил область прикосновений и стал гладить ее по шее, спине, бокам, передам, внимательно наблюдая за ее реакцией. Когда я приблизился к голове, она насторожилась. Я немедленно вернулся к плечу. Каждый раз, когда кобылка начинала нервничать, я останавливался. В процессе обнаружилось, что я ни капельки не продвинулся к своей цели — ушам и затылку. Через 30 минут, убедившись, что выбранная тактика не работает, я решил, что пора расширить воображаемые границы, которые установила лошадь. Линия проходила в 10 см от ушей и, как только я пересекал ее, лошадь начинала беспокоиться. Она дергала головой, вырывалась и с фырканьем отбегала прочь. Кобылка пробежала два круга по бочке, затем разворачивалась ко мне лицом и останавливалась. Как и прежде, я делал несколько шагов назад. Она подходила ко мне. Когда она успокаивалась в достаточной степени, я начинал снова ее гладить.

Всякий раз, когда моя рука пересекала воображаемую границу, кобылка убегала, но затем возвращалась обратно. После дюжины таких бегств и возвращений я решил, что, когда она в очередной раз отбежит, я окажу на нее некоторое давление, чтобы затруднить бегство и показать ей, что оставаться на месте комфортнее, т.к. не нужно работать.

Я хлопнул в ладоши и топнул в ее направлении. Лошадь заметно беспокоилась, но все же вернулась и позволила мне продолжить попытки. Такое повторялось много раз. Через двадцать минут мне удалось положить руку между ее ушей. Затем я убрал руку и снова положил обратно. Кобыла не сопротивлялась. Я решил, что на сегодня достаточно. На следующий день я пришел к такому же результату всего за 15 минут. Однако уши все еще оставались проблемной зоной.

Прорыв произошел благодаря происшествию. Я держал руку на затылке лошади, когда что-то позади нее привлекло ее внимание. Она развернула уши по направлению к источнику звука и нечаянно положила уши прямо мне на руку. Я заметил, что, когда она сама касается меня ушами, она не беспокоится. Если же я пытался прикоснуться к ее ушам, она начинала паниковать. Тогда я стал класть ей руку на затылок так, чтобы, если лошадь направляла уши назад, они прикасались к моей руке. Затем я потихоньку потрогал ее в ответ пальцем. С помощью этого медленного и простого способа я добился того, что вскоре кобылка разрешила мне свободно прикасаться к ушам.

На третий день кобылу было просто не узнать. Никто бы и не сказал, что у нее были проблемы с задиранием головы. С помощью этой техники 12-летняя кобыла позволила мне трогать свои уши менее чем за час. В дальнейшем я часто пользовался методом работы без ограничения свободы с лошадьми, с которыми было трудно обращаться. И каждый раз я достаточно быстро (в зависимости от сложности ситуации требовалось от 15 до 45 минут) получал ответ. Нужно отметить, что в некоторых случаях для получения позитивного результата требовалось повторить тренировку на следующий день.

Больше всего в этой технике мне нравится полное отсутствие у лошадей желания сражаться. Если давление становится слишком сильным, лошади просто уходят от него. И что самое любопытное, после этого они либо сами возвращаются, либо позволяют мне приблизиться к ним. У меня сложилось такое впечатление, что лошади сами хотят работать над существующей проблемой, но в том темпе, который им нравится.

Еще я почувствовал, что лучше контролирую свободную лошадь, нежели ограниченную. Дело в том, что, когда я работаю с ограниченной лошадью, я чувствую, что навязываю ей свою волю. Лошадь часто пугается и становится непредсказуемой, что не может меня не беспокоить. Выходит, что, хотя я считаю, что лошадь находится под контролем, глубоко в душе я понимаю, что это не так.

С другой стороны, мы знаем, что если что-то напугает лошадь на свободе, она просто убежит. Если мы даем лошади возможность убежать, а затем прикладываем давление, затрудняя бегство, то она начинает задумываться, что для нее лучше – остаться на месте или отойти. Лошадь приобретает некоторый контроль над ситуацией. Мы лишь помогаем ей сделать правильный выбор, занимая, таким образом, позицию лидера.

Забавно вспоминать, как месяц назад я ехал домой, уставший, измотанный, избитый лошадьми, и думал о напрасно прошедшем дне. Лишь спустя некоторое время я осознал, насколько ценный опыт я получил в тот день.

Несмотря на все неприятности, с которыми мне пришлось тогда столкнуться, я переосмыслил технику, которой пользовался долгое время, и попытался найти более приемлемый метод, как для себя, так и для лошади.

Глава 8

Погрузка в коневоз

Стояла жаркая и сухая погода. Я провел всю первую половину дня на пыльном плацу, демонстрируя технику погрузки лошади в трейлер. Несмотря на палящий зной, семинар прошел в целом успешно. Вечером я отправился домой.

По дороге я заехал в небольшой туристический городок, чтобы забрать почту. Письма в Ист Парк приходят нечасто, содержать почтальона невыгодно, поэтому жители сами получают почту в офисе. Зимой, когда нет туристов, парковка перед почтовым офисом пустует. Но в разгар сезона припарковаться там совершенно нереально. Однако в тот день мне крупно повезло, и я практически сразу нашел место, куда поставить машину. Возвратившись из почтового офиса, я увидел, что на дороге образовалась ужасная пробка. Перспектива торчать в раскаленной машине на загазованном хайвэе меня не прельщала, поэтому я решил зайти в бар и выпить холодного пива. Бросив почту на заднее сидение трейлера, я запер дверь машины и направился в ближайшую пивную под названием «Wheel Bar». Это была уютная маленькая забегаловка с отделкой из мореного дуба. Туда заходят местные жители, чтобы пропустить кружечку-другую пива и обсудить глобальные проблемы. Не успел я войти, как появился бармен, высокий приветливый техасец по имени Марлин Флауэрс, налил мне в кружку пива и присел напротив меня за барной стойкой.

- Как дела? – спросил он меня.
- Нормально, а у тебя как? – поинтересовался я в свою очередь.
- Как у рыжеволосого пасынка!
- Кого я вижу! Марк! – услышал я справа.

Голос принадлежал Лари Китчену. Китчу, как звали его близкие приятели, бывшему ковбою, запимавшемуся родео без седла. Почти всю жизнь Лари работал с лошадьми, но в последние годы он отошел от дел.

- Я проводил под Денвером семинар, посвященный погрузке в коневоз, – сказал я ему.

- Не завидую, – ответил Лари, – в такую жару я пошел бы работать только под дулом пистолета.

- Да уж, – с огласился я, – тяжелый был денек.

- Были проблемы?

- Нет, – я сделал глоток из кружки, – все прошло гладко.

- А помнишь случай, – начал он, – когда старый Гарольд Бингхэм пытался погрузить того высокого мерина? Уж чего он только не делал, а лошадь ни в какую не хотела заходить в трейлер. Он долго бился, пока не взял лассо и не привязал его к недоузду. Затем он забежал в коневоз, прошел его насквозь и привязал лассо к бамперу стоящей впереди машины. Взяв бич, он встал позади лошади и стал ее двигать вперед, тогда как парень, сидящий за рулем, начал медленно двигаться. Что и говорить, так он его и погрузил.

- Держу пари, что им это удалось. А это вылечило мерина от страха перед погрузкой?

- Вылечило? – усмехнулся Китч. – Черт, да после этого случая нельзя было и близко подойти к коневозке, пикапу или грузовику. Мерин тут же пытался запрыгнуть внутрь, не заботясь о том, есть ли кто-нибудь на нем верхом. Ей-богу, этот случай в конец его испортил.

- Да, испортить лошадь легко, – добавил я, – исправить намного труднее.

- Знавал я одного парня, – продолжил Лари, сделав бармену знак наполнить его опустевшую кружку, – он часто повторял, что нельзя силой заставить лошадь делать что-то, особенно заходить в коневозку. Один раз заставишь, потом будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь.

Поскольку я интересовался подобными вещами, то подметил, что это было очень верное суждение. К несчастью, большинство людей не верят ему. По своему опыту я могу утверждать, что, если человеку не удастся погрузить лошадь в коневоз в первые 10-15 минут, он начинает терять терпение, а затем и злиться. Я заметил также, что большинство людей считают себя экспертами по погрузке в коневоз вне зависимости от того, так это на самом деле или нет. В ту минуту, когда у кого-то возникают проблемы при погрузке лошади, тут же из ниоткуда возникают какие-то посторонние люди, которые иногда вообще не имеют никакого отношения к лошадям, и начинают давать «полезные» советы. В 9 случаях из 10 они лишь ухудшают ситуацию.

Однажды женщина, решившая переставить лошадь на другую конюшню, попросила меня помочь при погрузке. Пару дней назад ее муж и трое его приятелей пытались силой заставить ее зайти в коневоз, но после 2,5 часов безуспешной борьбы они сдались. Прибыв на место, я увидел маленькую

гнедую лошадь, привязанную к двухместному трейлеру. Женщина стояла рядом. Больше никого на горизонте видно не было.

Согласно моим наблюдениям, лошади отказываются заходить в коневоз по трем причинам. Первая – они боятся заходить внутрь. Это страх замкнутого пространства, особенно если коневоз маленький. Вторая причина – когда-то в прошлом лошадь силой погрузили в коневоз, а нынешний хозяин не достаточно мотивирует погрузку, чтобы лошадь могла забыть негативный опыт. В итоге лошадь может раскапризничаться.

И, наконец, третья причина – лошади опасаются того, что может с ними произойти, когда они приблизятся к трейлеру. Иными словами, каждый раз, когда лошадь оказывается рядом с входом в трейлер, кто-нибудь начинает ее бить и силой заставлять зайти внутрь. Таким образом, этот тип лошадей не боится заходить в коневоз, но боится оказаться просто рядом с ним. Поработав с маленькой гнедой кобылкой пару минут, я понял, что имею дело именно с этим типом лошади. Она боялась подойти к трейлеру.

Утешало то, что подобных лошадей на самом деле не так уж сложно грузить в коневоз. Задача состоит в том, чтобы завоевать их доверие и вознаграждать за любой шаг в сторону машины.

Кобылка была испугана, и я начал медленно вести ее к трейлеру. Ее тело было напряжено, глаза широко открыты. Пару раз она пыталась встать на свечку и осадить. Каждый раз, когда она порывалась двинуться назад, я давал ей отойти так далеко, как она хочет. Когда она останавливалась, я разрешал ей спокойно постоять несколько минут, а затем вновь начинал вести ее к трейлеру. Я не заставлял, а мягко убеждал ее с помощью легкого давления корды. Всякий раз, когда она делала малейшее движение вперед, пусть даже просто переносила вес, я снимал давление и переставал тянуть корду.

Через 10 минут лошадь спокойно стояла, ее голова была внутри трейлера, туловище снаружи. Я подождал несколько минут, не прося ее зайти. Затем, чтобы снять давление, которое лошадь все равно ощущала, я полностью вывел ее из фургона. Таким образом, я не только снял давление, но и дал лошади повод задуматься над происходящим.

Постояв немного в удалении от трейлера, мы развернулись и медленно пошли обратно. Кобылка подошла к фургону безо всякого сопротивления и снова встала так, что ее голова оказалась внутри. Мы повторили эту последовательность действий три раза. Каждый раз я поднимался в трейлер с левой стороны от кобылы. Именно из этой позиции я просил ее сделать шаг внутрь фургона в первый раз, поэтому мне хотелось, чтобы она снова видела меня на этом месте.

Когда я убедился в том, что кобылка спокойно подходит и стоит у входа в трейлер, я, наконец, попросил ее сделать шаг внутрь, слегка потянув корду. Каждый раз, когда лошадь делала движение вперед, я тут же убирал давле-

ние. Кобылка почти сразу начала демонстрировать готовность к сотрудничеству, поднимая по очереди то одну, то другую переднюю ногу.

Довольный таким прогрессом, я посмотрел на ее хозяйку и сказал: «Потерпите еще 15–20 минут, и я заведу ее внутрь». На самом деле лошадь уже была готова сама зайти в коневоз.

Как только я произнес эти слова, невесть откуда возникли трое мужчин. Один был высокого роста, худой, в соломенной ковбойской шляпе. Двое других были низкими и коренастыми, на головах у них были бейсболки. Они остановились в 9 метрах от трейлера и, скрестив руки на груди, принялись пристально наблюдать за нашими действиями.

Минуты через 2 высокий нарушил молчание и уныло сказал, что они целый день пытались погрузить кобылу.

- Меня это не касается, – ответил я наполовину в шутку, наполовину всерьез, – я не собираюсь торчать здесь до темноты.

Все трое с досадой покачали головами, развернулись и пошли прочь. Правда, вскоре они возвратились назад.

- Мы сейчас тебе поможем ее погрузить, – громко крикнул один из них.

- Спасибо, не надо, – попробовал я протестовать, но они уже были позади лошади.

Высокий мужчина снял свою шляпу и с криком: «А ну заходи внутрь, сукина дочь!» – хлопнул ею лошадь по крупу.

- Эй, кончайте! – закричал я.

- Потяни ее за недоуздок, – сказал один из низкорослых мужиков, и все трое одновременно навалились плечами, подталкивая лошадь под зад.

Лошадь, которая пребывала в состоянии полной паники, вскинулась передними ногами и упала на запястья внутри трейлера.

- Потяни ее за недоуздок, – повторил коротышка, – и она сразу зайдет.

Как только он сказал это, лошадь, пытаясь выбраться из трейлера, начала биться. Я схватил ее за недоуздок и потянул вверх, стараясь помочь ей подняться.

- Убирайтесь отсюда, – крикнул я, – дайте ей выйти.

Высокий мужчина поднялся в коневоз и забрал у меня из рук корду, пристегнутую к недоуздуку.

- Ну, давай, – сказал он, глядя на меня, – помоги нам тянуть, ты же хочешь, чтобы она зашла внутрь?

Сказать, что я был взбешен, значит, ничего не сказать. Я был в ярости. Их помощь была добровольной и совершенно не нужной, и все же мужики пытались разрешить проблему своими силовыми методами.

Они сделали мою работу в 5 раз труднее, и все потому, что они полагали, что тот метод, которым пользуюсь я, слишком долгий. Их нетерпение говорило само за себя.

- Нет, – ответил я саркастически, – я считаю, что трое мужчин, напавших на одну лошадь, это более чем достаточно. Ваша помощь мне не нужна.

С этими словами я вышел из трейлера и подошел к хозяйке лошади.

- Если Вы захотите попробовать еще раз, когда Карли, Мо и Ларри будут в отъезде, я к вашим услугам, – сказал я ей решительно, – в противном случае, я не думаю, что для меня имеет смысл тратить свое время на эту лошадь.

Я сел в свой пикап и уехал прочь. Это был единственный разумный выход. Было ясно, что если я останусь и продолжу наблюдать за тем, что эти трое вытворяют с лошадью, то, в конце концов, потеряю самообладание, и тогда кому-то придется худо.

В тот день я наблюдал классическую картину того, как люди сами создают себе проблемы. Они смотрят на то, что нужно делать, со своей позиции, а не с позиции лошади. Вместо того чтобы неторопливо сделать работу правильно, они теряют терпение и в итоге либо не делают ее вообще, либо еще более ухудшают отношение лошади к погрузке в трейлер.

Я уже давно понял, что перед тем как приступить к погрузке лошади, нужно настроиться определенным образом. Также вы должны располагать достаточным количеством времени, чтобы действовать спокойно и не торопясь. Под правильным настроем я подразумеваю осознание причины, по которой лошадь не хочет заходить внутрь коневоза, и попытки понять, как решить проблему, не прибегая к насилию.

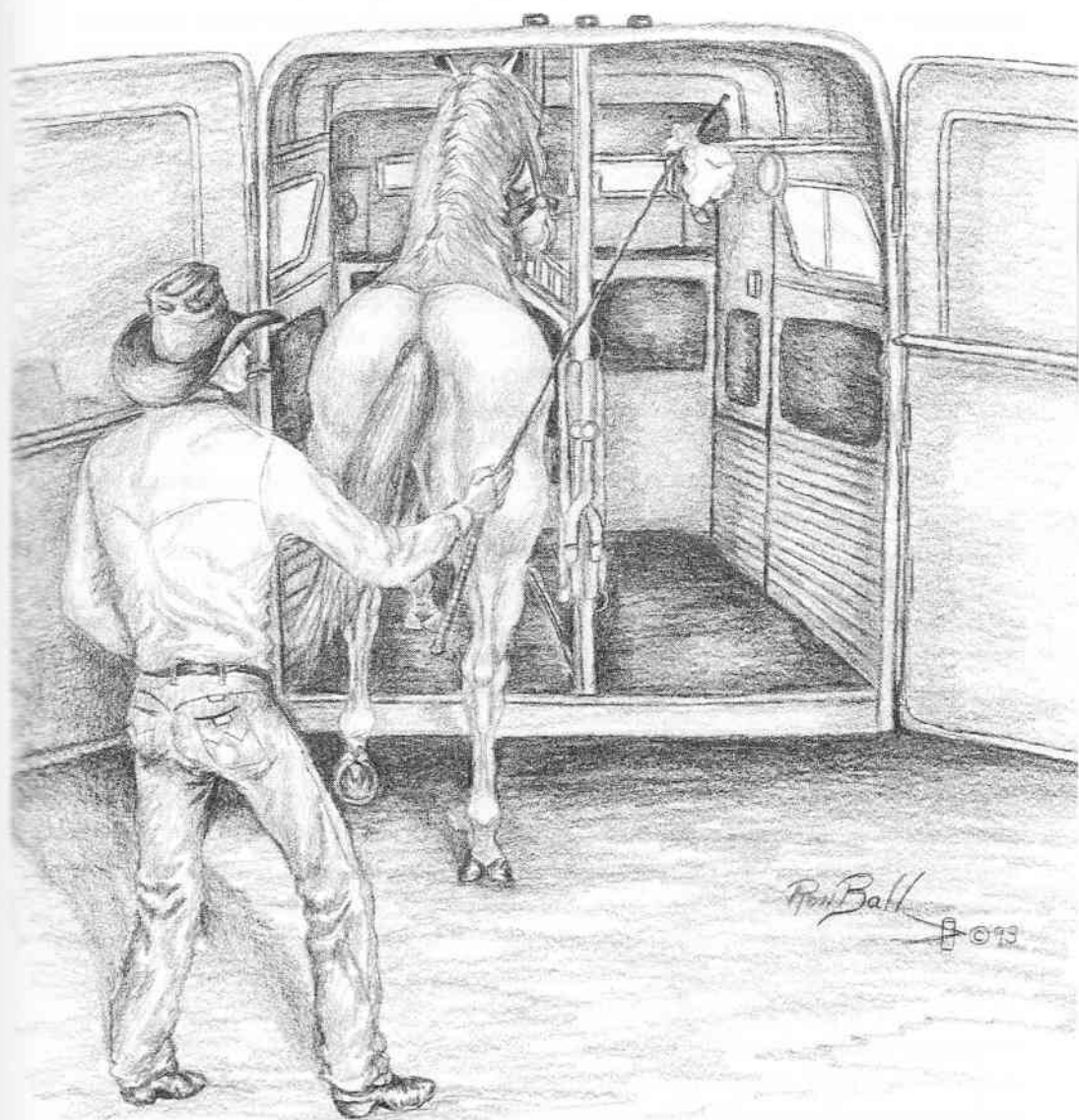
Помню одну лошадь, которая принадлежала к типу капризничающих. Она спокойно подходила к коневозу. Она даже вставала в него передними ногами, но отказывалась войти туда целиком и так и стояла – половина внутри, половина снаружи.

Ее хозяйка всевозможными способами пробовала погрузить зад лошади внутрь трейлера. Она подстегивала ее хлыстом и кожаным ремнем. Она колола ее сзади острой палочкой. Ничто не помогало.

Приехав на место, я обнаружил ситуацию без изменений. Нужно было найти какую-то мотивацию, чтобы лошадь зашла задними ногами внутрь. Я подошел к своей машине и взял один маленький тренировочный инструмент, которым я пользуюсь в подобных ситуациях. Инструментом был простой бумажный пакет из овощного магазина, помещенный в полиэтиленовый шуршащий пакет, который был привязан к концу 1,5-метрового бича.

Как правило, чтобы привлечь внимание лошади, достаточно пошуршать этим инструментом позади нее. Когда я сделал это, лошадь вяло обернулась и посмотрела на меня. Было видно, что пакет ее совершенно не волнует. Я пошуршал пакетом сильнее. Опять никакой реакции. Я подошел чуть ближе и снова пошуршал. Лошадь снова посмотрела на меня, выражение ее глаз говорило, что теперь она обеспокоена незнакомым предметом и звуками позади нее.

Я продолжал шуршать пакетом и медленно приближаться. Когда я был на расстоянии 4,5 метра до нее, лошадь наконец сделала движение задней ногой. Это было большое достижение. Она подняла свою левую ногу и по-

ставила ее прямо в коневоз. Я немедленно прекратил шуршать и сделал пару шагов назад, чтобы дать ей понять, что она сделала именно то, чего я от нее хочу.

Я позволил лошади несколько минут отдохнуть, затем снова начал приближаться и шуршать. Вскоре лошадь подняла вторую заднюю ногу и также поставила ее внутрь. Как и прежде, я сразу же прекратил шуметь и осадил. Ее хозяйка, которая стояла рядом с ней внутри трейлера, принялась ласкать и хвалить лошадь. Мы дали ей спокойно постоять пару минут, затем вывели из коневоза и начали все заново. Мы давали лошади возможность самостоятельно поставить обе задние ноги внутрь. Если она тупила, я принимался шуршать пакетом, и каждый раз лошадь отвечала, запрыгивая в коневоз. Через час подобных упражнений лошадь так хорошо научилась заходить в коневоз, как будто он был ее вторым домом. Она выучила, что если ее переды находятся внутри, то зада должны находиться там же. Если же этого не происходит, возникает беспокоящий ее шум. Она решила, что ей проще зайти в коневоз, чем терпеть этот шум.

Как правило, я нахожу, что этот нехитрый инструмент хорошо работает в подобных ситуациях. Во многих, но не во всех.

У меня была лошадь со сходной проблемой, с которой я пробовал работать тем же методом и не добился успеха. Я мог подойти и похлопать ее пакетом по крупу, задам и бедрам, а она даже не обращала на это внимания.

Тогда я решил прибегнуть к способу, которым пользовался много лет назад Дед. Разница состояла в том, что Деду нужно было научить упрямую лошадь, которая отказывалась следовать за человеком. Тогда у Деда все получилось, и у меня не было оснований думать, что в этот раз произойдет осечка.

Я полностью вывел лошадь из коневоза и свободно обвязал корду вокруг ее шеи. Затем я связал несколько кусков бечевки от тюков сена так, чтобы получилась одна бечевка длиной 4,5 м. На одном конце я завязал петлю диаметром 15 см, а на другом большой узел. К концу с петлей я привязал еще один кусок бечевки длиной 1,8 м и продел хвост лошади в петлю. Я поднял петлю вверх до основания репицы. Конец с узлом я пропустил под корду на шею лошади.

Затем я попросил лошадь зайти в коневоз. Как я и ожидал, она встала внутрь передними ногами и отказалась войти задними. В это время я держал в левой руке конец завязанной узлом бечевки, а в правой – короткий кусок бечевки, привязанной к петле под хвостом. Я стал причмокивать, давая лошади понять, что нужно двигаться вперед. Она проигнорировала меня. Тогда я стал потихоньку тянуть за бечевку с узлом. Это вызвало натяжение петли под хвостом. Лошадь сразу же стала энергично подводить зада, пытаясь избавиться от воздействия, которое оказывала петля. Но не пошла вперед. Я продолжал тянуть бечевку, пока не почувствовал, что воздействие

становится слишком сильным. Лошадь запрыгнула в коневоз, стремясь избавиться от петли. Я мгновенно прекратил натягивать бечевку, однако она продолжала крепко прижимать хвост. Тогда я потянул тот конец бечевки, который был в моей правой руке, и петля сползла с хвоста.

Я дал лошади постоять некоторое время в коневозе, затем вывел ее наружу и начал все заново. Через 15 минут лошадь грузилась самостоятельно. Было достаточно подвести ее к входу в коневоз и причмокнуть.

Капризные лошади заходят в коневоз наполовину. Это хорошая новость, т.к. считайте, что половина дела уже сделана. Остается лишь найти способ, как погрузить остальную половину, не прибегая к насилию.

Худшей лошастью в плане погрузки в коневоз, с которой я имел дело, был высокий тенессиец по имени Дюк. Он демонстрировал все возможные проблемы. Я не мог подвести его к коневозу ближе, чем на 5 метров. Там он намертво вкапывался и отказывался двигаться дальше. Если же я настаивал на движении вперед, он просто вставал на свечку или тянул назад. Было очевидно, что от этой дурной привычки нужно как можно скорее избавиться.

Когда он встал на свечку в 4-й раз, я решил, что пора действовать. Пока он еще размахивал в воздухе копытами, я встал прямо и поднял руки над головой, приняв доминирующую и агрессивную позу. Кроме того, я стал громко шипеть сквозь зубы и яростно крутить кордой. Мое агрессивное поведение было для него полной неожиданностью. Он немедленно опустился на все четыре ноги и начал осаживать, стараясь уйти как можно дальше от меня. Пока Дюк осаживал, я продолжал действовать агрессивно, внимательно следя за лошастью и ловя малейшие знаки того, что пора остановиться. Обычно такими признаками является замедление темпа осаживания и быстрые взгляды, которые лошадь начинает бросать на человека. В тот момент, когда я заметил эти знаки, я прекратил все свои действия и позволил лошади постоять и отдохнуть. Я дал ей несколько секунд, чтобы расслабиться и подумать о том, что произошло, перед тем как снова направить ее к трейлеру.

И снова на расстоянии 5 метров до коневоза Дюк остановился и встал на свечку. Я опять принял агрессивную позу и начал его осаживать. Мне пришлось повторять это много раз в течение следующего получаса, пока до него наконец дошло. Я смог ему объяснить, что каждый раз, когда он встает на свечку или тянет назад, я начинаю вести себя недружелюбно. Если же он делает то, что я прошу, и двигается вперед, то все идет спокойно, ему ничто не угрожает.

Однако вскоре стало ясно, что, несмотря на то, что я справился с одной проблемой, их осталась еще целая куча. У Дюка был целый арсенал всяких

трюков, которые он вытаскивал с изяществом фокусника. Все эти трюки он накопил за последние 5 лет во время погрузок в коневозы.

Когда мы были всего в полутора метрах от входа в коневоз, Дюк бесстрастно сменил направление движения и потащил меня за собой. Я вцепился в корду, сумел его развернуть в сторону коневоза, но он снова повторил этот фокус.

Это продолжалось довольно долго, пока я не решил, что с меня достаточно. Я подошел к своей машине и взял свой маленький тренировочный инструмент. Вы уже знаете, что это был пакет на палке. Затем я вернулся к лошади и попробовал еще раз.

По мере приближения к трейлеру я заметил, что Дюк намеревается свернуть направо, как он и делал все прошлые разы. Тогда я просунул палку у него под подбородком так, что пакет внезапно появился у него перед правым глазом. Он испугался и сделал шаг влево. Затем остановился и посмотрел на испугавший его предмет. Через несколько секунд он решил, что пакет не внушает угрозы. Дюк повернул голову направо и решил продолжать свое черное дело. В свою очередь я начал легонько постукивать его пакетом по морде.

Пытаясь уйти от раздражающих шлепков и звуков, он повернул налево и попытался идти позади меня. Я мгновенно перенес пакет на левую сторону его морды и начал постукивать там. Он повернул голову вправо, я встретил его там пакетом. Манипулируя пакетом и одновременно потихоньку продвигаясь вперед, мы оказались прямо у входа в коневоз.

Там я позволил ему отдохнуть, перед тем как осадить и начать заново. Через 30 минут Дюк спокойно подходил к трейлеру, не делая попыток уйти вбок. Пакет был больше не нужен. К тому моменту мы занимались уже час с лишним. Главным достижением было то, что мы смогли подойти к входу в коневоз.

Обычно я определяю время занятий, исходя из поведения лошади, того, насколько она расслаблена, и того, чем мы занимаемся. Однако при взгляде на эту лошадь у меня подсознательно возникло явное впечатление, что, когда мы остановились перед входом в трейлер, она почувствовала себя победителем. Ведь в прошлом ей всегда удавалось остановиться перед трейлером, когда кто-нибудь пытался ее погрузить. Если я остановлюсь сейчас и прекращу занятия, я ничем не буду отличаться от прочих и не решу проблему.

Помня об этом, я решил продолжить. Мы некоторое время стояли спокойно, затем я попросил Дюка зайти в правую секцию двухместного коневоза. Стоя в левой секции, я слегка потянул за корду. Сначала он всем телом отпрянул в противоположном направлении, а затем встал на свечку.

Я выскочил из коневоза как ошпаренный. Одновременно я шипел, мотал из стороны в сторону кордой и поднимал руки над головой. Как и прежде, мои действия заставили его осаживать. Когда он остановился, мы продолжили наши попытки.

И вновь он встал на свечку, в ответ на которую я повел себя агрессивно. Так прошло около 20 минут. Наконец лошадь решила вместо движения назад предложить движение вперед. Это был всего лишь перенос веса, но этого было достаточно, чтобы вознаградить ее. Я убрал давление и погладил ее по плечам и шее.

Мы продолжали работать в том же духе. Периодически я уводил Дюка от конезова и позволял ему отдохнуть и развеесться. Это также было разновидностью награды за правильные действия – движение вперед.

Наконец, через 2 часа после начала занятия, Дюк сделал попытку поднять переднюю ногу и поставить ее в конезов. Еще через 15 минут он действительно прикоснулся копытом к полу конезова. Но вместо того чтобы поставить ногу внутрь, он лишь бил копытом по резиновому мату, покрывавшему пол трейлера. Я углядел в этой попытке потрясающий прогресс и вознаградил его, уведя от конезова на целых 2 минуты. Через 10 минут Дюк не только поставил копыто на пол конезова, но и перенес на переднюю ногу часть веса. Еще через 20 он поставил внутрь вторую переднюю ногу.

Итак, потратив 3 часа, я добился того, что лошадь поставила свои переда внутрь конезова. Я увел лошадь от трейлера и дал ей отдохнуть минут 15. Этот перерыв был нужен как лошади, так и мне. После этого мы подошли к конезову, и Дюк практически без сопротивления поставил внутрь обе передние ноги. Перед тем, как попросить его зайти в конезов задними ногами, я много раз просил Дюка поставить переда внутрь, а потом отводил его от конезова. Я подал команду, причмокнув губами и слегка потянув за корду. В течение 15 минут он даже и не пытался встать задами в конезов. Я снова достал свой тренировочный инструмент и начал слегка помахивать им позади Дюка. Он кинул взгляд на пакет и практически моментально зашел в конезов.

Мне потребовалось 3,5 часа от начала до конца работы, чтобы из лошади, которая отказывалась подходить к конезову ближе, чем на 5 метров, сделать лошадь, без сопротивления заходящую внутрь него.

Пора было и отдохнуть. Когда я подошел к загону, рядом с ним стояли несколько человек, которые время от времени поглядывали на нас во время занятия.

- У тебя вагон терпения, – сказал один из них. – Я уже давно плюнул на эту лошадь.

- Да, – подтвердил другой, – как тебе удастся так долго сохранять хладнокровие?

- Что ж, – принялся я объяснять, – лошадь не давала мне повода выйти из себя, поскольку она не делала ничего такого, чего бы я от нее не ожидал. Еще до приезда сюда я знал, что буду иметь дело с лошадью, которая отказывается грузиться в конезов. С чего бы мне надеяться на то, что она быстро погрузится?

Я объяснил, что в подобных случаях я готов потратить хоть целый день, но выполнить работу. Если же мне удастся справиться с проблемой всего за несколько часов, я считаю, что я одержал победу. Даже если бы мне пришлось работать весь день, это не смутило бы меня, т.к. я был готов к такому раскладу.

- Проблемы начинаются, когда вы ожидаете от лошади слишком многого, — сказал я им, — я всегда устанавливаю низкую планку, но стараюсь выполнить работу максимально хорошо за сравнительно короткий срок.

3,5 часа, потраченные мной на обучение лошади грузиться в коневоз, — ничто по сравнению со всем тем временем, которое было потрачено на бесплодные попытки заставить ее сделать это в течение 5 лет.

Меня всегда изумляло, что хозяева лошадей тратили на то, чтобы научить своих лошадей желательному поведению, дни, недели и даже месяцы. Лошадей настойчиво учат бегать на корде, делать менки¹⁷, повороты, остановки и осаживания. Но когда дело доходит до погрузки в трейлер, люди почему-то думают, что лошадь может научиться этому за 15 минут. Если же лошадь отказывается, она немедленно подвергается насилию.

Много лет назад мне был преподан урок, из которого я усвоил, какую опасность представляет насилие в таком случае.

Я попытался погрузить лошадь в трейлер с помощью корды, которая была натянута у нее под крупом. Лошадь запаниковала и стала осаживать наружу. Корда была закреплена сбоку от входа в фургон. Корда была продета через дверную ручку, другой конец я держал в руках. Веревка была крепко привязана, поэтому лошадь могла двигаться назад с трудом. В испуге она встала на свечку прямо внутри фургона и ударила головой о потолок.

Пока я отцеплял корду, лошадь продолжала биться и вставать на свечки, нанося себе все больше повреждений. Когда же корда, наконец, была отвязана и лошадь освободилась, она выскочила задом из трейлера, подпрыгнула и, приземлившись, напоролась грудью на дверную ручку, которая у двухместных трейлеров расположена по центру двери.

Это было ужасное происшествие, и, пока я жив, я не забуду о нем. Тогда я в последний раз при погрузке лошади в трейлер пользовался кордой или какими-то аналогичными приспособлениями. С тех пор я погрузил в трейлеры бесчисленное количество лошадей. Было 10 или 12 лошадей, с которыми произошли инциденты при погрузке. Многие из лошадей, с которыми я имел дело, были серьезно избалованы. Была даже одна лошадь, попавшая в ужасный переплет. Когда она находилась внутри фургона, в него ударила молния.

¹⁷ Менять ведущую ногу на галопе.

Но ни разу при погрузке я не прибегал к насилию. Напротив, я не жалел времени и искал разные способы успокоить испуганных лошадей и не дать себя провести хитрецам типа Дюка.

Иными словами, я старался найти пути к тому, чтобы лошадь сделала то, что я хочу, и не травмировать ее в то же время. К каждой лошади я подходил индивидуально и пробовал разные методы погрузки, в зависимости от ситуации и типа проблемы.

На одном из моих семинаров я грузил четырех проблемных лошадей. Первым был гнедой мерин квортерхорс, которого я довел почти до самого входа в коневоз, где он встал на свечку и резко осадил. Лошадь не казалась испуганной. Она поступила так потому, что делала так в прошлом, и ей удавалось избегать погрузки. Я четыре раза разными способами подводил его к трейлеру, и каждый раз он действовал одинаково. На пятый раз, как только он встал на свечу, я придал своему телу агрессивную позу и заставил его осадить. Потрясенный квортер быстро осадил на несколько метров. Я снова принял мирный вид и дал ему немного спокойно постоять. Затем снова попробовал его завести.

Следующие три раза он вставал на дыбы и осаживал. Я преследовал его с угрожающим видом. На четвертый раз он подошел к трейлеру и спокойно встал рядом. Мы еще несколько раз подходили к фургону, и он ни разу не сделал попытки встать на свечку. На 15 или 16 раз, подойдя с меринком к трейлеру, я причмокнул губами, сделав ему знак зайти внутрь. Он немного поколебался, а затем выполнил команду.

Следующие тридцать минут я продолжал выгружать и загружать лошадь в коневоз, каждый раз уводя его от трейлера, перед тем как дать очередную команду к погрузке. С каждым разом лошадь грузилась все легче. Весь процесс обучения занял у меня 45 минут от начала до конца.

Со следующей лошадью, арабской помесью, дело обстояло не так благополучно. Она тоже вставала на дыбы и осаживала при подходе к трейлеру, но по иным причинам. Она боялась. Как только мы приближались к двери фургона, у нее сжимались губы, уши настороженно вставали торчком, движения становились резкими. Когда мы оказывались у самой двери, ее страх достигал своего пика, она внезапно вставала на свечку и рвалась назад.

На этот раз я повел себя иначе. Я просто давал лошади отойти и остановиться. Ждал несколько секунд, а затем снова подводил ее к трейлеру. Следующие двадцать минут мы только и делали, что подходили и осаживали от трейлера. Один из зрителей задал мне вопрос, почему я не веду себя так, как с предыдущей лошадью. Ответ был прост. Проблема этой лошади возникла по другой причине.

Первая лошадь не была напугана. Она не боялась приближаться к трейлеру. Она вставала на свечки и осаживала, так как не хотела заходить внутрь, а в прошлом подобные действия помогали ей избежать погрузки. Я справился с таким поведением, сделав его некомфортным для лошади.

Однако вторая лошадь представляла совсем иную картину. Ей уже было некомфортно. Усугубив ощущение дискомфорта, мы лишь ухудшили бы положение вещей. С этой лошастью нужно было вести себя совершенно спокойно, быть последовательным, терпеливым и изо всех сил стараться убедить ее, что человек и трейлер не представляют опасности. Действуя таким способом, я смог показать ей, что не хочу причинить ей вреда, и через двадцать минут она уже спокойно стояла рядом с дверью трейлера.

Причина, по которой лошадь испытывала дискомфорт, стала очевидна, когда она оказалась у входа. Один из зрителей, направляющийся в туалет, был вынужден пройти позади лошади. Несмотря на то, что он был в 10 метрах от нее, она немедленно начала демонстрировать признаки беспокойности. Я понял, что лошадь опасается, что сзади кто-то подойдет и ударит ее, пытаясь заставить зайти внутрь.

Поэтому до конца этой сессии мы прилагали все усилия, чтобы никто не оказался позади лошади. Это было сделано для того, чтобы уверить ее, что ей никто не хочет причинить вреда, мы просто пытаемся сотрудничать с ней. Я занимался с кобылой очень медленно и вознаграждал за любые попытки выполнить то, что прошу. В итоге я погрузил ее в трейлер за один час и пятнадцать минут.

Третья лошадь была полной противоположностью первым двум. Это была 6-летняя кобыла мустанг, которую заездили в 2 года. Она подходила к трейлеру и даже засовывала в него голову, но категорически отказывалась загружать тело. Она была совершенно равнодушна к фургону и моим попыткам погрузить ее вовнутрь.

С этой лошастью я избрал следующую тактику. Я взял свой тренировочный инструмент и встал в 3 метрах позади нее. Хозяин кобылы зашел в правый отсек фургона, который был свободен. Он начал давать команду к погрузке, слегка потянув за корду, в то время как я шуршал пакетом позади лошади. Это немедленно привлекло ее внимание, и она переступила задом. Я подошел к ней чуть ближе и снова пошуршал пакетом. Если кобыла делала какое-либо движение вперед, я прекращал шуршать, а ее хозяин, находящийся внутри фургона, переставал тянуть за чембур. Действуя последовательно описанным способом, меньше чем за пять минут от начала работы мы погрузили кобылу в трейлер. Она зашла туда без сопротивления и с охотой.

Четвертая лошадь отличалась от всех предыдущих. Это была маленькая арабская кобыла. Она легко заходила в трейлер и напроочь отказывалась выходить из него задом. Ее можно было выгрузить единственным способом. Для этого нужно было убрать внутреннюю перегородку в фургоне, развернуть ее лицом к выходу и таким образом вывести наружу¹⁸. Ее проблема возникла из-за того, что тот, кто научил ее заходить в коневоз, не захотел

¹⁸ В двухместном трейлере такой способ опасен тем, что лошадь может выдавить борт.

потратить времени на то, чтобы научить выходить из него. Решение было простым. Вместо того чтобы сразу заводить ее в коневоз, нужно было разбить процесс на части. Сначала я попросил ее поставить внутрь одну переднюю ногу, а затем убрать ее назад. Перед тем как попросить кобылу поставить в коневоз вторую переднюю ногу, мы много раз проделали это упражнение. Затем я снова попросил ее полностью выйти из фургона.

После отработки этой части упражнения, я попросил кобылу наполовину зайти в трейлер. Затем осадил ее. Мы много раз повторили это упражнение. Потом я дал команду поставить внутрь задние ноги. Когда я попросил ее осадить, она некоторое время колебалась, а затем неуверенно поставила сначала одну, потом вторую заднюю ногу на землю. Поколебавшись еще немного, она полностью задом вышла из фургона.

Таким образом, проблема была решена.

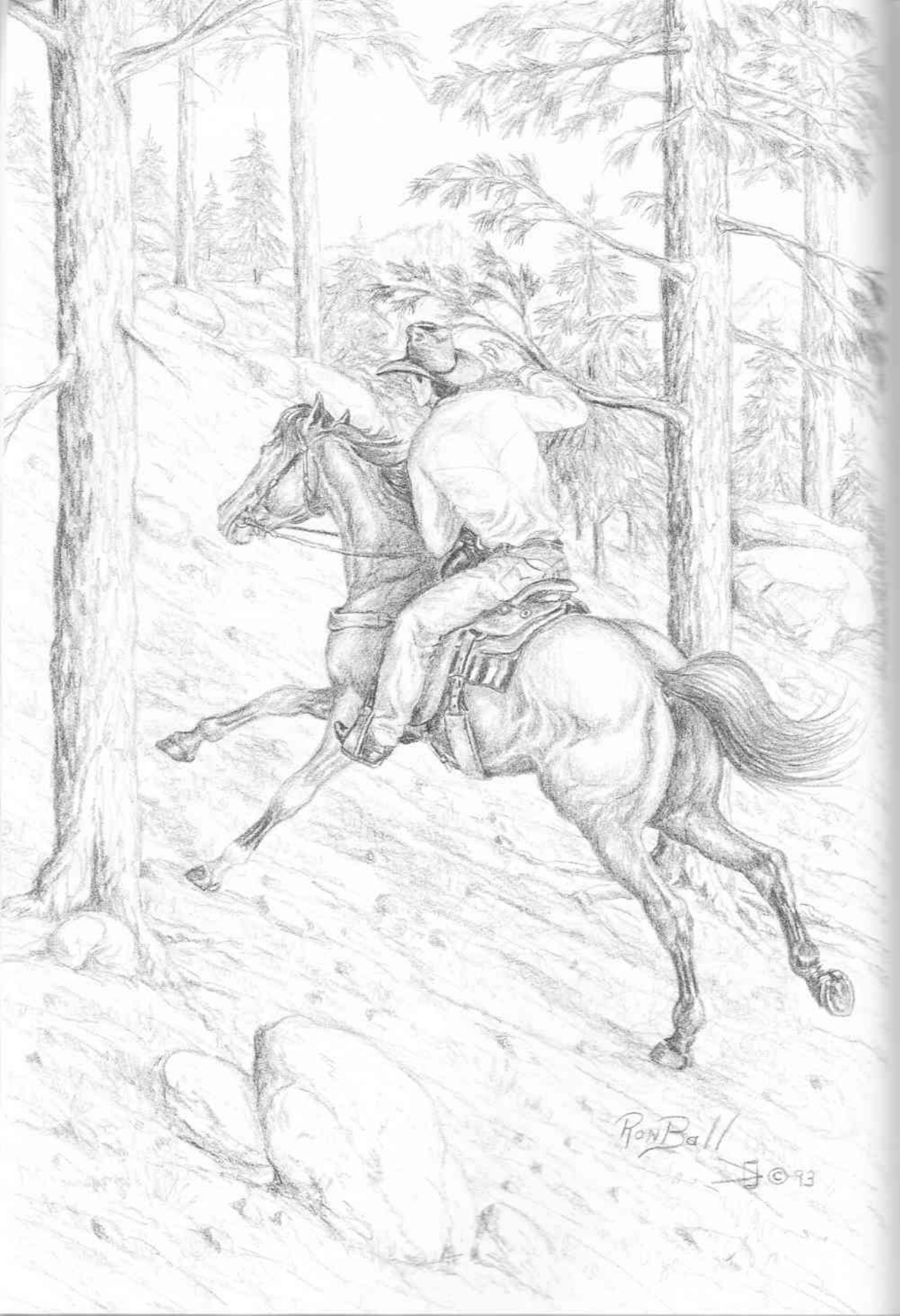
Посмотрев на этих четырех лошадей и их индивидуальные проблемы, легко заметить, что для достижения одного и того же результата были использованы совершенно разные методики. Каждая лошадь индивидуальна и смотрит на вещи по-своему. Чтобы достичь успеха в работе с лошадьми, нужно попытаться встать на позицию конкретной лошади, посмотреть на вещи ее глазами и действовать сообразно ее точке зрения.

Относительно погрузки лошадей в двухместный трейлер я понял, что если подходить к этому мероприятию как к «грандиозному событию», то оно таким и будет. Вы сможете добиться гораздо большего успеха, сохраняя спокойствие и уверенность, нежели нервничая, теряя терпение и воля, как мартышка. Есть одно правило: если вы теряете самообладание, вы теряете лошадь. Все просто.

Существует множество людей, абсолютно убежденных в том, что погрузить лошадь в двухместный трейлер можно только с помощью силы. Они могут засунуть свою голову в корзину и стукнуть по ней молотком. В этих действиях будет столько же смысла, сколько в применении силы при погрузке. К тому же очень велик шанс, что, единожды прибегнув к силе, им придется использовать ее раз за разом.

Для того чтобы научить лошадь грузиться в коневоз, нужно время. Если вы не пожалевте времени, будете терпеливы и задумаетесь над проблемой, вместо того чтобы пытаться насильно завести лошадь внутрь, вы добьетесь желаемого результата.

ЧАСТЬ 3.
Проблемы под седлом

Глава 9

Не дает садиться в седло!

Облокотившись о забор, ограждавший манеж, я разговаривал с моей новой клиенткой Келли. Она сама вырастила и тренировала лошадь, с которой мне предстояло заниматься. На определенном этапе она столкнулась с проблемой и ей потребовалась помощь.

Я стоял снаружи манежа и видел, как Келли привела свою лошадь и готовится сесть в седло. В это время ко мне подошел сильно дергающийся паренек, который седлал неподалеку свою лошадь.

- Вы Марк Рашид, тренер? – быстро спросил он.

- Да, это я, – ответил я ему, протягивая руку для рукопожатия.

- Здравствуйте, – прошептал он, – меня зовут Кейт, я вот тоже играю в эти лошадиные игры.

- Лошадиные игры? – переспросил я.

- Ну да, – ответил он, – Вы же знаете. Езда верхом, тренировки. Всякое такое.

- Да, знаю, – сказал я, – лошадиные игры...

- Так что я тоже лошадиник, – возбужденно сказал он, – как и Вы.

Он поставил ногу на перекладину забора, надел на голову новенький стетсон и облокотился о забор рядом со мной.

- Знаете, я тут понаблюдал за этой девушкой, и увидел, говоря между нами, что ей нужна помощь. Сильно нужна.

- Я знаю, – ответил я, – поэтому-то я...

- Я сказал ей, что готов помочь, – прервал он меня, – но, думаю, к тому моменту она уже вызвала вас.

- Понятно, – сказал я, поворачиваясь снова к манежу.

- Поглядите, – он говорил так быстро, что его речь порой было трудно понять, – лошадь не стоит на месте и не дает девушке сесть в седло.

Я с секунду с удивлением глядел на нервного паренька, думая, говорит ли он серьезно. Поначалу я даже подумал, что он пьян.

- Ей потребуется целая вечность, чтобы сесть на лошадь, – повторил он, – лошадь вообще не стоит на месте. Это будет продолжаться бесконечно. Взгляните.

Я улыбнулся и посмотрел в манеж. Келли действительно пыталась сесть на лошадь. Каждый раз, когда она хотела поставить ногу в стремя, лошадь начинала уходить. После полудюжины неудачных попыток ей, наконец, удалось вставить ногу в стремя и сесть в седло.

- Видите, о чем я говорил? – выпалил Кейт, – знаете, у меня никогда не было такой лошади, а у Вас? Никогда.

- Ну да, – усмехнулся я, – я не вижу здесь затруднений. Уверен, что мы справимся с этой проблемой довольно быстро.

- Ну, может быть, – ответил он. – Я Вам вот что скажу. Я никогда не встречался с такой лошадью, знаете. Чтобы лошадь вот так уходила.

Я кивнул головой, не зная, что сказать в ответ.

- Ну, – сказал он, хватая мою руку и энергично ее пожимая, – Вы свою работу знаете. Не буду вам мешать. Было приятно поболтать. Может, как-нибудь посидим, обменяемся впечатлениями.

- По поводу лошадиных игр? – спросил я.

- Ага, – ответил он, широко улыбнувшись. – С Вами было приятно поговорить.

- Мне тоже, – сказал я, улыбнувшись про себя. Я вошел в манеж и подошел к Келли, которая спокойно сидела верхом на лошади.

- Чего он хотел? – спросила Келли, кивнув головой в сторону Кейта. – Ужасался моей лошадью?

- Нет, – улыбнулся я ей, – мы говорили только о лошадиных играх.

Очевидно, Келли принимала слова Кейта гораздо ближе к сердцу, нежели я.

- Он меня раздражает, – сказала она.

- Что ты, – сказал я ей, продолжая улыбаться, – он не заслуживает твоего внимания. К тому же, он совершенно безобиден.

- Надеюсь, – ответила Келли после недолгого раздумья, – но он все равно мне докучает.

- Забудем о нем и займемся лошадью, – сказал я ей, – сначала мы должны устранить затруднения при посадке в седло.

С этими словами я помог Келли спешиться, распустил подпругу, снял седло и вальтрап с лошади. Я объяснил Келли, что обнаружил 2 причины, по которым лошади не дают сесть в седло. Либо у лошади что-то болит, и седло причиняет ей боль и дискомфорт, либо лошадь просто не научили стоять спокойно.

- Для начала, – сказал я, – нужно выяснить, не болит ли у лошади спина и подходит ли ей седло.

Сняв с лошади седло, я прощупал кончиками пальцев и основанием ладони ее позвоночник. Затем я осмотрел холку, плечи и бедра и не обнаружил никаких признаков болезненной реакции. Чтобы убедиться в том, что седло подходит лошади, я положил его ей на спину без вальтрапа. Поскольку я не обнаружил никакого криминала, мы снова поседлали лошадь.

- ОК, – сказал я, – садись в седло, посмотрим, в чем тут загвоздка.

Келли продела ногу в стремя, нечаянно ткнув носком ботинка в бок лошади. Лошадь тут же пошла вперед.

- Ага! – сказал я, указывая Келли на ее ошибку, – вот и одна из причин. Думаю, если бы ты не ткнула ее, она все равно пошла бы вперед, т.к. ее ноги не были подобраны. Если не выровнять ноги лошади, то, как только ты встанешь в стремя, лошадь потеряет баланс и будет вынуждена двигаться, чтобы не упасть.

Сказав это, я 3–4 раза потянул стремя вниз, пока лошадь не перенесла вес на другую сторону, сопротивляясь давлению.

- Теперь, становясь в стремени, ты не выведешь лошадь из баланса, – сказал я Келли.

Она снова попыталась сесть в седло. Почти сразу же лошадь пошла вперед. Келли вынула ногу из стремени и повернулась ко мне с выражением досады на лице.

- Нечего сказать, – саркастично сказала она, – хорошо работает.

- ОК, – улыбнулся я, – не волнуйся! Тебе нужно кое-что понять. До настоящего момента ты всегда позволяла лошади уходить, когда садилась в седло. Поэтому лошадь думает, что тебе именно это и надо. Теперь мы должны показать ей, как себя правильно вести.

- А как же мы сделаем это? – спросила она.

- Как только лошадь двинется с места, набери левый повод и согни ей голову, это заставит ее кружить вокруг тебя. Позволь ей кружить, пока она не решит остановиться. Затем отпусти повод. Похвали лошадь и дай ей понять, что ты хочешь, чтобы она стояла спокойно. Затем начни все с начала.

Келли стала делать так, как я ей сказал. Через 10 минут лошадь научилась стоять, когда Келли переносит свой вес в стремя. Однако я заметил, что, когда Келли перекидывает вторую ногу через спину лошади, она не только волочит ее по крупу, но и бесцеремонно плюхается в седло. Оба этих действия заставляют лошадь идти вперед до того, как всадник будет к этому готов.

5 минут Келли тренировалась плавно садиться в седло. Если лошадь пыталась пойти вперед, она сгибала ее голову вбок, заставляя кружить. Очень скоро Келли смогла садиться на лошадь, и та оставалась при этом неподвижной.

Мы вывели лошадь из манежа, и Келли вела ее шагом минут 15. Это был перерыв в работе, во время которого лошадь могла обдумать то, чему ее только что научили.

Во время прогулки я объяснил Келли, что большинство людей в такой ситуации тянут поводья назад, заставляя лошадь остановиться. То же самое делала и она. Таким способом можно остановить лошадь, но она при этом не учится тому, что нужно стоять на месте.

- Когда ты заставляешь лошадь кружить вокруг себя, – продолжал я, – ей неудобно. Она предпочла бы спокойно стоять. Ты даешь ей возможность самой решить, что для нее проще.

Затем мы вернулись в манеж, и перед тем, как садиться в седло, Келли потянула стремя вниз. Потом она вставила ногу в стремя и подпрыгнула раза 2–3. Лошадь даже не шелохнулась. Поднявшись в стременах, Келли осторожно перенесла вес через спину лошади. Лошадь продолжала стоять.

Келли спешивалась и садилась в седло раз 5. Результат был неизменным. Тогда я сказал, что на сегодня достаточно, и мы выпустили лошадь в леваду.

Когда мы шли обратно, Кейт вывел свою ухоженную гнедую кобылу квортерхорс на манеж. На лошади было великолепное седло. Однако казалось, что оно не совсем хорошо сидит на лошади и сползает на холку.

Парнишка вывел лошадь на середину манежа и попытался сесть в седло. Как только его нога оказалась в стремях, лошадь пошла вперед и вправо. Кейт резко дернул за поводья, чтобы остановить ее. На пятой попытке ему удалось сесть верхом, но даже тогда чувствовалось, что лошади неудобно, она трясла головой, копала ногой грунт и приплясывала на месте.

К тому времени мы уже вышли с плаца и привязали лошадь Келли к ближайшей коновязи. Келли как раз собиралась расседлывать лошадь, когда к забору подъехал Кейт.

- Привет, Марк! – сказал он, в то время как его лошадь затрясла головой и с шумом выдохнула воздух из ноздрей, – как тебе моя лошадь? Она великолепна, не правда ли?

- Да, – ответил я, – она выглядит замечательно.

Кейт оскалился.

- Ей пять лет, знаешь ли, и я единственный могу ездить на ней верхом. Больше никто. Великолепная, правда?

Я подошел ближе к забору, чтобы лучше рассмотреть лошадь, и заметил, что под седлом положен специальный вальтрап с вырезом, который позволяет снизить давление на высокую холку при низкой вилке седла.

К несчастью, подпруга была затянута так сильно, а седло так плохо подходило лошади, что, несмотря на вальтрап, оно давило прямо на холку, причиняя лошади мучительную боль.

- Это замечательная лошадь, – прямо сиял парнишка, – лучшая лошадь, ну ты знаешь, именно такие мне нравятся, ну понимаешь, что я имею в виду.

- Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, – ответил я, – вот только я удивился, когда увидел, как она отходила, когда ты садился в седло. Она всегда так ведет себя?

- Она отходила? – переспросил он. – А, ну да, отходила. Я понимаю, о чем ты. Ты имеешь в виду, когда я садился верхом. Я знаю. Ну, так это очень горячая лошадь. Просто очень горячая. Я так натренировал ее. Я тренировал ее так, чтобы она всегда рвалась вперед, понимаешь. Я не люблю ленивых лошадей.

- Вижу, – сказал я, кивая головой, – просто я подумал, может у нее болит спина или что-то в этом роде? Я понял так, что тебе не нравятся лошади, которые не дают садиться в седло. Такое поведение иногда объясняется болью, причиняемой седлом...

- Нет, нет, – перебил он меня, – ничего подобного. У нее ничего не болит. Это я так натренировал ее. Люблю горячих лошадей. Очень горячих. Ну, сам понимаешь.

- Хорошо, – сказал я, – опять было приятно с тобой поболтать.

- И мне очень приятно тоже, – ответил Кейт, – не волнуйся, у нее ничего не болит. Она горячая, вот и все. Очень горячая, так и рвется вперед. Ну, ты понимаешь.

- Конечно, – сказала я, стараясь, чтобы мои слова не прозвучали покровительственно, – увидимся позже.

- Пока, – ответил он, развернул лошадь и поехал прочь.

Через неделю Келли переставила лошадь на другую конюшню, где мы продолжили занятия. Я не думал, что когда-нибудь мне доведется снова увидеться или поболтать с тем парнишкой. К моему удивлению, спустя семь месяцев он позвонил мне по телефону. Он сказал, что у его лошади появилась пара проблем, и он был бы рад, если бы я смог приехать и взглянуть на нее. Я ответил, что с удовольствием помогу ему.

Посмотрев на лошадь, я понял, что речь идет далеко не о паре проблем. Сказать по правде, у нее развились все проблемы, которые только можно представить. Ее было трудно поймать, она не принимала железо, пыталась укунить, когда затагивали подпругу, не давала сесть в седло, брыкалась под верхом.

Поскольку у меня уже была идея относительно причины всех этих затруднений, я первым делом проверил спину лошади. Я обнаружил, что она испытывает боль от холки до бедер. Область наибольшей болезненности была вокруг холки. Также болела левая часть шеи, в уголках рта были маленькие раны от железа.

Когда я показал Кейту, насколько страдает его лошадь, его манера разговаривать и движения заметно смягчились.

- Как это можно исправить? – спросил он спокойно.

- Перед тем как предпринимать что-либо, – сказал я ему, – мы должны улучшить ее состояние здоровья.

Я посоветовал Кейту вызвать ветеринара или хиропрактика, которые помогут ему найти лучший вариант лечения. Я обещал приехать после выздоровления и начать работу с лошадыю.

Также я сказал ему, что считаю причиной болезненного состояния кобылы седло и предложил ему подобрать другое, более подходящее для ее спины. Как ни странно, Кейт был очень восприимчив к моим пожеланиям и обещал сделать все возможное, чтобы привести спину кобылы в порядок.

Он объявился через 2 месяца. Паренек рассказал, что все это время он плотно работал с хиропрактиком, и болезнь была вылечена. С разрешения хиропрактика последние две недели он ездит верхом. Также он подобрал другое седло, в результате чего многие проблемы решились сами собой.

Осталось всего два затруднения. Кобыла продолжала кусаться при затягивании подпруги и не стояла на месте при посадке в седло. Для себя я отметил, что 9 месяцев назад Кейт расценивал беспокойное поведение кобылы как проявления горячего нрава и напористости. Теперь он увидел, что это проблема. Думаю, так оно и есть. Проблема не является проблемой, пока ее не осознают.

В любом случае, сейчас он хотел справиться с оставшимися затруднениями, и я был более чем рад оказать ему помощь.

Когда я приехал на конюшню, лошадь была уже поймана и стояла у коновязи, Кейт чистил ее. Когда он закончил, я осторожно положил на спину лошади вальтрап и седло. Лошадь немедленно подняла голову. Ее полуприкрытые глаза широко открылись.

Я объяснил Кейту, что лошадь может кусаться при затягивании подпруги по двум причинам. Во-первых, подпругу затягивают слишком туго, а во-вторых, лошадь может помнить, что в прошлом седло причиняло ей боль. Вероятно, она кусается в целях защиты, но со временем такое поведение превращается в дурную привычку.

Когда лошадь начала поднимать голову, я обратил на это внимание Кейта.

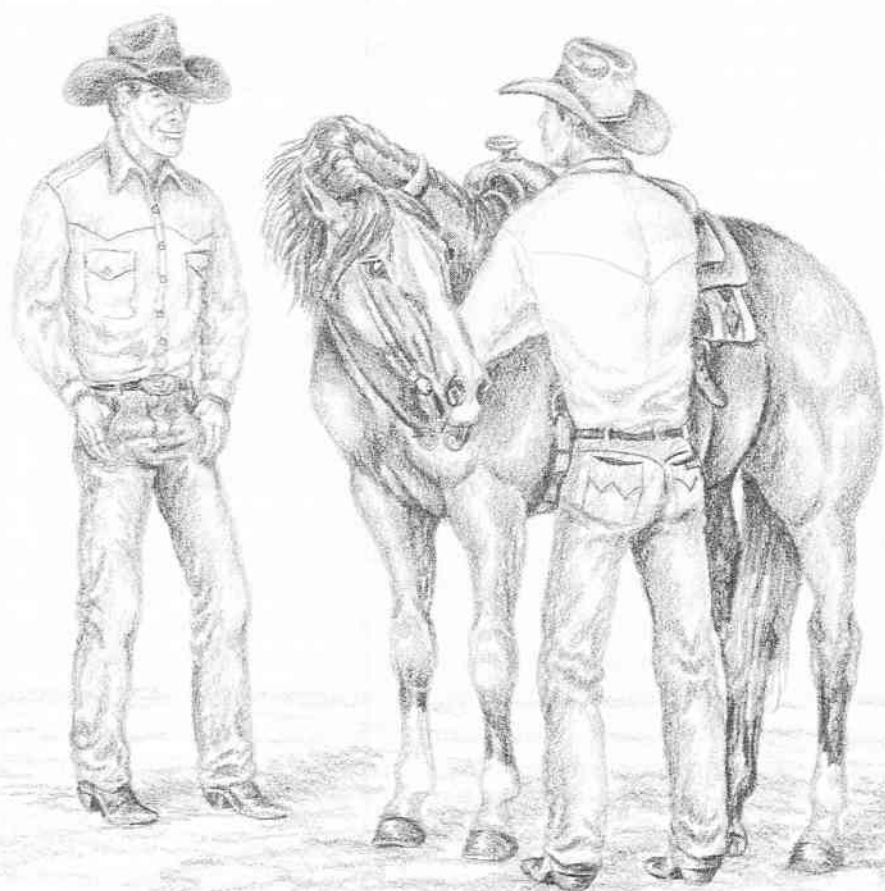
- Видишь? – сказал я ему, – она забеспокоилась, как только я положил ей на спину седло.

- Ага, – выдавил он, – конечно, вижу, ага.

- Теперь мы сделаем две вещи, – продолжил я, – во-первых, нужно устранить повод для укусов. Я затяну подпругу ровно настолько, чтобы седло не съезжало с ее спины, не более того. Таким способом мы покажем ей, что затягивание подпруги не будет доставлять ей дискомфорта.

- Да, это имеет смысл, – ответил он, – конечно. Очень разумно. Я вижу. Не затягивать сильно.

- Во-вторых, – продолжил я, – разберемся с кусачками. Как только лошадь вытянет голову, чтобы укусить меня, я выставлю перед ней локоть. Вместо того чтобы укусить меня, лошадь нарвется на что-то твердое – на мой локоть. Так мы предотвратим укус.

- Правильно, – снова согласился Кейт, – выставить локоть. Остановить, не допуская укуса. Разумно. Выставить локоть. Хорошая идея.

Улыбнувшись про себя, я медленно нагнулся под животом лошади и взял конец подпруги, который свешивался с другого бока. Я затягивал подпругу постепенно, и вскоре лошадь повернула ко мне голову и попыталась уку- сить. К счастью, я заметил краем глаза движение ее головы и успел выста- вить локоть. Она основательно стукнулась носом и немедленно отдернула голову.

Я погладил ее по шее и позволил отдохнуть некоторое время, а затем окон- чательно затянул подпругу. Она пыталась цапнуть меня еще дюжину раз и всякий раз напарывалась на мой локоть. Наконец она решила, что с нее до- вольно, и успокоилась.

Следующие тридцать минут мы занимались только тем, что затягивали и распускали подпругу.

По сути, в течение трех дней мы лишь клали на спину лошади седло, за- тягивали подпругу, распускали и снимали седло. Только когда я убедился, что лошадь чувствует себя полностью комфортно с затянутой подпругой и не пытается больше кусаться, мы перешли к решению проблемы с посадкой в седло.

- Я хочу объяснить лошади, – говорил я Кейту, когда мы вели кобылу в манеж, – чтобы она стояла. Иными словами, мы сделаем так, что ей будет комфортнее стоять и труднее двигаться.

- Ага, – отвечал он, – понимаю. Стоять проще, двигаться труднее. Нет проблем. Все ясно.

Я подошел к лошади и попробовал вставить ногу в стремя. Лошадь от- прыгнула вправо от меня и сделала четыре шага до того, как остановиться. Я вернул ее на то место, где мы начинали, и повторил попытку. Она сделала то же самое. На третий раз, когда она отпрыгнула, я поднял руки вверх и заши- пел сквозь зубы. Этого было достаточно, чтобы напугать ее. Она дала задний ход и осадил метров на шесть перед тем, как остановиться. Я позволил ей постоять пару секунд и приласкал, прежде чем отвести ее в центр манежа и начать все сначала. Лошадь еще дважды отпрыгивала, и каждый раз получа- ла от меня одну и ту же реакцию.

На четвертой попытке лошадь, несмотря на то, что выглядела нервной, не отпрыгнула. Я несколько секунд подержал ногу в стремени, а затем вы- нул ногу, поставил ее на землю и вознаграждал лошадь лаской.

После этого я с каждым разом все дольше оставлял ногу в стремени. На- конец я смог удержать ее 20 или 30 секунд на месте. Только после этого я попробовал слегка перенести вес в стремя. Когда я сделал это в первый раз, лошадь начала медленно двигаться вперед. Я согнул ее голову в сторону, заставив кружить вокруг меня. Она сделала всего один круг (моя нога при этом оставалась в стремени) и остановилась.

Я поработал с ней подобным образом десять минут. Наконец она подобрала ноги, когда я перенес часть веса на стремя. К тому времени, когда я сел в седло, лошадь стояла, как скала, будто бы у нее никогда и не было проблем с посадкой верхом.

- Невероятно, – сказал Кейт, когда я спешил в четвертый раз. За все это время кобыла ни разу не шелохнулась, – я никогда не подумал бы, что Вы можете так быстро все уладить. Я имею в виду, действительно быстро. Быстрее, чем я думал. Ну, вы понимаете, о чем я.

- Да, – сказал я, спешиваясь, – иногда выходит и так. Не хочешь попробовать сам?

- Я? – пробормотал он. – Нет. Ты выиграл. Я могу только надеяться, что не испорчу все. Ну, понимаешь, о чем я.

- Да, понимаю, – сказал я ему, отдавая повод, – просто не волнуйся. Не спеши. Не дергай поводом и не пинай ее в бок, когда будешь вставлять ногу в стремя. Постарайся не стукнуть ее правой ногой и не плюхайся всем весом, когда будешь садиться в седло. Садись деликатно.

Все время, пока я говорил, паренек кивал в знак согласия головой, будто его голова была привязана пилкой к шее. После того как я закончил, он слово в слово повторил сказанное.

- Значит так, – сказал он, приближаясь к лошади, – не волноваться, не торопиться, не дергать повод, не пинаться, не плюхаться. Все правильно.

- И для начала немного расслабиться, – сказал я ему, улыбнувшись, – если ты будешь нервничать, кобыла тоже занервничает.

- Да. Правильно. Расслабиться. Глубоко вздохнуть. Все получится.

Он осторожно поставил ногу в стремя, три раза подпрыгнул, затем бережно подтянулся. Несколько секунд он неподвижно стоял в стремени, затем также аккуратно перенес ногу через спину лошади и мягко сел в седло. Кейт посмотрел на меня и так широко улыбнулся, что мне осталось только удивляться, как эта улыбка поместилась на его лице.

- Знаешь, – прошептал он, – такое первый раз, чтобы она не двигалась, когда я сажусь в седло.

- Правда? – спросил я. – Тогда это просто замечательно. Я рад, что мы, наконец, стали понятны лошади. Кстати, она вовсе не спит, нет нужды шептать.

Кейт еще полчаса тренировался садиться в седло и спешиваться. Кобыла не сделала ни одной попытки уйти. В конце занятия он проехал шагом круг по манежу. Кейт и его лошадь выглядели довольными. По дороге на конюшню он периодически гладил лошадь по шее.

Из всех людей, с которыми я работал на протяжении многих лет, мне почему-то больше всего запомнился именно Кейт. Не из-за его пулеметной речи и дерганных движений, а благодаря его искренней любви к лошади.

Он сделал действительно большое усилие, чтобы изменить собственную манеру обращения с лошадью и помочь ей преодолеть проблемы, развивши-

еся из-за такого обращения. Многие люди даже не хотят думать об этом. Как правило, они лишь видят перед собой проблемную лошадь, никогда не предполагая, что причиной возникновения этой проблемы были они сами.

В ситуации с Кейтом самое неприятное было то, что ему понадобилось довольно много времени, чтобы осознать, что он и есть источник всех затруднений с его лошадью. Если бы он воспринял изначальные проблемы с посадкой в седло как красный флаг, сигнализирующий о том, что что-то идет неправильно, вместо того, чтобы закрывать на это глаза и объяснять подобное поведение лошади ее горячностью, он, вероятно, смог бы избежать развития других проблем.

В действительности, если лошадь не дает садиться в седло, это является нехорошим признаком. Что-то идет неладно, или неприятности уже на подходе. Решив проблему, не давая ей развиться или, хотя бы, узнав ее источник, вы сможете избежать таких неприятностей, как стресс, боль и усугубление ситуации.

Глава 10

Лошадь артачится

Однажды Дед приобрел симпатичную, но слишком толстую кобылу пейнтхорса. Он отдал ее мне и попросил потренировать и сделать так, чтобы кобыла сбросила лишний вес. Естественно, я был счастлив.

Позади конюшни было большое неогороженное поле. Почва там была настолько бедная, что на поле не росло почти ничего, кроме сорняков. Мы периодически использовали это поле для выгула лошадей или как плац.

В тот день, когда я начал работать с кобылой, Дед пошел вместе со мной. Мы перешли через небольшой деревянный мост над дренажной канавой и, выйдя за ворота, оказались в северном конце поля. Тут Дед объяснил мне, что кобыла побаивается ворот и будет тормозить, если я начну ездить рядом с ними. Он посоветовал мне отвести ее на южную часть поля, потому что разбираться с ее боязнью перед воротами мы будем позже.

Я отвел кобылу, куда мне сказал Дед, сел в седло и начал занятие. Дело было в середине июня, денек выдался жаркий. Лошадь вскоре вспотела и стала раздражаться. Поскольку было жарко, работа шла только на шаг и медленной рыси. Спустя час Дед, стоявший у ворот, позвал меня и сказал, что на сегодня достаточно.

- Не ездь рядом с воротами, – предупредил он, – отъезжай в середину и там спешивайся. Затем веди ее на отдых.

- ОК, – ответил я, кивнув головой.

До сих пор мы ездили по большому кругу в южной части поля. Для того чтобы расслышать слова Деда, мне пришлось подъехать ближе к северному концу. По мере того как мы приближались, я ощутил изменения в движениях кобылы. Я почувствовал, как нарастает стремление двигаться вперед, несмотря на то, что она шла шагом. У меня появилось чувство, что сейчас что-

то произойдет. Видимо, Дед тоже что-то заметил, потому что он крикнул: «Достаточно, спешивайся прямо здесь».

Все произошло быстрее, чем я мог подумать. Кобыла буквально взорвалась. Она громко взвизгнула и сделала резкий круг направо, вернувшись на то же место. Затем она от души дала 3 козла и понеслась по направлению к воротам.

За несколько секунд она преодолела расстояние в 100 метров и резко затормозила всего в 10 метрах от ворот. Столь быстрая остановка была для меня полным сюрпризом, и я перелетел через ее голову.

Как только я коснулся земли, на меня по инерции налетела кобыла. Она старалась не наступить на меня, но ей это не удалось, и она прошла копытом по моей левой руке.

Раньше у меня никогда не было переломов. Но когда я привстал и услышал треск, я был уверен, что рука сломана. Боль была настолько сильная, что я не заметил, как ко мне подошел Дед и встал на колени рядом со мной.

- Дай, гляну, – сказал он мне, пытаюсь не дать мне кататься по земле.

- Дай мне свою руку, – услышал я его крик, – давай, успокойся и дай мне посмотреть.

Это было сказано таким безапелляционным тоном, что он быстро привлек мое внимание.

Я сделал судорожный вдох, настроился и протянул ему руку. Болезненная судорога, пробежавшая по его лицу, сказала мне, что с рукой что-то не в порядке. Я решил посмотреть сам. Верхняя часть руки раздулась, палец оказался под неестественным углом.

- У тебя перелом вот здесь, – сказал Дед прозаично, показывая на сустав пальца, – надо его вправить.

- Что вы имеете в виду? – спросил я, пытаюсь восстановить дыхание.

- Сместилась кость, – ответил он, – если не поставить ее на место, дело будет плохо.

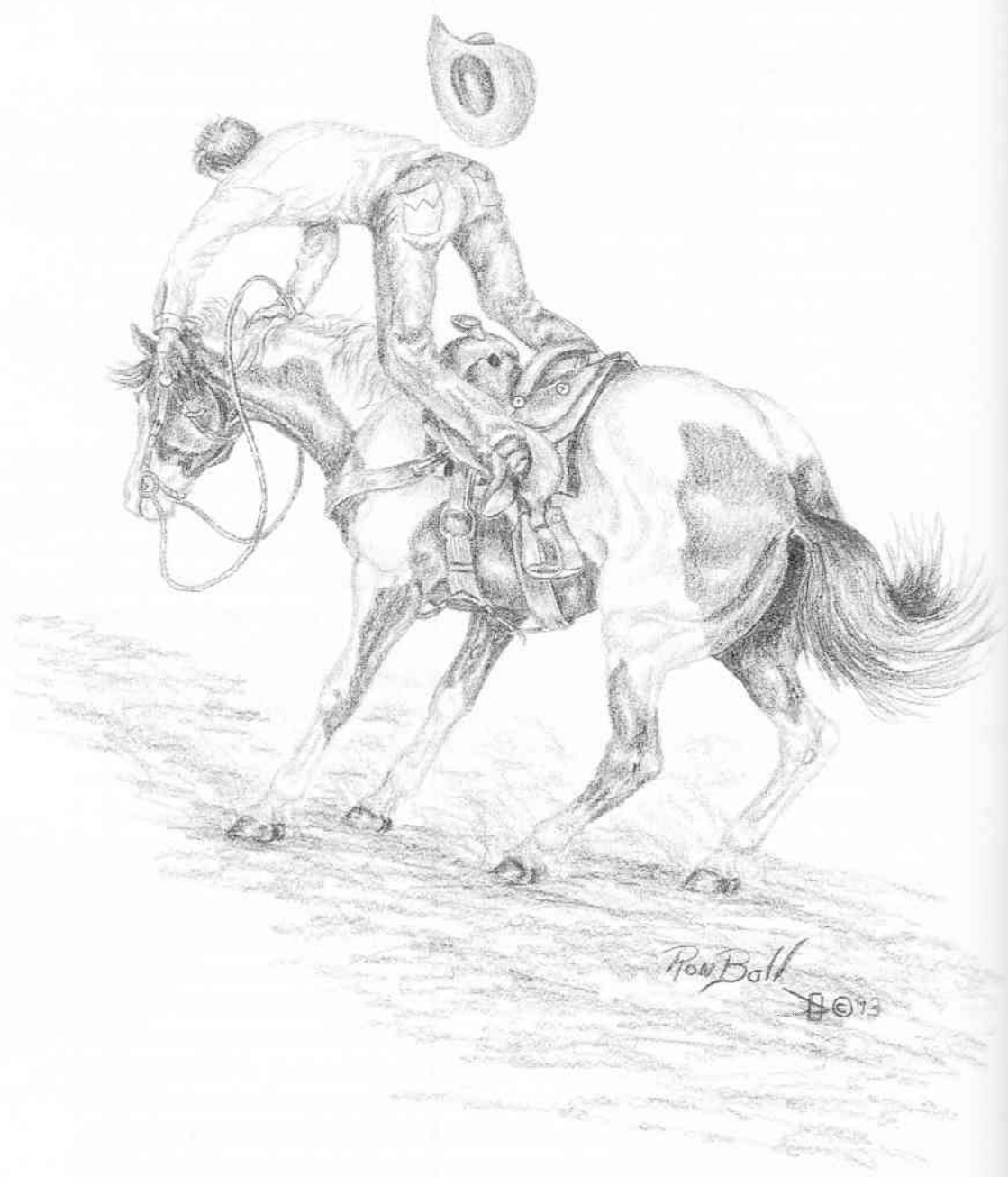
- Мне и так достаточно плохо! – запротестовал я.

- Я знаю, – ответил он, взяв мое запястье левой рукой, а сломанный сустав правой, – будет совсем худо. Сделай глубокий вдох.

Неожиданно он дернул за сломанный сустав, поставив две кости на место. Боль была ужасная. Меня затошнило, в голове помутилось. Когда мне стало немного легче, Дед отвел меня на конюшню и сунул мою руку в холодную воду, стекавшую из дренажной канавы. Сделав это, он вернулся на поле и поймал кобылу.

Лежа рядом с канавой на животе, я обвинял в случившемся лошадь и думал, что Дед научит ее хорошим манерам. Откровенно говоря, я надеялся, что он ее отругает и преподаст ей урок, который она никогда не забудет. Но я плохо знал Деда.

Дед сел верхом, развернул голову кобылы и попросил ее отойти от ворот. Лошадь повернула голову, но двигаться отказалась. Затем Дед сделал

нечто, удивившее меня. Одним поводом он согнул голову лошади на бок и обвязал его вокруг рожка. Затем полез в карман и достал сигарету, зажег ее и спокойно уселся в седле в ожидании того, что сейчас произойдет.

Через несколько минут кобыла стала искать способ уйти от давления. Она попыталась изогнуться вправо. Это не помогло. Она стала тянуть в эту сторону. Когда и это не помогло, она пошла налево, именно туда, куда и хотел Дед.

Как только кобыла пошла налево, в противоположную сторону от ворот, Дед сразу распустил повод и дал ей выпрямить голову. Практически сразу она сделала попытку снова развернуться к воротам. Следующие десять минут я наблюдал грандиозную битву между лошады, которая хотела стоять лицом к воротам, и человеком, который хотел ее увести от ворот.

В финале победили терпение и настойчивость Деда. Лошадь спокойно развернулась в том направлении, в котором он и хотел ее развернуть. Дед дал лошади постоять несколько минут и отдохнуть, а затем попросил ее пойти от ворот. Он слегка надавил пятками на бока лошади, но она проигнорировала эту команду. В течение десяти минут он просил лошадь пойти вперед без всякого ответа с ее стороны. Наконец Дед сменил мягкое давление шенкелей на крепкие и выразительные пинки. И снова никакого ответа. Продолжая пинать лошадь, Дед стал легонько похлопывать ее по плечам концом поводьев. Нет ответа. Он похлопывал все сильнее. Похоже, кобылу это не беспокоило.

Тогда он все бросил, сел в седле спокойно и вытащил еще одну сигарету. Дед выкурил сигарету до половины, равнодушно загасил ее о рожок, взял поводья и начал все сначала.

На этот раз он прижимал шенкеля и легонько похлопывал лошадь по плечам в течение 45 секунд. В прошлый раз он занимался этим 10 минут. Впрочем, ответа снова не было. Хлопнув кобылу раз 12, Дед добавил нечто новенькое. Он прекратил прикладывать давление шенкелями, оставил поводья в покое, и сделал нечто дурацкое, что никак, по моему мнению, не могло помочь заставить лошадь идти вперед.

Он начал наклонять голову лошади то в одну, то в другую сторону, натягивая поводья по очереди. Постепенно Дед ускорял движения. Наконец стало казаться, что лошадь сейчас потеряет равновесие и сделает шаг. Дед немедленно прекратил свои действия. Он погладил ее по шее и дал спокойно постоять несколько секунд.

Благодаря такому воздействию через пару минут лошадь прошла на 3 метра вперед. Затем она стала реагировать быстрее. Вероятно, ей не нравилось, когда ее голову болтают туда-сюда, она хотела избежать этого и стала отвечать на давление шенкелей. Она шла не очень далеко и не очень быстро, но, по крайней мере, она двигалась.

Через 45 минут Деду удалось доехать на ней от ворот до середины поля, а затем без приключений вернуться обратно к воротам. У ворот он спешился,

выкурил сигарету, снова сел в седло и поехал в центр. Лошадь и не думала артачиться. Деду удалось добиться своего потому, что он сделал так, чтобы движение вперед было для кобылы более комфортным и легким, нежели упрямое стояние на месте.

Самым важным, что я усвоил в тот день, лежа на животе рядом с водосточной канавой и держа в воде сломанную руку, было то, что Дед за все это время ни разу не потерял терпения, не вышел из себя и сохранил самообладание. Он действовал неторопливо и методично и в результате добился от кобылы того, чего хотел.

С тех пор я занимался со многими лошадьми, имеющими похожие проблемы. Используя технику и позицию Деда, я всегда успешно мотивировал движение лошадей вперед. Все было замечательно, пока я не столкнулся с 19-летним мерином квотером по имени Ред.

Это была очень интересная лошадка. Его было просто поймать, легко поседлать и надеть оголовье, а также сесть верхом. Он начинал движение от легкого нажима, отлично чувствовал повод шеей¹⁹, с остановками также не было проблем. Но с годами у него развилась одна дурная привычка, о которой можно было и не подозревать, если не ездить ближе 15 метров от конюшни.

Без видимых причин Ред вдруг отказывался идти вперед и вращал погами в землю. Ему нравилось стоять, как столб. Он не хотел идти ни вперед, ни назад и казался равнодушным ко всему, что его окружает, включая всадника на его спине. Чего только не пробовали, чтобы заставить его двигаться. Острые шпоры, хлыст, рукоятка кнута, бич, доска. Однажды даже, стоя сбоку от Реда, выстрелили из пистолета. Ничто не работало. Хозяин даже подумывал сдать его на бойню, но решил дать ему последний шанс и отдал его мне, чтобы я попытался исправить положение.

К несчастью, я быстро понял, что Ред – крепкий орешек. Сказать, что он был решительно настроен стоять на месте, было бы преуменьшением. Было такое ощущение, что это его жизненное кредо. Техника Деда, техника, которой я успешно пользовался с бесчисленным количеством лошадей, не произвела на него никакого впечатления. Я не только болтал его голову поводьями из стороны в сторону, но и переносил свой вес в седле вперед и назад. Одним словом, делал все, чтобы ему стало некомфортно стоять на месте.

Когда и это не помогло, я начал думать, что, вероятно, ничем не смогу помочь в данном случае. Впервые с тех пор, как я стал тренировать лошадей,

¹⁹ Пекрейнинг – стиль управления лошадью в вестерне. Поводья прикладываются к шее и остаются распушенными.

я должен был признать, что не могу справиться с этой конкретной лошадью. Я уже был готов сдаться, но тут вспомнил слова Деда.

«Однажды, — говорил он мне, — ты столкнешься с лошадью, которая отошьет тебя, и ты будешь думать, что тебе с ней не справиться. Все, что тебе нужно тогда помнить — правильный ответ можно дать только на правильно заданный вопрос».

Как же мне сейчас правильно задать вопрос? Я спешился, пытаюсь придумать, каким еще способом мне сделать ступор неудобным для лошади.

Через несколько минут меня осенило. Лошади очень трудно стоять на трех ногах. Они могут так стоять, но не долго. Это очень утомительно для них, даже если они просто стоят на месте. Раньше я никогда не пробовал такой метод, но за чем же дело стало? Ведь он мог сработать и спасти эту лошадь.

Я пошел на конюшню и принес хлопковую корду с карабином. Затем сел в седло и дал лошади еще один шанс правильно среагировать на мою просьбу пойти вперед, легонько сжав шенкелями его бока. Нет ответа. Я немедленно спешился и сделал из корды одноножные путы. Согнув переднюю ногу Реда, я опутал ее в области предплечья и бабки. После чего встал рядом, надеясь, что этот способ работает.

Спустя три минуты не было никаких изменений. Через пять минут мышцы над привязанной ногой начали дрожать. Через семь минут мерин попытался лечь. Было видно, что лошадь слегка запаниковала. Я немедленно освободил ногу, растер и сел верхом. Ред совершенно изменился. Его голова была поднята, уши повернуты ко мне, он был насторожен. Итак, мне потребовался час, чтобы привлечь его внимание.

Я слегка приложил ногу. Ред предложил мне один шаг. Я тут же убрал давление. Снова приложил шенкель. Еще одна попытка с его стороны. На чуть более сильное давление Ред ответил двумя шажками. Я снова дал ему передышку и погладил по шее. Затем опять приложил давление, и он пошел вперед. Он шел вниз по дороге, как ни в чем не бывало. Я подивился тому, что такая мелочь могла привести к столь поразительным изменениям. Было трудно поверить, что, заставив лошадь стоять на трех ногах, даже не садясь на нее верхом, я смог мотивировать ее двигаться вперед.

Конечно, нельзя сказать, что проблема была искоренена. На протяжении следующих двух недель она периодически возникала вновь. Разница была в том, что у меня уже был ключ к ее решению. Я знал, что нужно сделать, чтобы Ред пошел вперед. Нужно было лишь привязать его ногу. К слову, больше я никогда так далеко не заходил. Если он артачился, я прикладывал шенкеля или легонько пинал Реда в бока, похлопывал поводьями по плечам и болтал его голову из стороны в сторону. В какой-то момент он начинал двигаться.

Впоследствии стало достаточно лишь легкого давления шенкелей, чтобы выслать лошадь вперед. Через 45 дней от начала работы Ред полностью прекратил артачиться и стал отзывчивой приятной лошадью.

Теперь сложно сказать, с чего началась у Реда проблема. Может быть, он обнаружил, что если он застынет на месте, то после некоторых попыток заставить его двигаться вперед от него отстанут и ему не придется работать, или же он хотел, чтобы его не заставляли идти вперед, а просили. Вне зависимости от причины, в конце концов, он пришел к выводу, что двигаться несравнимо легче, нежели стоять на месте.

В любом случае, в тренинге лошадей проще предотвратить проблему, нежели корректировать ее потом. Особенно если мы имеем дело с артачащимися лошадьми.

Конечно, если мы знаем причину, по которой лошадь артачиться, то это только поможет решить проблему. Я сталкивался с такими причинами, как внезапное появление незнакомого предмета, звука, запаха, а также усталость или боль. Также я встречал лошадей, которые вкапываются на месте потому, что у них слишком туго затянута подпруга, проблемы с ногами, им не подходит седло. Молодые, недавно заезженные лошади могут стопорить из-за потери баланса, не научившись еще нести всадника на спине. Причиной может стать что угодно. Чаще всего лошади застопориваются потому, что им позволяют это всадники, либо же лошади чувствуют, что всадник им это позволит.

Например, лошадь постоянно останавливается около ворот в манеже, потому что каждый раз, завершив занятие, всадник спешивается именно здесь. Лошадь ассоциирует ворота с окончанием работы. Все, что нужно всаднику, чтобы не дать развиться дурной привычке, так это приучить лошадь к тому, что он может спешиться в любой точке манежа или же продолжить занятие, выйдя из манежа. Иными словами, лошадь должна воспринимать ворота только как вход или выход. Ничего более. Все очень просто.

Однако очень важно, вне зависимости от причины и ситуации, в которой лошадь стопорит, дать ей понять позитивным и выразительным способом, что такое поведение нежелательно. Я просто делаю остановку более трудной, нежели движение вперед. Речь не идет о том, что нужно бить лошадь каждый раз, когда она остановится. Я имею в виду физический и психологический дискомфорт.

Если случай не очень серьезный, я не пользуюсь техникой Деда. Можно попробовать покружить лошадь на маленьком кругу или осадить ее на 5–6 метров. Обычно этого бывает достаточно, поскольку лошади, как и люди, не хотят развития проблем.

Нет сомнений, артачащаяся или постоянно и беспричинно останавливающаяся лошадь может слегка раздражать. Но она может также представлять серьезную опасность, в чем я убедился на собственной шкуре. Вооружившись терпением, заняв правильную позицию и обладая небольшим ноу-хау, вы сможете справиться даже с самыми трудными лошадьми за сравнительно короткое время, не травмируя ни себя, ни лошадь.

Важно понять, что не существует двух одинаковых лошадей. То, что работает с одной, может оказаться бесполезным с другой. С одними стопорящими лошадьми справиться легче, с другими труднее. Есть одна вещь, о которой я всегда помню, когда ищу спокойное решение для раздражающей и опасной лошади. Как сказал старик, правильный ответ дается на правильно заданный вопрос.

Глава 11

Как остановить лошадь, которая не останавливается?

Занятия с лошадьми в горах никогда не были для меня любимым занятием. В горах практически невозможно найти достаточно ровное место для работы. Все расположено под углом. В результате вся работа с лошадьми сводится к езде вверх и вниз. С этой досадной помехой, как правило, можно смириться. Я помню одну лошадь, на которую работа в горной местности оказала не только благотворное, но и решающее воздействие в процессе устранения опасной и глубоко укоренившейся проблемы.

Это был 12-летний гнедой мерин по имени Джек, который большую часть своей жизни занимался баррел рейсингом. Джека и тогда было трудно остановить, но когда он перестал поворачивать, хозяйка решила его продать. Иными словами, он сломя голову мчался по арене, затем сворачивал направо вокруг первой бочки, даже не делая попытку обогнуть ее, как бы хозяйка ни старалась повернуть его.

Новая владелица Джека планировал его использовать как лошадь для плежа или трейла. Она быстро поняла, что годы занятий баррел рейсингом, в течение которых Джеку приходилось постоянно мчаться под седлом, оказали на него чрезвычайно негативное воздействие. Как только она садилась в седло, у лошади было единственное желание – бежать. Новая хозяйка в течение нескольких недель безрезультатно пыталась убедить его идти шагом. Отчаявшись, она решила привезти Джека мне, чтобы я попытался помочь решить эту проблему.

Я объяснил ей, что все лошади, жизнь которых прошла на скачках, умеют лишь мчаться во весь опор. Поэтому лучше позволить им делать то, что они делают лучше всего. Также я сказал ей, что мне потребуется довольно

много времени, чтобы превратить скакуна в шагающую лошадь. Кроме того, даже исправив положение, можно в любой момент ожидать рецидива. Поэтому я посоветовал ей вместо того, чтобы тратить свои деньги и время на то, чтобы заново выездить эту лошадь, взять себе какую-нибудь другую.

Хозяйка не захотела меня слушать. Она влюбилась в Джека и была полна решимости сделать все возможное, чтобы превратить его в ту лошадь, которую ей хотелось. И она приступила к тренировкам.

В то время я работал на ранчо на вершине горы Две Сестры. Ранчо располагалось на высоте 2 800 м на лесистом склоне. Рядом с входом находился кустарный манеж размером 15х30 м. Манеж также был построен на склоне. Именно в этом манеже мы и занялись Джеком.

Когда я сел в седло и попросил Джека пойти вперед, он сделал всю работу за меня. Не потребовалось ни малейшего прикосновения шенкелей, лошадь сама выстрелила, как пуля. Он рванул с такой силой, что у меня даже заболел позвоночник. Прежде чем я осознал, что мы уже не стоим на месте, Джек проскакал бешеным галопом метров 12.

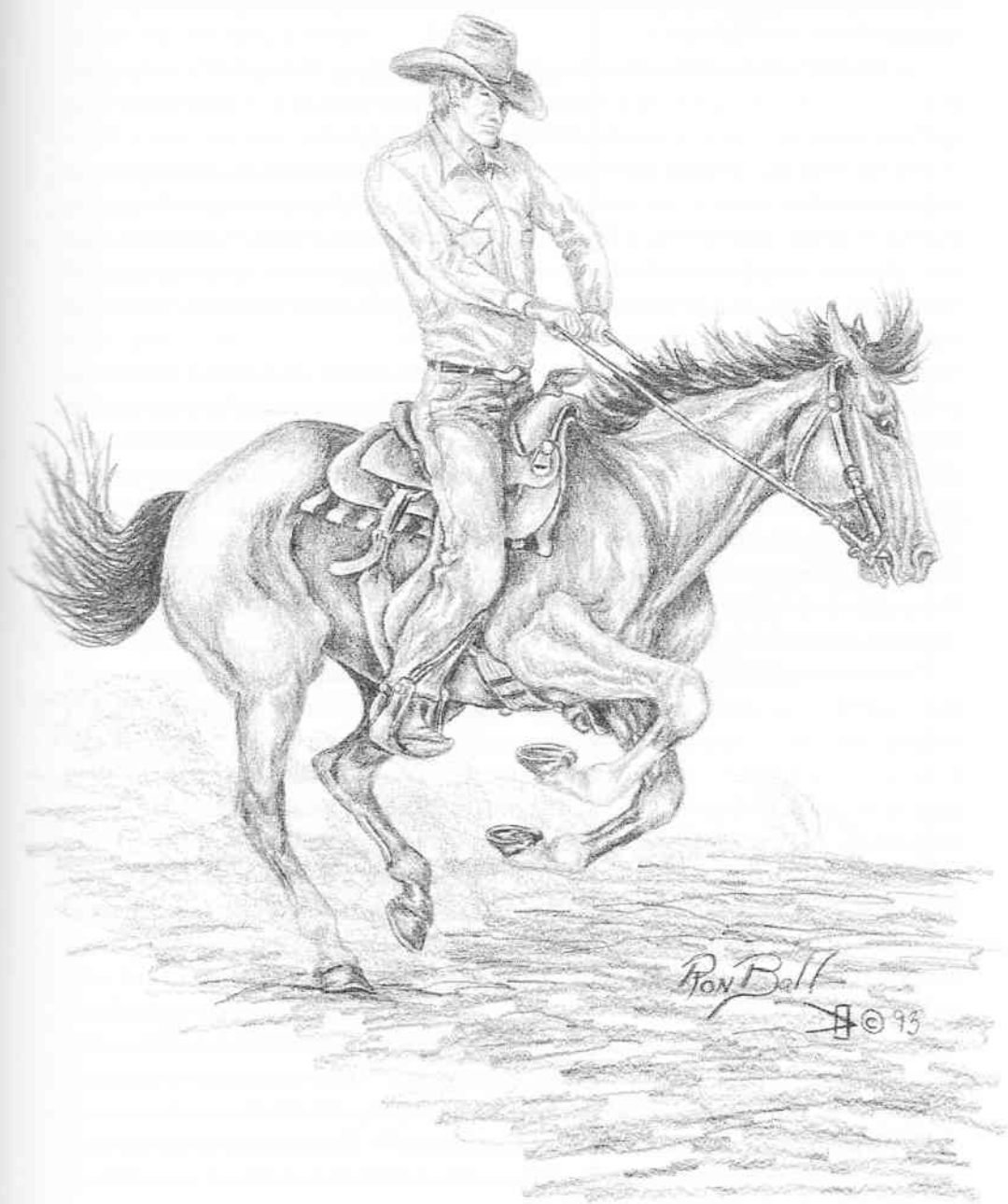
Моя попытка замедлить его бег, натянув поводья, оказалась совершенно бесплодной. Было проще остановить поезд, чем эту лошадь. К счастью, мы занимались в огороженном манеже. Если бы такое произошло на открытом пространстве, бог знает, чем это могло бы закончиться.

Я решил, что самое лучшее – позволить лошади бежать, пока она не набежится. Когда лошадь устала, я снова дал команду замедлиться, надеясь, что теперь она будет более покладиста и прислушается. Сказать по правде, у меня и не было другого выбора. Поскольку Джек снова отказался не только остановиться, но и просто снизить темп, мне оставалось лишь ждать, когда он окончательно выдохнется.

По мере того как мы наматывала круг за кругом со скоростью, которую я не мог назвать комфортной, я начал делать две вещи. Во-первых, я старался не касаться боков лошади ногами, чтобы она не поняла превратно, будто я прошу ее бежать быстрее или поддерживать настоящий темп. Затем я сел так, чтобы лошади было труднее меня нести. К тому же ей стало неудобнее бежать быстро.

Джек носился со всей дури минут 10, затем я стал замечать, что его движения становятся затрудненными. Он покрылся пеной и тяжело дышал, скорость снизилась. Я снова попросил его замедлиться, подняв поводья. На этот раз Джек ответил. Он перешел с быстрого галопа на рысь и сделал еще один круг. Наконец он замедлился до шага. Чтобы восстановить дыхание, ему понадобилось довольно долгое время. После чего он снова пустился галопом.

Мы несколько раз повторяли эту процедуру в течение следующего часа. Каждый раз я просил его замедлиться лишь после того, как Джек уставал достаточно, чтобы прислушаться ко мне. К тому же я не давал никаких команд, кроме команды двигаться шагом. Если Джек бежал быстрее, то не по-

тому, что я просил его об этом, а потому, что он сам хотел этого. Если он слушался меня и переходил на шаг, ему не нужно было тяжело работать. Я надеялся, что, поняв это однажды, Джек станет восприимчивее к моим сигналам.

Через час стало ясно, что он полностью истощен. Теперь он с готовностью реагировал на все мои сигналы. Поскольку он хорошо отвечал и был чрезвычайно изнурен, я решил, что на сегодня хватит.

Понадобилось четыре дня таких занятий, чтобы Джек перестал пускаться вскачь, как только я сяду в седло. Еще через неделю я смог спокойно запустить его в шаг. После этого Джек стал стремительно прогрессировать. Его отношение совершенно изменилось. Он стал чрезвычайно легок в управлении. Развороты, остановки и осаживания не требовали больших усилий с моей стороны.

Спустя месяц после начала работы я решил выйти из манежа и посмотреть, как он пройдет маршрут трейла. Я начал с того, что поездил на нем по манежу в течение 15–20 минут. Я сделал это, чтобы убедиться в том, что он отвечает на сигналы, которые я буду подавать ему во время прохождения маршрута.

Джек был спокоен и охотно реагировал, и я решил, у нас все пройдет гладко. С этими мыслями я спешился, вышел из манежа и снова сел в седло. Внезапно я почувствовал, как напряглось тело лошади. Такого не было с первого дня работы с ней.

Пытаясь привести его в чувство, я наклонился и погладил Джека по шее. К несчастью, он неправильно меня понял и решил, что перенос моего веса вперед означает команду пуститься вскачь во весь опор. Я попробовал 3 или 4 раза замедлить его, потянув поводья назад, но это, как и в первый день нашей с ним работы, ни к чему не привело. Я быстро осознал, что, если я хочу уцелеть в этой передряге, мне придется сделать две вещи.

Во-первых, мне нужно было удержаться в седле. Вокруг росли острые, как пики, сосны. Было ясно, что если я на всем скаку упаду на каменистую землю, то от меня останется мокрое место. Во-вторых, я должен был удерживать голову лошади в приподнятом положении.

Поднять его голову было не так уж сложно, так как Джек сам вскинул ее вверх, когда помчался. Он отказывался реагировать на все мои попытки остановить его, и мы мчались по прямой линии. К счастью, эта прямая шла наверх по направлению к главной дороге, ведущей к основному зданию на ранчо.

По пути дорога разветвлялась в виде буквы Y. Правое ответвление уходило к главному зданию. Налево шла старая дорога к лесопилке, поднимавшаяся круто вверх.

Доехав до развилки, я потянул поводья влево. Казалось, лошадь с готовностью повернула. Но, проскакав довольно долго вверх, Джек стал уставать и решил свернуть с дороги. Это меня, безусловно, беспокоило, т.к. вокруг

был густой лес. Лошадь едва могла проскользнуть между деревьями, не говоря уже о том, кто сидел у нее на спине.

К счастью, когда он решил свернуть, его запал уже испарился и желание продолжать скачку пропало. Но этого было еще недостаточно, чтобы он остановился. Мне приходилось нырять головой вниз и поджимать ноги до самого рожка, чтобы не удариться о ветки.

В итоге мы выскочили на поляну 6 метров в диаметре. Я потянул поводья, приказывая Джеку остановиться, что он и сделал вполне охотно. Кажется, он совершенно выдохся. Его голова была опущена, он с трудом переводил дыхание, с него клочьями слетала пена. Мы довольно долго стояли на поляне, пока его дыхание пришло в норму. Я развернул Джека и направил его вниз по склону холма. Вскоре мы снова вышли на узкую дорогу для транспортировки заготовленного леса. Дорога, по которой мы приехали на вершину холма, шла на восток и запад. Эта же, напротив, уходила на север и юг, пересекая холм, и была сравнительно ровной. Я решил поехать по ней, чтобы лошадь могла немного расслабиться и остыть перед тем, как мы продолжим спуск.

К моему удивлению, через пару минут Джек был снова полон энергии. Его шаг стал жестким, он вытянулся и начал вкладываться в повод и трести головой. Время от времени он сильно выдыхал воздух, как бы ни соглашась со скоростью, с которой мы продолжали двигаться.

Затем, как и в прошлый раз, он что есть мочи сорвался с места. Я немедленно развернул его наверх, к деревьям. К счастью, мы находились в таком месте, где стволы деревьев были не очень толстыми, что было для меня безопасней. Подъем оказался достаточно крутым, так что каждый шаг давался Джеку с трудом. Он пробежал не более 180 метров, после чего остановился сам. Теперь было ясно, что он израсходовал всю свою энергию.

Джек стоял, дрожа от страха, пытаясь перевести дыхание и удержать мой вес. Перед тем как попросить пойти вперед, я дал ему постоять пару минут, Но он не мог. Чувствовалось, что, если он попытается сделать подо мной хоть шаг, он упадет. Поняв это, я тихо слез. Смещения баланса при этом было достаточно, чтобы его запястья подогнулись. Я распустил подпругу перед тем, как отвести его вниз, на конюшню.

Джек, очевидно, посчитал свое последнее приключение перебором. Оно произвело на него большое впечатление, и больше он никогда не пытался повторить подобных штучек. Думаю, если бы у меня не было преимущества в перепаде высот, этот метод не сработал бы. Пытаясь применить эту технику с той же лошадью на ровной местности, я не достиг бы подобного эффекта. Лошадь была слишком вынослива, у нее было слишком много энергии, и она слишком быстро восстанавливалась. Она смотрела на это занятие скорее как на игру, нежели как на урок, который нужно выучить.

Конечно, не все лошади, страдающие похожими проблемами, столь же запущенны, как Джек. Например, я припоминаю одну лошадь, которая тоже не останавливалась по команде, и с которой я использовал совершенно иную технику. Молодой мерин пейнтхорс перестал останавливаться, скорее всего, из-за железа, которое использовал его предыдущий тренер. Тренер поддался давлению хозяина лошади, который очень хотел, чтобы лошадь молниеносно останавливалась. Поэтому он заменил D-трензель²⁰ на более жесткое перекрученное грызло. Этот трензель был сделан из двух медных толстых скрученных проволок, которые перевивались между собой. Что и говорить, это не самое удобное железо, особенно для молодых лошадей.

Я посвятил пару минут объяснению того, насколько чувствителен рот незаезженной или молодой лошади. Многие люди думают, что, если лошадь никогда не носила во рту железа, значит, у нее нет шанса стать тугоуздой и она автоматически должна быть гиперчувствительна. В некоторой степени, это действительно так. Но эту чувствительность нужно развивать. Я имею в виду то, что мы, тренеры, хорошо представляем себе, чего мы хотим добиться от лошади и что нужно сделать, чтобы этого добиться. Возьмем, например, обучение остановке. Мы знаем, что для того, чтобы лошадь остановилась, нужно просто потянуть поводья назад. Все так просто. Лошади, которая знает, что означает этот сигнал, ответить будет действительно легко. Но лошадь, не знакомая с этой командой, будет просто сбита с толку. Это смущение всадник может воспринять как «тугоуздость». Лошадь может начать выдирать повод или вкладываться в руку, трясти головой или продолжать движение через давление. Когда мы имеем дело с молодой лошадей, положение осложняется тем, что она еще только учится сохранять баланс под всадником. Верьте или нет, но лошади этому тоже нужно учиться. Если у лошади проблемы с поддержанием баланса, она может иметь тенденцию вкладываться в повод, используя его как пятую ногу для поддержки. Если люди не обращают внимания на это или же расценивают такие действия как проявление дурного нрава, они столкнутся с тем, что им будет трудно остановить лошадь или добиться с ней какого-то успеха.

Я подозревал, что корни проблем маленького мерина кроются именно в таком неверном понимании. Вместо того чтобы работать над проблемой, его тренер решил, что проще всего заставить его останавливаться, одев на него более строгое железо. На самом деле тренер ошибся. К сожалению, его решение лишь усугубило проблему.

Когда мерин попал ко мне, дела были совсем плохи. Он не только не останавливался, но и шел через давление, оказываемое удилами. Я подумал, что было бы ошибкой работать с ним в большом манеже, где у него достаточно пространства, чтобы выпустить пар. Поэтому я решил на первых порах

²⁰ Разновидность трензеля, у которого боковые кольца имеют форму буквы D.

работать с меринком в огороженном 9-метровом манеже. Я заменил перекрученный проволочный трензель, который совершенно ему не подходил, на обычный трензель, с которого он начинал. Я думал, что мерин не останавливался потому, что проволочный трензель причинял ему такую сильную боль, что он вынужден был защищаться. Вместо того чтобы уступать давлению и останавливаться, мерин сопротивлялся и шел напролом. Это обычная и на удивление часто встречающаяся реакция, именно с нее начинается развитие «тугоуздости» у лошадей. Обычно это легко исправить.

Когда мы пришли в манеж, мерин казался вполне спокойным. Я сел на него верхом первый раз. Он хорошо отреагировал на шенкель, когда я дал команду идти вперед. У меня не было намерения продолжать движение долгое время, поэтому, проехав короткое расстояние, я приподнял поводья, дав сигнал к остановке. Мерин задрал нос и пошел сквозь давление.

Я трижды просил его остановиться, с одним и тем же результатом. Он прошел полдюжины кругов по манежу, пока, наконец, остановился. После этого я дал ему вернуть голову в нормальное положение и постоять несколько секунд, а затем снова поднял поводья, командуя осадить.

С годами я усвоил одну вещь. Как правило, лошади, которые не знают сигнала к осаживанию, плохо останавливаются. Мерин не был исключением. Я решил, что для начала его нужно научить осаживать, а потом уже останавливаться.

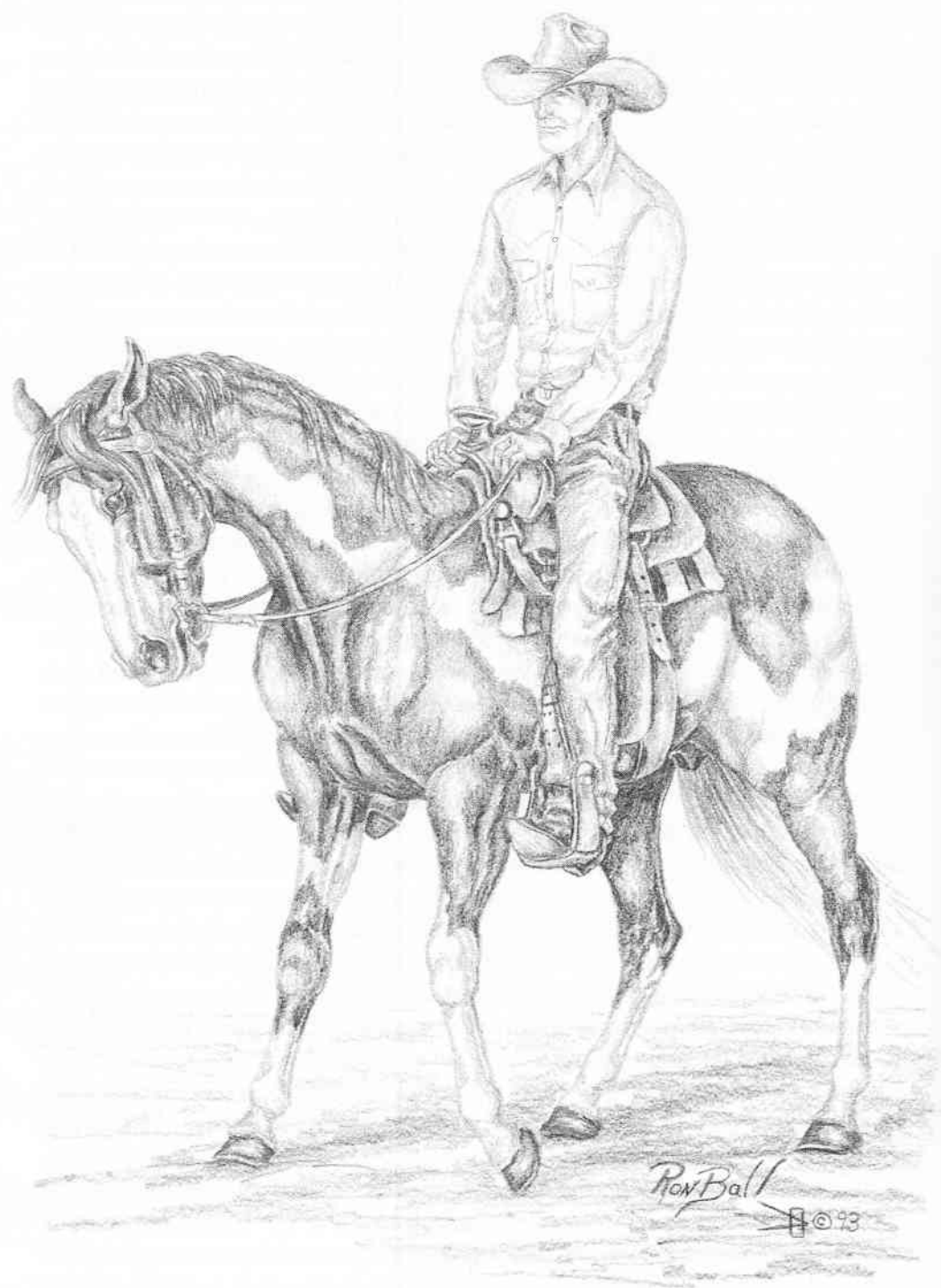
У меня есть простой метод обучения осаживанию. Я переношу свой вес в седле назад. Этим я даю лошади понять, в каком направлении я собираюсь двигаться, еще до подачи команды. Затем слегка набираю повод так, чтобы железо оказывало лишь небольшое давление на рот лошади. Фиксирую руки наподобие якоря, чтобы оказываемое давление было постоянным и неизменным.

Чувствуя давление во рту, лошадь вскоре начинает искать способ избавиться от него. Ее первое стремление — налечь на давление. Когда она видит, что это не помогает, она может начать трясти головой из стороны в сторону, вверх-вниз. Она может также предпринимать еще какие-то бессмысленные действия, пока, наконец, не попробует осадить.

На первых порах осаживание может быть выражено в простом переносе веса тела назад. Этого вполне достаточно для того, чтобы сразу вознаградить лошадь, убрав давление и похлопав ее по шее.

Я даю лошади несколько секунд постоять, а затем снова переношу вес назад, набираю повод и фиксирую руки. На этот раз она отвечает практически сразу. Я снова вознаграждаю ее.

Меньше чем за 5 минут мерин охотно осаживал на 8–10 шагов в ответ на легкое давление с моей стороны. Через 15 он начинал осаживать, когда я только переносил вес назад. Через 20 он осаживал по всему манежу без остановки. Теперь пришло время попросить его пойти вперед и остановиться. Он сделал 3 шага, после чего я отклонился в седле и приподнял поводья.

Мерин остановился как вкопанный. Мы постояли пару секунд, затем я подал ему команду осадить, что он и сделал безо всякого колебания.

Каждый раз за командой к остановке следовала команда к осаживанию. Я делал это так, что мерин автоматически стал ассоциировать остановку с последующим осаживанием. Иными словами, каждый раз, когда он получал команду «стой», он начинал думать «назад». Это сделало его остановки плавными. Процесс остановки стал более понятен для лошади, что позволило ей лучше его выполнять.

Я продолжал работу с лошадыю в таком ключе следующие 2 недели. Каждый раз, когда я ездил верхом, я увеличивал расстояние, пройденное с момента начала движения до команды к остановке. Время шло, и я ускорил аллпор. Через 2 недели мерин не только останавливался с резвого галопа как вкопанный, но и охотно регулировал скорость в зависимости от переноса веса моего тела. Перенос веса вперед означал ускорение, назад – замедление.

Лошадь стала такой покладистой и отзывчивой, что ее хозяйка, молодая фармацевт, спустя месяц решила поехать с ней на открытые соревнования. К ее удивлению, молодой мерин привез 2 первых и одно второе место.

Несмотря на успех, которого я добился в этих двух случаях, занятия с лошадьми, которые не желают останавливаться, не самые любимые для меня. Работа с твердыми орешками на самом деле трудна и опасна, ведь во время бешеной скачки и лошадь и всадник могут получить травмы. Я знаю одного человека, который в подобных обстоятельствах заработал перелом позвоночника и трещину в черепе. Лошадь вместе с ним врезалась в стену. Был также трагический случай со смертельным исходом, когда лошадь вышла из-под контроля и выскочила с всадницей на проезжую часть.

Я никогда не понимал, почему люди иногда даже хотят иметь лошадей, которых трудно остановить или замедлить в критической ситуации. С другой стороны, я прекрасно осознаю, что в подобных обстоятельствах, будучи сильно испуганной, даже хорошо выезженная лошадь может стать неуправляемой. Но в 90% случаев, когда лошади срываются от страха, виноват всадник, который теряет способность ясно думать и четко действовать.

Если лошадь начинает паниковать, большинство всадников действуют одинаково. Они со всей силы тянут поводья назад, пытаясь остановить лошадь. К несчастью, это наихудший выбор в подобной ситуации.

Мы должны помнить о том, что испуганная лошадь будет стремиться убежать от напугавшего ее объекта. У нее просто нет иного пути. Ею управляет инстинкт самосохранения. Натягивая поводья, мы ограничиваем возможность лошади спастись бегством. По крайней мере, так обстоит дело с точки зрения лошади. Она начинает сражаться буквально не на жизнь, а на

смерть, и становится полностью неуправляемой. Теперь уже паникуют и лошадь, и всадник. Лошадь, чувствуя страх человека, пугается еще больше и... летит куда глаза глядят.

Понимая, что думает в такой ситуации лошадь, мы можем принять правильное решение и восстановить контроль над ней. Я в таких случаях набираю один повод и сгибаю голову лошади набок или же делаю маленькие вольты. Если сделать это своевременно, пока лошадь еще не поддалась панике окончательно, сделав несколько вольтов, она растрчивает энергию, сконцентрированную для бегства, и, успокоившись, останавливается и начинает рассматривать то, что ее испугало.

Если же время упущено, и лошадь бросилась бежать, я делаю то же самое – сгибаю ее голову набок. Лошадь не лишается возможности спастись бегством, но согнутая голова выводит ее из равновесия. Это не только затрудняет бег, но и заставляет ее тратить силы на поддержание баланса. Всадник в таком случае сохраняет контроль над ситуацией.

Я не хочу утверждать, что такой метод работает в 100% случаев, это было бы неправдой. Некоторые «бегуны» являются чересчур рьяными энтузиастами своего дела. (С такими лошадьми, откровенно говоря, я предпочитаю не иметь дела, так как это слишком опасно.) Описанный метод хорошо работает с молодыми и неопытными, а также с пожилыми и надежными лошадьми, которые испугались какого-то незнакомого предмета или звука.

Самый лучший способ решения этой проблемы – ее предотвращение. Другими словами, если вы грамотно научите лошадь останавливаться, если лошадь будет доверять вам и полагаться на вас в критических ситуациях, вы сможете избежать многих проблем.

Многие люди возразят мне, что такое легче сказать, чем сделать. Положа руку на сердце, соглашусь, что так оно и есть. Большинство лошадей пойдут на компромисс. Для этого им нужно довериться вам. Доверие можно завоевать. Для этого нужны три вещи: время, терпение и понимание. Ведь это люди не желают тратить время на то, чтобы действовать правильно, выходят из себя и пытаются силой заставить лошадь, вместо того чтобы помочь ей, и не хотят посмотреть на мир с ее точки зрения, что приводит к неприятностям. А потом эти люди ругают «дурацкую лошадь», которая таскает и не хочет останавливаться.

Глава 12

Лошадь трясет головой

В то субботнее утро два часа шел снег. К счастью, это был не сильный снегопад, укутывающий землю белым покрывалом. Дело было в середине апреля. Зима кончилась. Последняя буря отбушевала два месяца назад. В последние три недели было так тепло, что земля не только полностью оттаяла, но и подсохла. Казалось, что уже наступило лето.

Мокрый снег превратил землю вокруг конюшни в грязное месиво. Снегопад напомнил, что до лета на самом деле еще далеко.

Я пришел в амуничник, отряхнул налипшую на сапоги грязь и увидел Деда, сидящего в его любимом кресле. Он чинил старую уздечку, пыхтя своей неизменной сигаретой.

- Кто бы мог подумать, что сегодня пойдет снег, – шутливо сказал он, не удосужившись поднять на меня взгляд.

- Да уж, – улыбнулся я в ответ.

- Ты уже сделал всю работу?

- Да, – кивнул я, – мне осталось лишь проверить, есть ли вода в корыте на пастбище.

- Хорошо, когда закончишь, возвращайся. Я хочу, чтобы ты занялся одной лошадью.

- Это та гнедая, что стоит в жеребьячем деннике?

- Ага, – ответил Дед, стряхнув пепел. – Она приехала вчера, и я еще не знаю, что она из себя представляет.

- ОК, – ответил я, – сейчас приду.

К тому времени, как я наполнил корыто на пастбище водой, Дед оседлал и взнуздал лошадь и привел ее в манеж рядом с конюшней. Пожалуй, это было единственное место с приличным грунтом.

- Вообще-то, я ничего не знаю об этой лошади, – сообщил мне Дед, когда я садился в седло, – так что будь осторожен. Мне не нужны неприятности.

- Ну, мне они тем более не нужны, – ответил я, осторожно приподняв поводья и аккуратно приложив шенкель, чтобы выслать лошадь вперед.

Лошадь ответила без малейшего сопротивления, и мы сделали вольт вокруг Деда, стоявшего в центре манежа. Мы проделали еще три вольта, после чего Дед сказал сменить направление. По мере того как я набирал внутренний повод, лошадь начала трясти головой. Когда поворот был закончен, это прекратилось. Мы сделали один круг, после чего Дед снова скомандовал смену направления. Как только я скомандовал свернуть на вольт, лошадь снова принялась трясти головой и перестала лишь, когда поворот был завершен.

- Давай-ка проверим еще кое-что, – сказал мне Дед, закуривая очередную сигарету. – Пройдите до конца манежа и остановитесь. Будь осторожен, она может начать трясти головой.

- ОК, – самоуверенно ответил я. В конце концов, какое мне дело, трясет она головой или не трясет?

С этими мыслями я приподнял поводья, командуя лошади остановиться. В то же мгновение я понял, какое отношение имеет ко мне ее трясение головой. Она так быстро и сильно вскинула голову, что я едва понял, что произошло. Единственное, что я успел заметить до того, как ее голова столкнулась с моим лицом, был ее нос, мгновенно взметнувшийся вверх. Удар в лицо был настолько силен, что меня буквально выкинуло из седла, и я, опрокинувшись через круп лошади, приземлился спиной в траву. От удара сильно пострадал один из передних зубов. Он до сих пор остается несколько смещенным.

- Ну, я же говорил, что лошадь трясет головой, – услышал я сквозь звон в ушах, лежа посередине манежа, голос Деда. – Ты как? Все в порядке? Мне показалось, она тебя стукнула.

Так оно и было, но у меня не было ни малейшего желания говорить об этом.

В тот раз я впервые столкнулся с лошастью, которая трясла головой. Когда я попробовал работать с ней, я получил удар в лицо. Тогда я думал лишь о поврежденном зубе и разбитой губе. Теперь я склонен гораздо больше прощать лошадям, поскольку я понимаю причины, по которым они трясут головой, и знаю способ, как избавиться от этой проблемы.

Как правило, такое поведение лошади свидетельствует о недопонимании, возникшем на ранней стадии заездки. Особенно это касается приучения к железу.

Такое часто случается, когда в работе с молодой лошастью ей дают команду к остановке, оказав давление удилами на рот. Лошадь не понимает, что означает это давление, и старается от него уйти. В поисках освобождения она пробует разные пути. Это и вкладывание в повод, и трясение головой из стороны в сторону, вверх-вниз, открывание рта, уход за повод. В итоге лошадь должна все-таки остановиться или осадить.

Лошадь учится трясти головой, если на нее оказывается слишком сильное давление или же давление не убирается, когда она дает правильный ответ на команду всадника. Положение ухудшается, когда всадник, желая, чтобы лошадь прекратила трясти головой, ошибочно усиливает давление железа.

Зачастую люди винят в таком поведении лошади железо и начинают менять его в поисках того, которое будет наиболее комфортно для лошади. Обычно дело заканчивается механической хакаморой, как правило, в сочетании с шпрунтом. Другим исходом поисков мощного инструмента, который заставил бы лошадь останавливаться, бывает переход на более строгое железо со шпрунтом из цепи или кабеля. К сожалению, оба эти варианта лишь усугубляют симптомы и никак не содействуют устранению проблемы.

Очевидно, что самым лучшим способом излечения лошади от трясения головой является его предотвращение. Иными словами, всадник должен быть чрезвычайно чувствителен к сигналам, которые ему подает лошадь на ранних стадиях заездки. Однако, по моим наблюдениям, хозяева замечают появление тревожных симптомов слишком поздно, иногда уже спустя годы после заездки лошади. В зависимости от степени запущенности задача отучения лошади трясти головой может быть очень трудной, особенно для начинающего конника.

Я заметил, что у многих лошадей, демонстрирующих такое поведение, есть одна общая черта.

Они плохо уступают давлению, плохо останавливаются и делают боковое сгибание. Чтобы отучить лошадь трясти головой, нужно в первую очередь научить ее уступать давлению.

Поскольку многие трясушие головой лошади ассоциируют свои действия с присутствием у них на спине человека, я начинаю процесс отучения с земли. Это помогает лошади сконцентрироваться и отвлекает от мыслей о тряске головой.

Для начала я седлаю лошадь и надеваю обычный трензель. Затем, потянув повод к седлу, я мягко прошу лошадь сделать боковое сгибание. Я особенно слежу за тем, чтобы немедленно убрать давление, как только лошадь ответит. Если она сопротивляется, я удерживаю повод, используя в качестве якоря шею или гриву лошади, или же придерживаюсь за седло до тех пор, пока лошадь не перестанет сражаться. Прежде чем продолжить, я даю лошади передышку.

Как-то раз мне пришлось иметь дело с одной лошадей, у которой не было никакого желания сотрудничать со мной. Это был высокий вороной квоттерхорс по имени Стар. Каждый раз, когда я давал какую-нибудь команду, он начинал выдирать повод, яростно трясая головой. Когда он, наконец, уступил давлению, и я ослабил поводья, он окончательно вскинул голову кверху. Обычно в таких случаях я оборачиваю один повод вокруг луки седла с противоположной от меня стороны. Конец повода с луки с моей стороны. Я тяну за повод, прося лошадь согнуть голову ко мне.

Некоторые люди идут коротким путем и просто привязывают один повод к седлу, заставляя лошадь согнуть голову²¹. Я не являюсь сторонником этого метода по ряду причин. Во-первых, не фиксируя повод, я могу более чутко реагировать на действия лошади и своевременно вознаграждать ее за правильный ответ. Во-вторых, если лошадь начнет сильно сопротивляться давлению и возникнет опасность, что она может сама себя травмировать, мне достаточно просто отпустить повод, чтобы освободить ее. Если же повод привязан к седлу, это сделать сложнее.

Стар не желал учиться боковому сгибанию и ожесточенно сопротивлялся. Если я просил его согнуть голову влево, он сгибал ее вправо, и наоборот. К счастью, кожаный повод не с трудом скользил по кожаной луке, поэтому лошади, когда она сопротивлялась, приходилось прилагать большие усилия и ей не удавалось выдернуть повод из моих рук, чтобы избежать давления.

Нужно отметить, что Стар был очень изобретателен в попытках избежать выполнения моих команд. Он пробовал задирает нос вверх и опускать голову к земле.

Стар прекратил сопротивление и сделал попытку уступить давлению лишь через двадцать минут. Согнув голову, он неумышленно вознаградил сам себя, так как повод провис и давление ослабло. Это было для него откровением. Практически сразу он перестал сопротивляться давлению. Менее чем через пять минут после первой попытки квоттер охотно сгибал голову по моему малейшему знаку. К сожалению, чтобы добиться от него такой же реакции в другую сторону, потребовалось еще 20 минут. Стар очень долго учился самым простым вещам, но результаты обучения были впечатляющими, поэтому я решил, что на сегодня с него достаточно. Очень важно закончить урок на позитивной ноте.

На следующий день мы начали занятие с повторения боковых сгибаний в обе стороны. Стар немного поупрямился, но вскоре стал хорошо уступать давлению. С этого момента я приступил к работе над его основной проблемой.

Я сел в седло и попросил мерина согнуть голову сначала влево, затем вправо. После небольшого сопротивления Стар выполнил сгибания так же хорошо, как и при команде с земли.

²¹ Таким методом, например, пользуется известный вестерн тренер Гарри Троша.

Затем, слегка приподняв оба поводя, я попросил лошадь осадить. Как правило, этой команды достаточно, чтобы лошадь, подобная Стару, начала в той или иной степени трясти головой.

Я обнаружил, что если дурная привычка развита не очень сильно, то для того, чтобы лошадь прекратила трясти головой, бывает достаточно набрать повод и зафиксировать руки на рожке. Я ставлю голову лошади в определенные рамки. Если она наклоняет голову и переходит границы, то начинает испытывать дискомфорт от железа. Вскоре лошадь понимает, что может избавиться от дискомфорта, лишь удерживая голову на месте. Затем я снова прошу ее осадить.

К несчастью, Стар принадлежал к иной категории лошадей. Его случай был запущенным. Любое давление на рот вызывало у него яростную реакцию, он начинал так сильно трясти головой, что представлял потенциальную опасность. В самых тяжелых ситуациях лошадь, трясущая головой, может даже встать на дыбы. Стар не свечил, но был не далек от этого.

Как только я набрал повод, он резко выбросил голову вперед. Он сделал это с такой силой, что буквально вытащил меня из седла. Мне ничего не оставалось делать, как потянуть поводья на себя, чтобы восстановить баланс. Такого перетягивания туда-сюда нужно по возможности избегать. В запущенных случаях, чем дольше вы натягиваете повод, пусть даже слабо, тем отчаяннее сопротивляется лошадь. Она не только выдирает повод, но и начинает трясти головой из стороны в сторону.

Когда Стар стал действовать подобным образом, я понял, что мне срочно нужно сделать две вещи. Во-первых, привлечь его внимание к себе, а во-вторых, прекратить это безобразие, чтобы он смог задуматься о том, что могут означать сигналы, которые я подаю ему. Пришла очередь боковых сгибаний.

Одним поводом я согнул голову лошади влево. Затем я зафиксировал руку на бедре. Это не только заставило лошадь прекратить трясти головой, но и лишило ее возможности встать на дыбы, если бы ей пришлось в голову сделать это. Стар пошел по кругу. Я попытался сделать диаметр кругов меньше и некомфортнее. Покружив еще немного, он начал предлагать остановку, я в свою очередь постепенно возвращал его голову в нормальное положение. Когда Стар окончательно остановился, я дал ему постоять несколько секунд, а затем приподнял поводья и слегка потянул их назад. Стар продолжал свои выкрутасы. Я сразу же согнул его голову вбок, теперь вправо, заставив его кружить практически на месте.

Мы повторяли это кружение каждый раз, когда лошадь начинала трясти головой. Через сорок минут она полностью отказалась от борьбы.

Хочу отметить, что я использовал кружение не в качестве наказания для лошади за провинность. Я пытался таким способом привлечь ее внимание. В то же время я хотел показать ей, что больше нет никакой необходимости

вскидывать голову. Если лошадь будет продолжать нежелательные действия, ей придется работать. Если же она прекратит, то будет спокойно стоять.

Я подчеркнул, что кружение не было наказанием, так как многие люди слишком полагаются на кружение, думая, что таким образом они наказывают лошадь. В процессе бесконечного хождения по кругу и лошадь, и всадник забывают, что было его причиной. Лошадь в таком случае становится агрессивной и нечувствительной.

Только после того, как Стар прекратил сопротивление, и я полностью убедился в том, что он внимательно реагирует на мои сигналы, я снова дал команду осадить. Для меня стала очевидна причина, по которой лошадь трясла головой. Просто никто не научил ее уступать давлению железа. Это часто встречается. Поэтому в случае с таким типом лошадей я считаю обучение осаживанию очень важной составляющей процесса коррекции. Если лошадь хорошо осаживает, значит, она понимает, как нужно уступать давлению. Если же она уступает давлению, вместо того чтобы сопротивляться, у нее не будет причин трясти головой.

Способ, которым я учу осаживать трясущих головой лошадей, ничем не отличается от того, который я использую с лошадьми, не желающими останавливаться.

Я оказываю легкое постоянное давление на их рот и вознаграждаю за малейшую попытку выполнить команду. Простой перенос веса, даже спровоцированный каким-то происшествием, как случилось со Старом, уже расценивается как правильная реакция. Когда я приподнял поводья, он переступил задней ногой, отмахнувшись от мухи, и подался чуть назад. Я моментально вознаградил его, полностью расслабив поводья.

Дальше все пошло как по рельсам. Когда я в следующий раз приподнял поводья, он сделал большее усилие, и опять получил награду. Мы повторяли это упражнение в течение пятнадцати минут. В результате от легкого сигнала Стар осаживал на четыре шага.

Лишь после того как Стар научился охотно и без сопротивления осаживать, я предложил ему пойти вперед. Я хотел, чтобы он сделал пару шагов и остановился. В таком случае он еще не успеет разогнаться и ему будет не трудно остановиться. Я потянул поводья с той же силой, с которой давал команду к осаживанию. Если Стар останавливался и не тряс головой, я снимал давление и давал ему отдохнуть. Всякий раз после команды к остановке я давал команду осадить. Стар начал ассоциировать остановку с осаживанием. Ожидая осаживания, он стал использовать энергию, ранее направляемую на то, чтобы трясти головой, на то, чтобы сделать пару шагов назад.

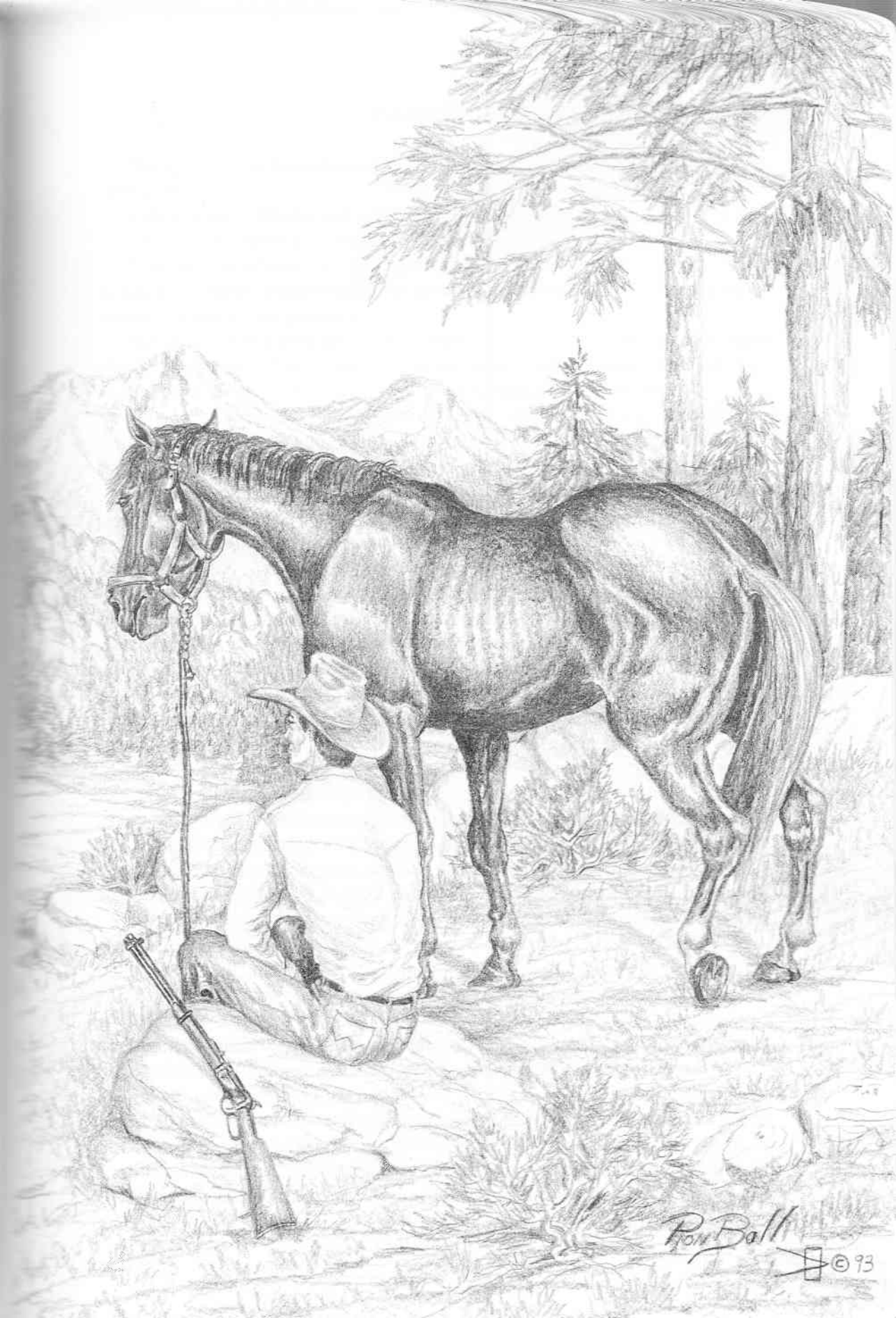
После того как лошадь научилась легко останавливаться и осаживать, не демонстрируя сопротивления, я стал увеличивать расстояние, которое она проходила перед командой к остановке. Следующим этапом была отработка остановок и осаживания на быстрых аллюрах.

Я работал со Старом 2 недели. К концу этого времени он полностью избавился от своей проблемы. К тому же он научился великолепно останавливаться. Его хозяйка была поражена, когда Стар резко остановился с галопа от легкого натяжения повода. От неожиданности она даже свалилась вперед ему на шею.

Случай со Старом был не самым трудным. Причиной его проблемы был недостаток выездженности. Я работал с другими лошадьми, которые демонстрировали те же симптомы, но исправить которых было гораздо сложнее, поскольку дело бы в плохо подогнанной амуниции, скрытых заболеваниях, болезненным состоянием рта, зубов или языка. Те же симптомы могут указывать на болезни спины и конечностей, доставляющих лошади дискомфорт. Естественно, в таких случаях сначала нужно устранить источник боли, а уже потом «лечить» лошадь от привычки трясти головой.

Также я пришел к пониманию того, что нельзя игнорировать привычку лошади трясти головой, которая со временем может развиться до такой степени, что с ней будет очень трудно справиться. Работая с такими лошадьми, нужно проявлять исключительное терпение. Нужно принимать во внимание то, что такая привычка вырабатывается годами и справиться с ней за один день невозможно. Но и эту проблему, как и любую другую, связанную с выездженностью лошади, можно решить, потратив на это время, набравшись терпения и вооружившись пониманием.

ЧАСТЬ 4

Глава 13

Найти учителя

Я знал об этой старой лошади только то, что ее зовут Док и у нее вывих правого бедра. Травма была настолько серьезной, что лошадь стала фактически калекой. Правая больная нога делала шаг наполовину короче здоровой левой. В результате Док ужасно хромал. Я не знаю, сколько ему было лет. Где-то между 27 и 34.

Думаю, я не обращал на него внимания потому, что никогда не заботился о нем. Это делал Дед. Он не только кормил и поил Дока. Дед убирал навоз в паддоке, чистил лошадь, 3 или 4 раза в неделю выпускал его на часок на луг. Я всегда думал, что это благородный жест со стороны Деда, он разнообразил монотонную жизнь лошади, которая в противном случае круглосуточно стояла бы в деннике или на пастбище. Зубы Дока так сносились, что он уже не мог полноценно пасти. Передними зубами он срывал траву, но не мог ее прожевать. В результате, когда он пытался сорвать очередную порцию, трава, скомкавшись в шар, выпадала у него изо рта на землю.

Поскольку Док не мог больше питаться травой и сеном, Дед ежедневно запаривал для него кашу из отрубей и кормил его из ведра. Не знаю, каков был состав каши, но Док выглядел упитанным и здоровым.

Дед никогда не рассказывал про Дока и не объяснял причины, по которой он так заботится об этой лошади. Уход за лошадыю был частью ежедневной работы Деда. Это было так же естественно, как и его неизменная сигарета в зубах.

Первый раз я обратил на Дока внимание, когда выпускал в соседнюю леваду лошадь. В леваде рос высокий тополь. Док отдыхал в его тени, лениво отмахиваясь хвостом от насекомых. Я видел его на протяжении двух лет. Теперь же мне показалось, что лошадь осунулась. Также я обратил внимание, что его обычно блестящая темно-гнедая шерсть выглядит тусклой.

Вернувшись на конюшню, я спросил Деда, не находит ли он, что лошадь похудела?

- Да, слегка, – ответил он спокойно, – но я думаю, волноваться не о чем.

- А я и не волнуюсь, – сказал я, – просто мне стало любопытно.

Теперь-то я думаю, что Дед пытался успокоить самого себя и убедить, что ничего страшного со старой лошадию не происходит. К несчастью, основания для волнений имелись.

Прошла неделя. Док продолжал терять вес. Было видно, что ему стало труднее двигаться. Его старая травма, из-за которой он сильно хромотал, очевидно, начала причинять ему сильную боль, чего не было прежде.

Спустя 2,5 месяца Док представлял собой жалкое зрелище. Из-за боли в бедре его движения ограничились маршрутом от кормушки до поилки. Когда Дед выпускал его на пастбище, Док еле-еле добредал до тополя и становился в его тени, ожидая, когда его заберут обратно. Он похудел и стал похож на скелет, обтянутый кожей. Все попытки откормить его не увенчались успехом.

Однажды я увидел рядом с тополем Деда. Он копал длинную глубокую яму. Я спросил, не нужна ли ему помощь.

- Нет, спасибо, – ответил он.

Он копал яму три дня. Натыкаясь на раскидистые корни тополя, он перерубал их топором. Он выкопал яму глубиной 2,4 м. длиной 3 и шириной 1,2 м.

Закончив работу, Дед подошел ко мне. У него в руках была корда.

- Приведи Дока, – сказал он, – я буду ждать вас здесь.

Видимо я выглядел очень озадаченно, поэтому Дед спокойно повторил свою просьбу еще раз.

Я зашел к Доку в загон. У меня не было недоуздка, поэтому я просто обернул корду вокруг его шеи и повел на пастбище.

Я ощущал что-то роковое. Я впервые так близко оказался к этой лошади. Раньше за ним всегда ухаживал Дед. Мне довольно ясно представлялось, что сейчас должно произойти, и я был уверен, что Док совершает последний путь в этой жизни.

Движения лошади были затруднены, и нам потребовалось довольно много времени, чтобы вернуться на пастбище. Завидя Деда, Док приветственно загугукал.

- Оставь его здесь, – сказал Дед, стоя рядом с выкопанной им ямой. В руках у него был пистолет. Я принялся его разглядывать.

- Смит энд Вессон. 45 калибра, – произнес Дед. – Мой отец купил его в 1888 году на свое совершеннолетие. Он подарил мне его перед смертью 27 лет назад.

- Никогда не видел такого, – сказал я, – выглядит как новенький.

- За ним всегда хорошо ухаживали, – грустно ответил Дед.

Он обернул корду вокруг передних ног Дока. Лошадь снова негромко заржала.

Дед постоял перед ней несколько секунд, затем вздохнул и сделал шаг назад. Он очутился на расстоянии вытянутой руки от головы Дока.

- Ты уже когда-нибудь присутствовал при таком? – спросил он безучастно.

- Нет, – ответил я.

- Многие люди, которые никогда не видели, как из пистолета убивают животных, думают, что их убивают выстрелом между глаз, – сказал он. – Это не так. Если выстрелить туда, то не попадешь в мозг. Нужно мысленно провести внутри головы лошади линию от левого уха до правого глаза и от правого уха до левого глаза. Пуля должна попасть в место пересечения этих линий.

- Да, сэр, – ответил я, чувствуя, как у меня бешено забилося сердце.

- Будет немного крови, – предупредил Дед, поднимая руку с пистолетом, – чаще всего из носа. Но к тому времени он уже будет мертв.

Сказав это, он прицелился лошади в лоб и нажал на курок. Звук выстрела был громче, нежели я ожидал, и в испуге я отпрыгнул.

Лошадь упала рядом с выкопанной ямой. Было очевидно, что она мертва, еще до того, как она коснулась земли, но Дед все равно проверил пульс. Как и ожидалось, пульса не было. Дед вернул пистолет в коробку. Затем он подошел к распростертой на земле лошади и ухватился за ее ноги.

- Возьмись за задние, – сказал он мне, – мы перевернем его на спину, и он соскользнет в яму.

На счет три мы осторожно перевернули Дока, и, как и сказал Дед, он плавно сполз в яму.

- Мне помочь Вам закопать его? – спросил я, глядя на лошадь.

Дед подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал: «Спасибо, я все сделаю сам».

По пути обратно на конюшню, в моей голове начали возникать вопросы. Самый главный вопрос касался причин, по которым Дед решил сам заняться похоронами старой, хромой и изможденной клячи. Это было не похоже на него. Я видел, как через его руки прошли сотни лошадей. Лошади были его бизнесом. Дед покупал и продавал их. Я знал, что некоторые из этих лошадей отправлялись прямиком на бойню. Дед при этом и глазом не моргнул. Если лошадь умирала на ферме, он вызывал специальную команду, которая забирала труп. Дед никогда не хоронил лошадей. Я ничего не понимал.

Через два часа Дед вернулся на конюшню. В руках у него было полотенце и коробка с пистолетом.

- Вы не против, если я задам Вам один вопрос? – спросил я.

- Нет, – ответил он, – что ты хочешь узнать?

- Я был очень удивлен, когда увидел, что Вы решили самостоятельно похоронить Дока. Раньше Вы никогда такого не делали.

Дед присел и зажег сигарету.

- Это была моя лошадь.

Тон, которым это было произнесено, не подразумевал дальнейших дискуссий. Это был последний раз, когда я завел подобный разговор.

- Я понимаю, – ответил я, глупо улыбнувшись.

Вскоре Дед ушел на задворки конюшни, где хранились старые сельскохозяйственные машины. Там были плуг, грабли, серп, картофелекопалка и прочие инструменты. Также там стояла старая наполовину сломанная тележка, на которую Дед погрузил две доски.

В течение следующих двух дней Дед занимался изготовлением надгробия. Он выровнял края досок и склеил их так, чтобы получилась одна толстая доска. Затем он выгравировал на ней надпись и установил надгробие на могиле Дока. Я выбрал момент, когда никого поблизости не было, и прочитал надпись, начертанную на нем.

ДОК. ОН БЫЛ ХОРОШИМ УЧИТЕЛЕМ

Теперь я уже знаю про лошадей, которые являются учителями. Это настолько хорошо выезженные лошади, что они действительно могут научить новичка верховой езде. Они заботятся о всаднике и обращаются с ним очень бережно, каким бы неопытным он ни был.

Дед всегда хорошо относился к таким лошадям, но ни к одной из них у него не было такого отношения, как к Доку. Возможно, эта лошадь дала ему то, благодаря чему он столь преуспел как конник.

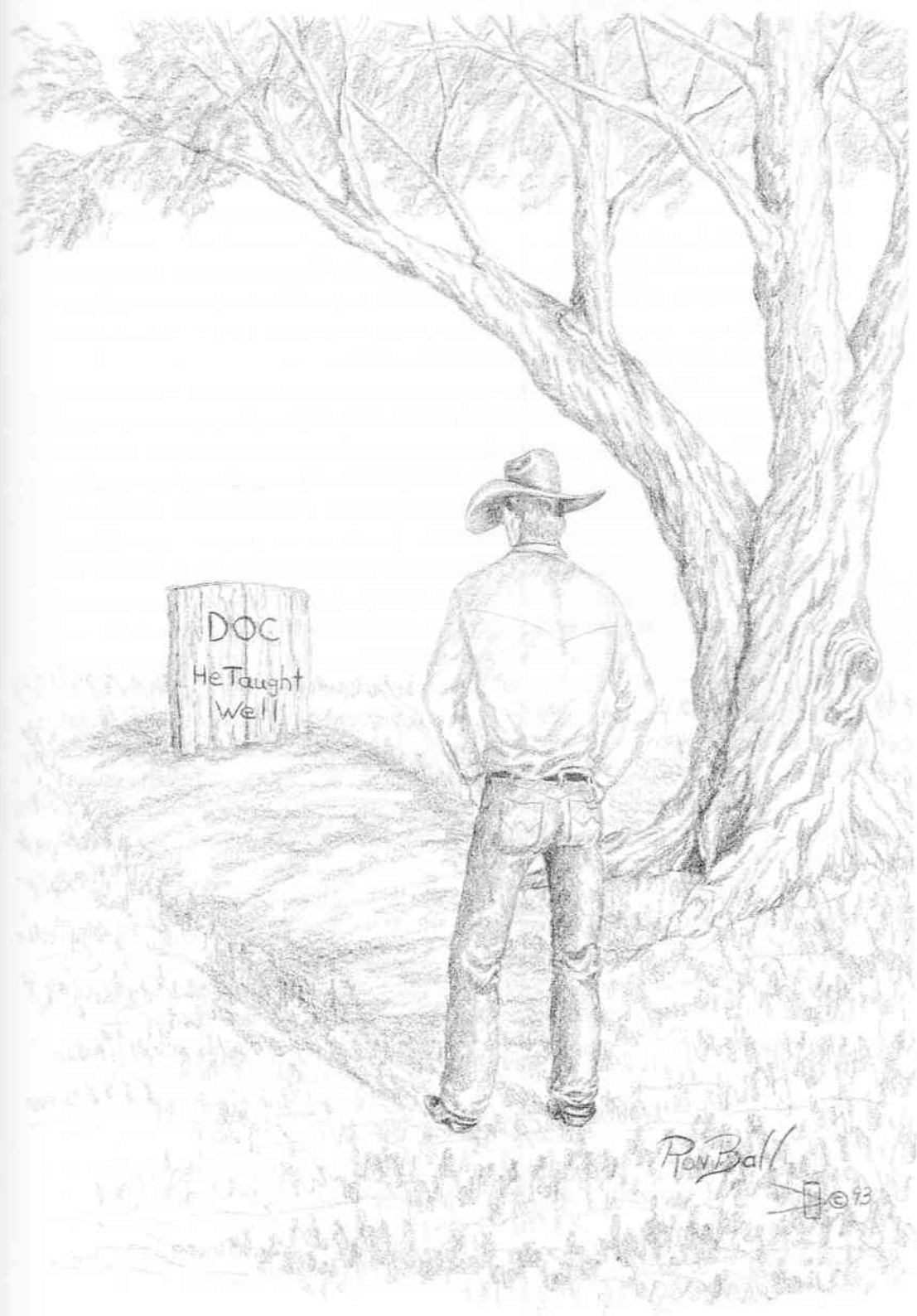
С раннего детства моей мечтой было научиться обращаться с лошадьми так же, как Дед. Я знал, что для того, чтобы воплотить эту мечту в жизнь, мне придется сильно попотеть. Также я знал, что мне нужно попытаться перенять знания Деда и суметь ими правильно воспользоваться. К сожалению, та лошадь, которая так много дала Деду, умерла. Без Дока у меня не было шанса научиться тому, чему научился Дед с его помощью.

Естественно, я надеялся встретить лошадь, подобную Доку, которая сыграет для меня роль учителя.

С этой мыслью я начал поиски лошади, которая откроет мне секрет, известный Деду. На протяжении последующих лет, каждый раз работая с новой лошадью, я задавал себе вопрос, чему она научила меня. К сожалению, ни одна из них, как мне казалось, не открыла того секрета, который я хотел узнать.

Со временем вопрос: «Чему я могу научиться у этой лошади?» – превратился в вопрос: «Чему я могу научить эту лошадь?». В действительности я так далеко ушел от первоначального вопроса, что история с надгробной надписью на могиле Дока стала лишь воспоминанием.

Затем я встретил Литтл Джон Бима, сокращенно Джона.

Это была ушедшая на пенсию роупинговая лошадь²². В свое время он выступал под двумя детьми и вывел их в финал в Литтл Брич Родео. Позднее, когда он уже не мог показывать достаточную скорость, чтобы выигрывать, его продали одному пижону, который делал на нем бессчетные слайд-стопы и ролл-бэки. У Джона начал развиваться на бабке мозолистый нарост, также появились симптомы артрита на обоих запястьях, на правом в большей степени. Тогда его снова продали.

Его купил мой друг, студент-ветеринар Дэйв Шнейдер. Спустя два года Дэйв и Джон стали не только друзьями, но и партнерами. Джон даже блеснул на турнире по роупингу. Дэйв тогда был новичком в этой дисциплине. Он говорил, что многим вещам его научил Джон.

После окончания ветеринарного колледжа перед Дэйвом встала дилемма. Он получил должность в Университете Штата Джоржия, но состояние передней ноги Джона ухудшилось, и длительный переезд в коневозе мог еще больше повредить ему. Дэйв решил, что будет лучше оставить Джона в Колорадо. Он спросил, смогу ли я присматривать и ухаживать за лошадью в его отсутствие, и я с радостью согласился. Джону на тот момент было 25 лет.

Джон прожил у меня три года. Большую часть времени он просто отдыхал. Иногда я сажал на него детей, которые впервые ездили верхом, или взрослых, потерявших уверенность в себе после падения.

На третье лето артрит на правой передней ноге Джона обострился до такой степени, что его сустав стал размером с мяч для софтбола. За последнюю зиму он также потерял несколько зубов, и поэтому стал плохо держать форму. Было ясно, что он не переживет еще одну зиму. В Колорадо приехал Дэйв. Он осмотрел лошадь и принял решение усыпить Джона до зимы. Но еще оставалось лето. Из-за сильной хромоты о езде верхом не могло быть и речи. Но Джон приносил пользу, работая нянкой для молодого арабского мерина, недавно потерявшего своего приятеля по пастбищу.

Джон выполнял свою работу с большим энтузиазмом, и прямо расцвел на сочной траве. К сожалению, хозяин араба не смог продлить аренду пастбища, и мне пришлось забрать Джона на ранчо, где я тренировал лошадей. Мы поместили его в большую леваду с укрытием, чтобы иметь возможность наблюдать за его питанием. Неделию или около того Джон выглядел вполне довольным. Но в середине августа я стал замечать в нем существенные изменения. Он все больше впадал в депрессию и терял вес, несмотря на то, что еда была у него прямо под ногами. Даже когда мы выпустили его на пастбище, его состояние не улучшилось.

Полагая, что, вероятно, со здоровьем у Джона плохо, я вызвал местного ветеринара.

²² Роупинг (roping) – вестерн дисциплина, заключается в ловле бычка с помощью лассо, которое закрепляется на рожке.

- Я не нахожу никаких заболеваний, – сказал ветеринар после осмотра лошади, – это просто старость.

В следующую среду, зашпываясь в бочке с жеребенком, я кинул взгляд в загон Джона и увидел, что он находится в лучшем расположении духа, чем был до последнего времени. Он играл с лошады, стоявшей в соседнем загоне, рысая вдоль забора, мотал головой и повизгивал, как жеребенок. После полудня его настроение ухудшилось. Казалось, он выдохся. Джон подошел к корыту с водой и начал копать передней ногой. Он копал минут десять, прежде чем успокоиться. Затем он обернулся, посмотрел прямо на меня и тихо заржал.

Я подумал, что лошадь хочет сказать мне, что корыто пустое или вода слишком грязная для питья, и пошел проверить, в чем дело. Корыто было наполовину наполнено чистой водой. Джон подошел к воротам и загугукал, как бы говоря: «Эй, уведи меня отсюда». К сожалению, все левады были заняты, и мне пришлось оставить его в загоне.

- Прости, дружище, – сказал я, погладив его по лбу, – придется немного подождать.

С этими словами я вернулся в бочку и продолжил свою работу, а Джон продолжил стучать копытом по корыту и гугукать в мою сторону. После обеда освободилась левада на пастбище, и я выпустил его. Вместо того чтобы успокоиться и начать пастись, Джон встал у ворот и снова стал копать, периодически гугукая. Это продолжалось целый час, пока я не пришел и не повел его обратно в загон. По дороге он трижды вкапывался намертво, протестуя против возвращения. В загоне он снова принялся стучать по корыту, потом по кормушке, по стене укрытия, воротам и т.д. Периодически он останавливался, смотрел на меня и тихо ржал.

Я уж было подумал, что у него колики, но, проверив температуру, работу кишечника и цвет слизистых, убедился, что все нормально.

В 4:30 Джон внезапно прекратил копать. Я не знал, чем ему еще помочь, поэтому сел в машину и направился домой. Когда я проезжал мимо загона, Джон подбежал к забору и пронзительно завизжал. Остановив машину, я внимательно посмотрел на него, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, а затем продолжил дорогу домой. Не успел я открыть дверь, как зазвенел телефон. Звонила одна из работниц с ранчо.

- Извините за беспокойство, – сказала она, – но Джон лег, и мы не можем поднять его.

- Лег? – переспросил я? – У него колики?

- Нет, – ответила она, – он опрокинулся сам и не хочет вставать.

Мне это совсем не понравилось. Лошадь целый день вела себя беспокойно, а теперь еще и легла. Что-то было не так.

- Может быть, позвонить ветеринару? – спросила работница.

- Нет, – ответил я, – продолжайте попытки поднять его, я сейчас буду.

Когда я приехал на ранчо, двум работницам удалось поднять Джона на ноги. Они стояли рядом с ним в загоне. Лошадь выглядела ужасно. Ее шерсть слиплась, глаза были наполовину прикрыты, нижняя губа отвисла. У нее был совершенно отсутствующий вид и мертвый взгляд.

Джон увидел меня краем глаза, повернул голову в мою сторону и тихо заржал, как бы говоря: «Теперь со мной все ОК».

Я внимательно осмотрел его. Пару раз он пытался отойти. В изнеможении Джон толкнул меня головой. Трудно объяснить чувства, которые он у меня вызывал, но было ясно, что он больше не цепляется за жизнь.

- Он совсем плох, — сказал я, закончив осмотр, — мне придется его пристрелить.

- Боюсь, мы не сможем вызвать завтра бригаду могильщиков, — сказала одна из работниц, — нельзя же оставлять труп просто так.

- Этой лошади не нужны могильщики, — ответил я резко.

- Что же Вы собираетесь сделать? — поинтересовалась она.

- Не беспокойтесь об этом, — ответил я, — я найду для нее место. Вокруг достаточно земли.

Это было правдой. Ранчо располагалось на территории площадью 120 гектаров. Найти для Джона место было легко. Проблема заключалась в другом. Место должно было быть достаточно близко, чтобы он смог дойти туда, но не слишком, чтобы никому не мешать.

Я пошел к машине и достал свою винтовку и патроны. Затем накиннул Джону на шею корду, и мы пошли к холму. Вскоре мы подошли к небольшому оврагу, где начиналась узкая тропинка. Я был уверен, что, пройдя по ней немного, обнаружу подходящее место. Взойдя не без трудностей на вершину холма, я увидел, что тропинка обрывается. Мы пришли.

Я думал, что через некоторое время лошадь захочет лечь. Я решил про себя, что буду ждать этого, сколько бы времени не потребовалось.

Джон был хорошей лошастью, которая всю жизнь делала то, о чем ее просили. Теперь ее жизнь подошла к концу, и это было единственное, чем я мог ее отблагодарить. Я был готов ждать, пока Джон ляжет, всю ночь до утра.

Я прислонил винтовку к росшему рядом кусту и присел на камень. Джон закрыл глаза, и, казалось, уснул. Я оглядел долину, раскинувшуюся перед нами. Трава была необычно зеленой для этого времени года. Обычно к августу под палящими лучами солнца она уже желтеет. Я подумал, насколько прекрасен пейзаж, которым я люблю, и как печальны обстоятельства, приведшие меня в это живописное место.

Через двадцать минут Джон приоткрыл глаза и с трудом лег на землю. Полежав несколько секунд с поджатыми ногами, он перевернулся на левый бок. Я встал перед ним на колени и приподнял его голову, чтобы растянуть и снять недоуздок. Когда я направился к кусту за винтовкой, Джон издал протяжный вздох облегчения. Я зарядил винтовку, вздохнул и вернулся к нему.

- Боже, как я это ненавижу, — сказал я про себя, становясь на колени и прицеливаясь лошади в голову.

Взведя курок, я внезапно понял, что Джон не дышит. Я пощупал пульс у него на шее. Пульса не было. Его глаза были открыты, зрачки расширены, мышцы тела расслаблены. Я не мог поверить. Джон умер.

Я присел рядом с ним и стал тихо поглаживать по шее.

- Так вот, что ты пытался сказать мне весь день, — сказал я, — ты не хотел умирать в этом проклятом старом загоне.

Внезапно я почувствовал себя пристыженным. Я столько лет потратил на то, чтобы научиться понимать лошадей. Наконец одна из них попробовала со мной общаться, а я этот момент упустил.

- Ты только что преподавал мне урок, — сказал я, поднимаясь с земли и отряхивая джинсы. — Будь уверен, больше я никогда так не ошибусь.

Я спускался прежним путем. Прошло не более часа, солнце только начинало клониться к горизонту. По дороге я осмысливал урок. Он заключался в том, чтобы быть предельно внимательным, когда лошади пытаются общаться с нами. Я наконец понял то, что ускользало от меня все эти годы.

Это не мы общаемся с лошадью, а лошадь общается с нами.

Мы так заняты тем, чтобы объяснить лошадям то, чего мы от них хотим, что не слушаем, что они хотят сказать нам в ответ.

Передо мной была лошадь, которая целый день пыталась мне что-то сказать. Наконец, когда все ее усилия оказались бесплодными, она сделала одну вещь, которую я точно не смог бы проигнорировать. Она упала. Она знала, что через некоторое время обязательно кто-нибудь придет и попробует ее поднять, а затем уведет ее из загона, чтобы осмотреть. Этого она и добивалась.

Знаю, что найдутся те, кто сочтет происшедшее не более чем случайным совпадением. Может быть, они и правы. Но что, если они ошибаются? Представьте себе всю трагедию животного, которое буквально пытается общаться с нами, а мы даже не допускаем мысли о такой возможности!

Мы начинаем общаться с лошадью, когда хотим объяснить ей, как она должна реагировать на наши команды. С другой стороны, лошадь пытается общаться с нами, когда хочет показать, что она чувствует себя в опасности. В какой степени она пытается научить нас общаться с ней? Мы же не находим времени, чтобы представить себе в роли учителя и научиться у нее.

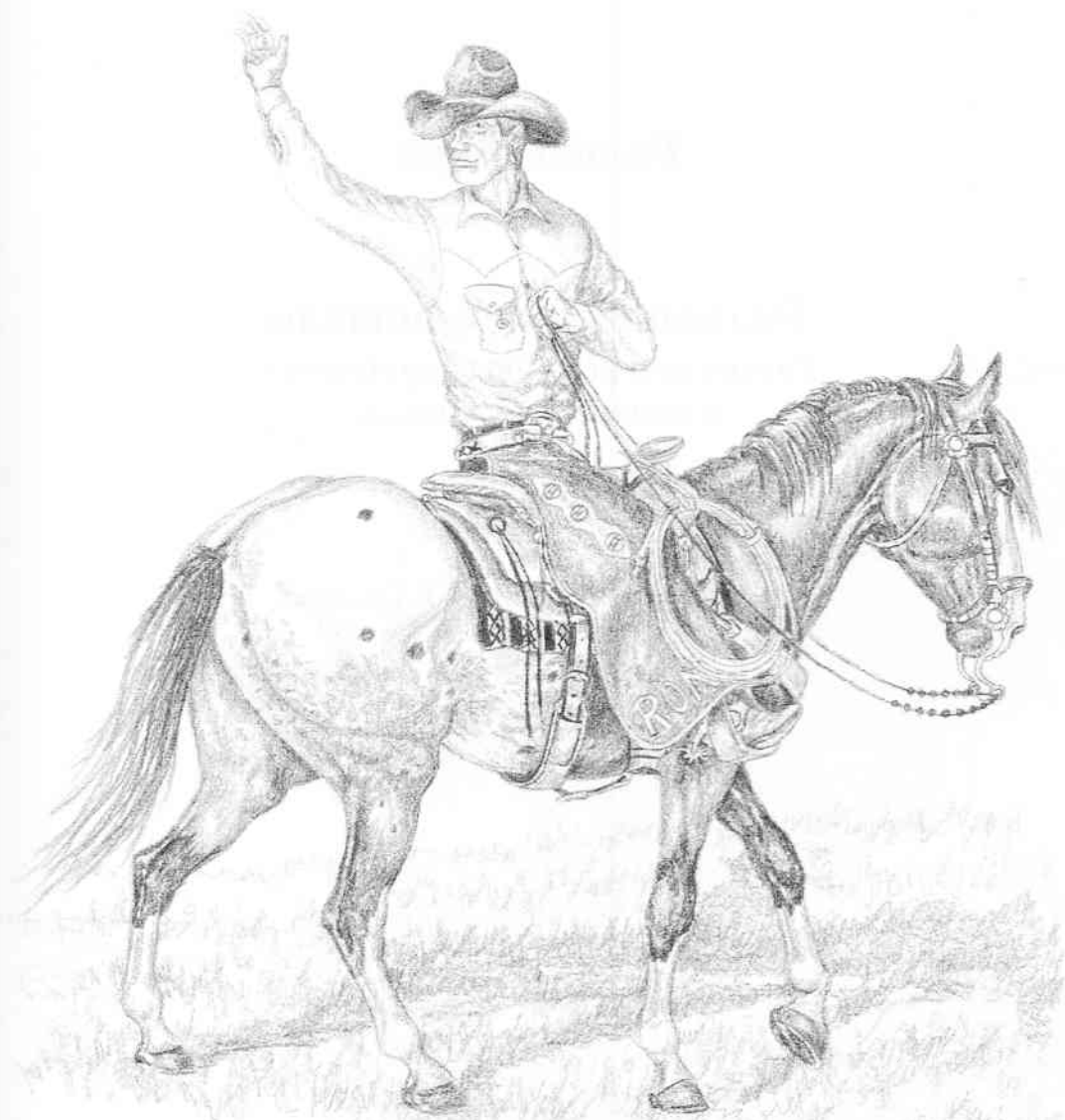
Спустя 25 лет я понял смысл слов, написанных в начале книги: «Джон был хорошим учителем».

Для меня учителем является не одна лошадь. Есть лошади, которые учат.

Сначала это была кобыла, которую зажали между двумя прибитыми к электрическому столбу в бочке. Затем лошадь, которую зажали между двумя электрическими проводами. Была лошадь, которая упала в яму, и я ее поднял.

что не хотела грузиться в коневоз. Пятнистая кобыла наступила мне на руку, гнедой мерин не хотел останавливаться, а из-за красно-бурой кобылы я потерял зуб.

Была лошадь по имени Док, другая по имени Джон, и был седой старик с дубленным лицом и неизменной сигаретой в зубах. И я могу сказать: они все были хорошими учителями.

Литературное издание

Рашид Марк

**Размышления о лошади
Рассказы о решенных проблемах
и полученных уроках**

Ответственный за выпуск А.В. Грызлова

Редактор С.И. Соболев

Оформление Е.С. Волохина

Вёрстка О.Г. Ковалёва

Корректор С.И. Некрасов

Подписано в печать 24.03.2009
Формат 70х100. Бумага офсетная

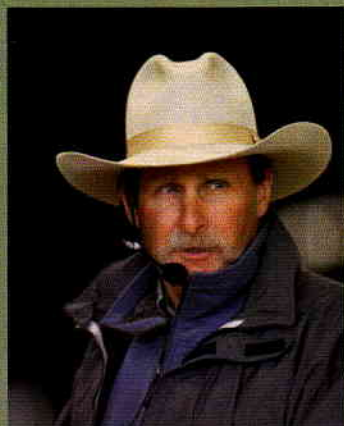
Усл. печ. л. 10,7

Тираж 1000

Заказ № 15

Отпечатано в ООО «Информационно-консалтинговый центр»

197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, 6
Тел.: 8-812-4300716

Размышления о лошади

Марк Рашид широко известен во всем мире как лошадиный тренер, знаменитый своей способностью понять точку зрения лошади и решить любые, казалось бы, самые сложные проблемы при помощи методов коммуникации, не применяя при этом силу.

Марк Рашид — один из наиболее именитых последователей так называемой «мягкой школы». Он выступает за интеллектуальные отношения с лошадью. В возрасте десяти лет он познакомился с мастером, который и научил его работать с лошадью не против ее воли, а прислушиваясь к тому, что животное пытается сказать своим поведением.

Марк Рашид является автором нескольких книг, например, таких, как «Лошади никогда не лгут», «Большие лошади, хорошие собаки и прямые изгороди», «Жизнь с лошадьми». Наиболее популярный литературный труд Марка Рашида «Размышления о лошади. Рассказы о решенных проблемах и полученных уроках» Вы сейчас держите в руках.